

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhib.am/>

E-mail: info@artsakhib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhiblibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

ДАВИД БАБАЯН

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
КАРАБАХСКОГО ХАНСТВА
В КОНТЕКСТЕ
АРЦАХСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
XVIII ВЕКА**

ЕРЕВАН 2007

ДАВИД БАБАЯН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
КАРАБАХСКОГО ХАНСТВА
В КОНТЕКСТЕ
АРЦАХСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
XVIII ВЕКА

Ереван
"Ангарес"
2007

УДК 941 (479.25)
ББК 63.3 (2 Ар)
Б 122

Рекомендовано к печати Министерством
иностраных дел НКР

Оглавление

Б 122 **Бабаян Давид**

Политическая история Карабахского ханства в контексте арцахской дипломатии XVIII века. - Ер. Антарес, 2007.-120 стр.

Одной из казалося бы наиболее известных и наименее приятных страниц в истории Арцаха является создание и существование Карабахского ханства, которое было фактически независимым государственным образованием с 1747 по 1806 годы. Тем не менее в освещении данного периода истории Арцаха налицо однонаправленность. При достаточно глубоком исследовании наглядно проявляются глубокие противоречия, которые дают основания полагать, что классическая интерпретация исторических событий попросту не в состоянии представить объективную картину политической истории Карабахского ханства.

В данной монографии выдвигается гипотеза относительно того, что создание Карабахского ханства во главе с предводителем тюркского племени джеваншир было глубоко продуманным дипломатическим шагом правящих армянских кругов Арцаха, причем данный шаг по политическим мотивам был так тщательно завуалирован, что до сих пор не только в армянской исторической науке, но и в народном сознании, события, происходившие во второй половине XVIII века, имеют вышеуказанную одностороннюю направленность. Рассмотрение создания Карабахского ханства с этой точки зрения позволяет взглянуть на Карабахское ханство с совершенно иного, более близкого к реальности ракурса.

С момента создания и по крайней мере вплоть до нашествия персидского шаха Ага-Мухаммеда Карабахское ханство было армянским государственным образованием, где карабахские мелики, поставив, исходя из политической ситуации, во главе государства магометанина, являлись фактическими правителями этого государства. Осознание этого весьма важно и с исторической, и с политической точек зрения. Карабахское ханство было одним из этапов построения арцахской государственности и это государственное образование сыграло весьма существенную роль в истории армянской государственности.

Б $\frac{0503020913}{0103(01) 2007}$ 2007 г.

ББК 63.3 (2 Ар)

ISBN 978-99941-57-98-3

© Давид Бабаян

Введение	5
<i>Глава I</i>	
Пробелы в традиционной интерпретации воцарения	
Панах-хана в Карабахе	9
<i>Глава II</i>	
Национально-освободительное движение в Арцахе в 1722-1728 годах в контексте создания Карабахского ханства	15
<i>Глава III</i>	
Период, предшествовавший появлению Панах-хана в Карабахе	29
<i>Глава IV</i>	
Воцарение и правление Панах-хана в Карабахе	32
4.1 Фигура Панах-хана и стратегические соображения его выбора	32
4.2 Начало практического осуществления задуманного плана: создание буферного варианта Карабахского ханства и подготовка перевода Панаха в Арцах	34
4.3 Основные стратегические императивы создания Карабахского ханства.....	36
4.3.1 Объединение Карабаха и Зангезура в рамках единого государственного образования	36
4.3.2 Основание единого крупного армянского центра власти и управления	38
4.4. Политический расклад сил в Карабахском ханстве	50
4.4.1 Внешняя политика Карабахского ханства	50

4.4.2 Внутриполитический расклад сил в ханстве	55
<i>Глава V</i>	
Правление Ибрагим-хана	63
5.1 Борьба за передачу трона Карабахского ханства Ибрагим Халилу	63
5.2 Первый период правления Ибрагим-хана (1779-1795).....	67
5.2.1 Политический расклад сил в Карабахском ханстве и восстановление политического единства в армянской политической среде	67
5.2.2. Борьба центробежных и центростремительных сил	74
5.2.3 Первое нашествие Ага-Мухаммед-шаха в Карабах	84
5.3. Второй период правления Ибрагим-хана (1796-1806)	86
5.3.1. Внутриполитическая ситуация в Карабахе и поход русских войск в Закавказье	86
5.3.2 Второе нашествие Ага-Мухаммед-шаха в Карабах и его последствия	91
5.3.3 Дипломатические усилия меликов Карабаха на чужбине	94
5.3.4. Военная кампания русских в Закавказье и присоединение Карабаха к России	97
Заключение	103
Список использованных источников	107
Ссылки	112

Введение

Одной из казалось бы наиболее известных и наименее приятных страниц в истории Арцаха является создание и существование Карабахского ханства, которое началось с воцарения Панах-хана. Несмотря на всю психологическую щепетильность данной темы – это наша история, которую мы обязаны изучать для понимания имевших место в тот период процессов. Только посредством глубокого научного и лишенного всяких эмоций анализа можно сделать соответствующие выводы и избежать ошибок, допущенных в прошлом. Особую важность это представляет именно сейчас, когда армянский народ восстановил свою государственность и строит два независимых государства – Республику Армения и Нагорно-Карабахскую Республику (НКР).

Однако процесс строительства армянских государств проходит в весьма специфических условиях. Одним из ключевых аспектов здесь предстает нагорно-карабахская проблема, которая по сути стала колыбелью возрождения армянской государственности, как в Республике Армении, так и в Карабахе. Но в отличие от Республики Армении, государственность в Нагорном Карабахе пока де-юре не признана международным сообществом, а Азербайджан, с которым у НКР все еще не урегулированы взаимоотношения, вообще не признает право Нагорного Карабаха на самоопределение, считая его не только своей составной частью, но и колыбелью азербайджанской государственности. Несостоятельность подобного рода доводов налицо для любого мало-мальски знакомого с историей региона. Государство под названием «Азербайджан» впервые появилось лишь в 1918 году, причем название это было выбрано с геополитическим прицелом для отторжения Иранского Азербайджана и проникновения Турции посредством последнего в Центральную Азию для создания пантюркистского государства. Турция, как заявил один из лидеров младотурков Энвер-паша в беседе с германским представителем, должна была играть в Азии такую же роль, какую играла в Европе Германия¹. Еще 2 августа 1914 году по договору, заключенному между Германией и Турцией, после окончания войны Турция должна была забрать себе Кавказ и Иранский Азербайджан². Этноним же «азербайджанцы» в качестве собира-

тельного названия целого народа впервые появился лишь в 1936 году¹.

Хотя данные вопросы не являются основной темой настоящей монографии, но все же в качестве одного из основных «обоснований» «принадлежности» Карабаха Азербайджану приводится именно существование Карабахского ханства. В какой-то степени, как это неприятно признавать, в подобной трактовке определенная вина лежит на армянской стороне. В армянской историографии имеется определенная однонаправленность в вопросах, касающихся истории создания и существования Карабахского ханства. Создание Карабахского ханства рассматривается исключительно в контексте узурпирования власти одним из меликов Хамсы⁴ и приглашения им предводителя одного из тюркских кочевых племен для борьбы с остальными меликами, не желавшими признать узурпатора. Более того, само существование Карабахского ханства и имевшая место борьба между меликами и ханами в армянской историографии рассматривается исключительно как продолжение национально-освободительной борьбы.

Между тем, имеется ряд весьма веских оснований полагать, что исторические события, связанные с созданием и существованием Карабахского ханства, имеют несколько иную направленность. В данной монографии выдвигается гипотеза относительно того, что создание Карабахского ханства во главе с предводителем тюркского племени джеваншир было глубоко продуманным дипломатическим шагом, причем данный шаг по политическим мотивам был так тщательно завуалирован, что до сих пор не только в армянской исторической науке, но и в народном сознании, события, происходившие во второй половине XVIII века, имеют вышеуказанную одностороннюю направленность. Рассмотрение создания Карабахского ханства с этой точки зрения позволяет взглянуть на Карабахское ханство с совершенно иного, более близкого к реальности ракурса.

С момента создания и по крайней мере вплоть до нашествия персидского шаха Ага-Мухаммеда Карабахское ханство было армянским государственным образованием, где карабахские мелики, поставив, исходя из политической ситуации, во главе государства магометанина, являлись фактическими правителями этого государства. Осознание этого весьма важно и с исторической, и с политической точек зрения. Карабахское ханство было одним из этапов построения арцахской государственности и это государственное образо-

вание сыграло весьма существенную роль в истории армянской государственности.

Среди историков Нагорного Карабаха имелись отдельные попытки рассмотреть создание Карабахского ханства именно с подобной точки зрения. Но даже среди них доминировала классическая трактовка событий, связанных с воцарением Панах-хана. Ряд историков считает, что хотя мелик Шахназар и пригласил Панаха в Карабах для борьбы с остальными меликами, но все же после того, как связка Шахназар-Панах одержала победу над остальными меликами, Шахназар правил государством⁵. Другой карабахский историк, известный исследователь надгробных памятников г. Шуши Грачик Арутюнян на основе тщательного исследования истории рода Шахназаровых пришел к выводу, что из рода, который дал столько известных патриотов, вряд ли мог выйти предатель такого масштаба, которым принято считать мелика Шахназара⁶. Однако воцарение Панах-хана не было лишь инициативой Шахназара, а скорее явилось коллективным решением, где одна из ключевых ролей принадлежала мелику Варанды.

Временные рамки приведенного в книге исследования охватывают три этапа. Первый этап охватывает период с 20-х годов XVIII до воцарения Панах-хана в Карабахе. Второй этап – период правления Панах-хана в Карабахе. Третий этап – правление Ибрагим-хана, закончившееся просоединением Карабахского ханства к России. Все эти этапы органически связаны друг с другом, и процессы, происходившие в каждом из них, предопределяли развитие ситуации по определенному сценарию в последующих этапах. В то же самое время каждый этап отличался от предыдущего и представляет собой отдельную эпоху.

Методической основой исследований вышеуказанных процессов предстают научная объективность и историзм. Только посредством этого можно подходить к тем или иным явлениям исключительно с научной точки зрения, без какой-либо эмоциональной составляющей. В исследовании применялись сравнительно-исторические, историко-аналитические, а также междисциплинарные методы исследований, которые дают возможность рассматривать различные аспекты в рамках единой системы.

Книга была написана на базе источников и исследований на армянском, русском, английском и азербайджанском языках. Использовались также гру-

зинские источники XVIII века. Были использованы архивные материалы, официальные документы, информация из печатных источников (книги, материалы форумов, публикации в средствах массовой информации), интернет-ресурсы, а также данные, полученные во время частных встреч и бесед. Монография представлена доступным языком, что дает возможность ознакомиться с представленной здесь точкой зрения достаточно широкому кругу читателей.

Глава I

Пробелы в традиционной интерпретации воцарения Панах-хана в Карабахе

Приход Панаха в Карабах в общих чертах более или менее известен. Варандийский мелик Шахназар II предательски убивает правившего тогда Варандой своего брата со всей его семьей и воцаряется на престол. Данный вероломный поступок вызывает недовольство и непримиримую вражду остальных четырех меликов к Шахназару II, которые, сплотившись, начали кампанию по свержению узурпатора. В свою очередь Шахназар II, для спасения своего трона и попросту жизни, идет на еще более вероломный поступок – заключает соглашение с предводителем одного из кочевых тюркских племен Панахом и приглашает его в Карабах, отдав ему неприступную крепость Шуши. В результате пришелец вместе с предателем сумели одолеть остальных четырех меликов Хамсы и установить в Карабахе инородное правление. До сих пор потомки не могут простить Шахназару его действий, особенно союз с Панахом – ведь, как отмечалось выше, именно правление Панаха и его потомков в Карабахе представляется Азербайджаном в качестве главной и единственной исторической основой притязаний на Карабах.

Тем не менее, в традиционной интерпретации истории воцарения Панаха в Карабахе имеется целый ряд пробелов, неувязок и попросту противоречий, при детальном рассмотрении которых становится ясно, что процесс воцарения Панаха был в свое время почему-то тщательно и целенаправленно завуалирован, да так завуалирован, что до сих пор при научном, а не эмоциональном политическом анализе возникают серьезные сомнения относительно достоверности классической интерпретации произошедших тогда событий.

Начнем с того, что по мнению некоторых исследователей, события, связанные с Панахом, происходили не при правлении Шахназара II, а при Шахназаре III. Так, в частности, считают представители рода Шахназаровых⁷. Но это одно из наименее существенных пробелов. Весьма противоречивыми и даже взаимоисключающими являются данные о том, кого же убил мелик Шахназар II. В одних источниках указано, что он убил своего дядю со всей

его семьей⁸, в других – брата⁹. Но практически нет данных об именах родственников. Кстати, на одном из кладбищ Шуши имеется фамильное захоронение, где покоится прах жены брата Шахназара II, которую якобы убил мелик. Но вопрос в том, что она скончалась на много лет позже самого Шахназара II¹⁰. Это весьма странно, ибо в таких случаях, для придания еще большей вероломности имевшему место преступлению, обычно указываются имена пострадавших, особенно детей и женщин. Например, когда убили преемника Панаха – Ибрагим-хана, то вместе с ним убили некоторых членов его семьи, имена которых хорошо известны. Но в случае с Шахназаром этого нет. Данный факт вызывает множество вопросов, на которые можно дать совершенно противоположные ответы.

Ситуацию еще более запутывает достаточно интересное письмо дизакского мелика Егана Надир-шаху, датированное 1742/43 гг., с просьбой назначить Шахназара меликом Варанды вместо погибшего за самого Надир-шаха мелика Гусейна (Хусейна)¹¹. Между тем, мелик Еган пользовался огромным авторитетом среди других меликов Хамсы и фактически в то время был неформальным лидером Карабаха. Он предлагал Шахназара ввиду того, что тот имел соответствующие способности для управления меликством¹². И это при том, что Мелик Овсеп, брат Шахназара, которого по преданию и убил последний, был племянником дизакского владыки¹³. Но даже несмотря на это, а также на тот факт, что мать Шахназара была тюрчанкой, выбор был сделан в пользу Шахназара II. Более того, именно этому Шахназару и выдал в жены свою дочь мелик Еган. Здесь не может не возникнуть целый ряд вопросов, ответы на которые в классической интерпретации армянской историографии найти невозможно. Зачем было мелику Егану ратовать за узурпатора и убийцу, тем более, что на варандийский престол претендовал его племянник? Зачем дизакский мелик выдал за такого человека свою дочь? Этот ряд можно продолжить и далее.

Очень странным выглядит и то, что Панах, который впервые появился в пределах Карабаха и объявил себя ханом в 1747 году, имел при себе всего-то около 200 всадников, причем его отряд в большинстве своем сформировался во время грабительских вылазок¹⁴. Какой же логикой должен был руководствоваться правитель Варанды, чтобы заключить соглашение с Панахом, имев-

шем ничтожное количество солдат, для которых, к тому же, первостепенным были грабеж и нажива? Такие солдаты, естественно, при реальной опасности никогда не будут рисковать своей жизнью. Между тем, мелики обладали достаточно солидным военным потенциалом. Каждый дом в Карабахе был обязан дать мелику при первом же его требовании одного солдата, а в случае серьезной опасности все, кто был в состоянии держать в руках оружие, становились солдатами¹⁵. В войнах с Османской и Персидской империями, которые имели место в первой трети того же XVIII века, Карабах имел армию, численность которой, по разным оценкам, составляла от 40 тыс.¹⁶ до 60 тыс. человек¹⁷. В мирное же время каждый мелик держал при себе личную охрану в 300 профессиональных воинов¹⁸. Как же удалось Панаху воцариться в Карабахе со своим малочисленным отрядом, даже если ему в этом помогали и войска мелика Шахназара? Кстати, участие войск Шахназара II в союзе с Панахом против войск остальных меликов также выглядит весьма сомнительным по ряду причин.

Во-первых, если Шахназар II действительно вырезал своего дядю или брата со всей семьей, то вряд ли население Варанды признало бы такого мелика. Дело в том, что Карабах был, пожалуй, единственным государственным образованием в регионе, где даже феодальные правители вступали в правление исключительно после того, как получали одобрение народа, так называемый «амахосакан»¹⁹, что являлось весьма важным фактором демократии. Кстати, получение одобрения народа было наиболее распространенным именно в Варанде. Если появлялись самозванцы, то народ их не поддерживал и даже свергал насильственными способами. Так произошло в том же XVIII веке с тем же самым Шахназаром II, когда после смерти мелика Гусейна престол по молодости сына Шахназара был фактически насильно взят племянником покойного мелика – Асаном (Овсепом). Народ такого вероломства не стерпел, и в столице Варанды – Аветараноце вспыхнула целая революция, в результате чего восставший во главе с юзбаши Авшаром народ убил самозванца и попросил Надир-шаха назначить меликом Шахназара²⁰. Вышеуказанное письмо дизакского мелика персидскому шаху о назначении Шахназара меликом является звеном в той же самой цепи.

Во-вторых, даже если мелик Шахназар вероломно взял власть в свои ру-

ки, то почему против него не выступил народ, который делал это в случае необходимости? Более того, как мог народ, особенно войска Варанды, смириться со вторым поступком Шахназара – союзом с инородцем и иноверцем против собственного народа и страны? Ни в одном из источников не указано, что Панах и Шахназар подавляли население Варанды и других меликств. Были стычки с другими меликами, но не с народом. Ответа на данный вопрос классическая интерпретация событий того времени также не дает.

Для того, чтобы попытаться хоть как-то разобраться во всех хитросплетениях имевших место тогда событий, прежде всего необходимо рассмотреть биографию самого Панаха. В сороковых годах XVIII столетия Надир-шах сумел изгнать турок-османов из Закавказья и восстановить над краем персидское владычество. Но персидский шах не сумел подчинить себе Дагестан, где к тому же находили убежище недовольные его правлением влиятельные лица из кочующих племен Закавказья, которые совместно с лезгинами творили постоянные беспорядки и совершали набеги в регион. Надир был вынужден переселить огулом все кочующие племена, в том числе и из Карабаха в Серекс – провинцию в Хорасанском наместничестве. Согласно существовавшему издревле на Востоке обычаю, каждое влиятельное семейство обязано было отдавать по одному способному носить оружие лицу на служение при шахе. Из кочующих племен на территории Карабаха на службе у Надира состоял некто саруджалинец Панах-Али-бек Джеваншир²¹. Род Панаха происходил от дикакского джеваншира из оймака (нарицательное наименование каждого из родов, входящих в состав племени, а также территории, занятой каким-либо родом – Д.Б.) сарыджаллы, одного из ветвей племени бахманлы, прибывшего в древние времена из Туркестана, и его предки были известными, знатными людьми среди джеванширского племени²². На службе у Надира Панах быстро продвигался по карьерной лестнице и особенно отличался во время военных кампаний Надир-шаха. Самые большие подвиги он совершал в ходе войны Надира с войсками турок-османов²³.

Согласно преданию, однажды Надир за что-то прогневался на него, и Панах-Али, боясь подвергнуться участи своего брата Бегбуд-Али-Бека, казненного Надиром за то, что тот «не по нем выглядывает», скрылся из лагеря с шестью своими соородичами, также находившимися на службе у шаха²⁴. По

другой версии, Панах стал жертвой дворцовых интриг и, опасаясь за свою жизнь, бежал в 1737/38 г.г. вместе с несколькими людьми из своих родственников и приближенных в Карабах, найдя подходящий для этого момент, когда шах был в Хорасане²⁵. Искали их всюду, но не нашли. Только спустя два месяца после их бегства узнали, что они пробрались в Карабах. Посланные за ними воины долго и всюду преследовали их, но, не сумев поймать их, лишь развязали им руки. Так, Панах-Али со своей шайкой, состоявшей уже из нескольких десятков конных, перешел в Джаро-Белоканскую область к лезгинам и оттуда, совместно с последними, стал проводить крупные набеги на Ширванский, Шекинский, Ганджинский и Карабагский вилайеты. При этом Панах-Али, «поощряемый успехами в борьбе со своими поимщиками и оберегателями края от набегов со стороны Дагестана, желая расположить к себе народные массы, не щадил народных притеснителей, а в отношении простых жителей руководствовался гораздо более гуманными правилами, чем начальники обыкновенных партизанских отрядов»²⁶.

Но когда роковая весть об убиении Надир-шаха в 1747 году разнеслась повсюду, Панах-Али со своими удалцами, числом около 200 всадников, как уже отмечалось выше, прибыл в Карабах и объявил себя независимым ханом. При этом Панах обосновал легитимность подобного шага тем, что он якобы происходил от потомков правителя Персии Аргун-хана, одного из внуков Гулагу-хана (внука Чингиз-хана) и что некто Мамед-хан из его предков, пребывавший в урочище Алагарку, на берегу р.Аракс, около села Бахманлу, по купчей крепости, написанной на пергаменте из джейрановой шкуры, купил всю Карабахскую землю, около 200 верст в длину и столько же в ширину, в границах между Кюрек-чаем, Курою, Араксом, Алынджа-чаем и озером Гокча, и долго пользовался ею самостоятельно, еще при жизни разделив ее между тремя своими сыновьями²⁷.

Однако подобное заявление Панаха вызвало негативную реакцию, как ни странно, в первую очередь у соседних мусульманских ханов. Так, правители Ширвана и Шеки (Нухи) решили совместно уничтожить Панах-хана и заключили между собой союз²⁸. Нухинский хан Хаджи Челяби двинулся со своими войсками против самозванца и в первом же бою разогнал Панаха и его сторонников. Но это не означало окончательного разгрома Панаха и он,

получив вскоре поддержку от прибывших из Хорасана своих соплеменников, сумел одолеть шекинского хана в кровопролитном бою под стенами крепости Баят (эта крепость располагалась на территории нынешнего Ждановского района Азербайджана), разбил наголову Хаджия, который после поражения сказал ставшую крылатой фразу: «Панах-Али был самозванцем, но я своим поражением утвердил его ханом»²⁹. После этой победы Панаху удалось практически без боя подчинить себе все мусульманские племена, населявшие тогда Карабах, и он фактически основал Карабахское ханство. Территория новообразованного ханства была достаточно маленькой и располагалась на прилегающих к реке Кура территориях Бардинского, Агджебединского и Ждановского районов бывшей Азербайджанской ССР³⁰. Это ханство не имело выхода к Араксу, в ее состав не входил даже Агдам, где впоследствии и будет похоронен Панах.

Именно тогда по общепринятой версии и произошел переход Шахназара на сторону Панаха. Тем не менее и здесь имеется целый ряд «пробелов», который классическая интерпретация данного события не в состоянии устранить. Есть достаточно веское основание полагать, что данный сценарий был тщательно спланированной и блестяще осуществленной дипломатической операцией арцахцев. Но понимание всей значимости данной операции было бы неполным без рассмотрения событий, происходивших с 1722 по 1728 гг., ведь именно эти события и сделали безальтернативным осуществление вышеуказанной дипломатической операции.

Глава II

Национально-освободительное движение в Арцахе в 1722-1728 годах в контексте создания Карабахского ханства

Начало 20-х годов XVIII века по праву можно назвать судьбоносным не только в истории Арцаха, но и в истории Армении в целом. Конец XVII - начало XVIII века ознаменовалось упадком двух некогда могущественных держав Ближнего Востока – Персии и Османской империи, которые вели между собой многолетние войны. Более того, начинала усиливаться Россия, которая все активнее стала проникать в Закавказье. Именно в это время усиливается национально-освободительное движение в Армении, флагманами которого выступали Арцах и Капан (Сюник). В конце XVII века начинается дипломатическая фаза армянского национально-освободительного движения, во главе которого встал Исраэль Ори. Вначале взоры армянства были обращены в сторону Европы, в частности, к Австрийской империи, у которой Ори и пытался заручиться поддержкой в национально-освободительной борьбе армян, в первую очередь против персидского ига, с учетом того факта, что Персидская империя возрастающими темпами клонилась к упадку. Планировалось, что армянским царем станет правитель германской области Пфальц Иоганн Вильгельм, но в обмен армяне должны были принять католичество³¹.

Однако после многолетних переговоров Ори с европейскими правящими кругами стало ясно, что у европейцев и конкретно у австрийцев совершенно иные интересы и им не до армян. К тому же условие перехода в католичество не встретило у армян поддержки. Между тем в это время, как уже отмечалось, начала усиливать свои позиции в качестве мировой державы Россия, которая, «прорубив окно в Европу» и выйдя к Балтийскому морю, разгромив Швецию, уже имела планы расширить свою территорию и сферу влияния на юге – в направлении Закавказья. Это не могло остаться незамечанным армянской дипломатией, и армяне начинают возлагать надежду на Россию как на освободительницу. Завязываются контакты между армянами и Петром I, основу которых положил Исраэль Ори. Сношения Петра I с армян-

ским народом через меликов и духовенство началось еще в 1701 году³². Российский самодержец сразу же обнадежил Ори и дал обещание поддержать армян, предложив ему готовиться к восстанию³³. Центром этого восстания стал Гандзасарский монастырь в Карабахе. После Полтавской битвы Россия начала серьезно готовиться к захвату побережья Каспийского моря, тем более, что настало весьма благоприятное время. Безвластие и междоусобица в Персии поставили последнюю в беззащитное положение, чем и воспользовался Петр I.

Вначале он стал проводить экономическую экспансию и, с согласия персидского шаха, заключил в 1710 году с джюльфинскими армянами конвенцию о том, чтобы они весь персидский шелк привозили только в Россию, за что им было оказано пошлинное облегчение. Дальнейшее углубление смуты и двоевластие в Персии, борьба афганца Мир-Махмуда с шахом Гусейном расширили планы Петра, который стал требовать еще больше прав и преимуществ в персидской торговле. При этом российское правительство вело переговоры как с бунтовщиками-афганцами, так и с законным претендентом на персидский престол. Вместе с тем России, естественно, не было выгодно, чтобы афганцы-сунниты взяли власть в Персии ввиду того, что это могло привести к их союзу с суннитской Османской империей.

Турция всячески препятствовала продвижению и укреплению русских в Закавказье, но, не имея реальной силы, чтобы пойти на захват западного побережья Каспийского моря и воспрепятствовать вывозу персидского и закавказского шелка в Россию, прибегла к помощи лезгин, которые совершали постоянные набеги на торговые пути и на армянских купцов. Однако параллельно с военным нажимом турецкие власти предоставили армянским купцам определенные привилегии, вследствие чего армяне опять стали вывозить часть шелка через Турцию³⁴. Для наказания армянских купцов в 1719 году Петр отменяет все привилегии, которые были предоставлены Россией этим купцам. Это было сделано еще и потому, что после заключения договора 1718 года, по которому Персия обязывалась ввозить персидский шелк в Россию, Петр надеялся обойтись без армянских купцов. Но в 1720 году лезгины захватывают Шемаху и грабят русских купцов. После этого вопрос о вооруженном вмешательстве в персидские дела уже принял безальтернативный характер.

Но для столь масштабной военно-политической кампании нужно было иметь как союзников в самой Персии, так и силы, которые сумели бы стать серьезной преградой на пути Османской империи. Ведь последняя, учитывая внутривосточную смуту в Персии и экспансию России, естественно, попыталась бы и сама кое-что взять себе и одновременно не допустить слишком глубокого продвижения русских. Среди таких сил и стали рассматриваться армяне Карабаха и Капана. В качестве первого шага Петр I возвращает все привилегии армянским купцам и начинает готовиться к походу в Персию. В 1722 году российский самодержец начал свои персидские походы. Основной целью Петра было завладение Каспийским морем, которое должно было стать посредником в сношениях между Европой и Азией³⁵. Практически одновременно начинается восстание армян в двух оставшихся осколках армянской государственности – Карабахе и Капана. В Карабахе руководителями восстания были гандзасарский католикос Есан Асан Джалалян и Аван юзбаша (сотник), в Капана национально-освободительное движение возглавил Давид-бек. На сторону России встала и Грузия во главе с царем Вахтангом.

Войска Петра I начали стремительно занимать каспийские провинции Персии. При этом Петр заранее направил письмо грузинскому царю о своем походе и просил его выступить навстречу русским со своими войсками. Вахтанг собрал войско из армян и грузин, прибыл к мосту на реке Чолак, куда подошли и армянские войска под начальством своих меликов. Встреча этих армий была обставлена очень торжественно, предполагалось пойти навстречу «Петру-освободителю». Затем армяно-грузинская армия направилась к Гяндже (Гандзаку) и фактически создала стратегически выгодную для Петра ситуацию, ведь Гянджа тогда была стратегическим ключом ко всем северным провинциям Персии³⁶. Армия эта ждала около двух месяцев, но так и не дождалась российского самодержца, который вернулся назад по причине некоторых смут в Москве и разногласий в сенате.

Возвращение Петра в Москву вызвало настоящий шок у восставших. Но одним шоком дело не закончилось. Армяно-грузинская ориентация на Россию вызвала сильнейшую ненависть у окружающих мусульманских народов. Персия увидела в грузинах и армянах изменников. Османская империя серьезно встревожилась перспективой того, что в случае успехов русских, армян-

ское национально-освободительное движение может также перебраться и на Западную Армению. Тем более, что намерения о расчленении Турции высказывались из уст как европейских монархов, так и Петра I. Например, после победы над османами в 1696 году при Азове Петр заявил польскому двору, что он намерен предложить европейским монархам совместно начать кампанию против Османской империи для освобождения азиатских христиан из под ига неверных. Петр даже отчеканил в Голландии монету, где под собственным изображением было записано, что Петр является самодержцем все-российким и греческим³⁷.

В развитии ситуации по данному сценарию Османская империя также непосредственно обвиняла армян. Посланник эрзрумского паши заявил католикусу всех армян: «Армяне привели русских на Кавказ, и они хотят захватить даже османскую землю и для этого подготовили 60-тысячную армию. Это дорого обойдется армянам»³⁸. Турция одновременно опасалась усиления России на Кавказе. Этого опасались и европейские державы, которые постоянно подталкивали Турцию на начало военных действий с Россией. Посол Англии в Константинополе внушал султану, что после того, как русские возьмут персидские провинции, Россия нападет и на Турцию, если же турки начнут войну, то Англия окажет им финансовую помощь³⁹. Ну и конечно нельзя не учитывать и то, что Османская империя также увидела весьма подходящий момент для захвата дополнительных территорий, когда Персия погрузилась в хаос⁴⁰. Турки начали готовиться к вступлению в Закавказье и для достижения своих целей стали натравливать на армян и грузин исповедующие суннитский толк ислама горские народы Северного Кавказа, в основном лезгин.

Таким образом персидская кампания России создала совершенно иную военно-политическую ситуацию в регионе, в результате чего Карабах и Зангезур оказались в сложнейшей ситуации и вынуждены были вести военные действия практически со всем своим окружением. Они были отделены и от Грузии и не имели возможности для совместного ведения борьбы. Создалась ситуация, при которой Карабах и Зангезур оказались в островном положении и вынуждены были вести борьбу, выражаясь современным языком, против двух великих держав – Османской и Персидской империями одновременно. При этом, несмотря на бесчисленные просьбы, армяне не получали никакой

помощи от Российской империи. Вместо этого они слышали бесконечные обещания о помощи и призывы продолжать борьбу. Грузинский царь Вахтанг VI такого положения дел долго выдержать не мог и после первой же военной кампании Турции против Грузии, не дождавшись помощи от России, попросил астраханского губернатора Волынского о предоставлении ему убежища. Тот от имени монарха обещал помочь и принять его в Астрахани. Петр негодовал по этому поводу, но был вынужден исполнить обещанное⁴¹. Вахтанг VI в сопровождении большой свиты в 1200 человек покинул свою страну⁴². В данной ситуации армяне Карабаха и Зангезура остались в полном одиночестве против грозных врагов.

Между тем Россия все глубже продвигалась в прикаспийские области Персии. Тем временем смута в Персии все усиливалась и достигла своего апогея тогда, когда предводитель восставших афганцев Мир-Махмуд ослепил персидского шаха Хусейна, почти уничтожив всю фамилию Сефевидов в Исфагане. Спасся лишь наследник Тахмасп, начавший укрепляться в Ардебиле. Почти половина Ирана была под контролем наступавших с востока афганцев, а турки начали вторжение с запада. Именно в этот выгодный для себя момент российское правительство и предложило Тахмаспу свою помощь, взамен чего потребовало прибрежные каспийские области. Тахмасп, естественно, ухватился за это спасительное предложение и согласился на все условия. 12 сентября 1723 года между Россией и Персией был подписан договор, по которому каспийские области последней отходили к России, хотя все еще не были полностью под контролем русских войск. Взамен Россия обязалась оказать военную помощь шаху Тахмаспу. Интересно, но данный договор так и не был ратифицирован Персией.

Все эти процессы серьезно встревожили Порту, и турки начали занимать персидские провинции на Кавказе. И здесь они столкнулись с армянскими войсками Карабаха и Зангезура. В сентябре 1723 года 80-ти тысячная турецкая армия под командованием Ибрагим-паши вторгается в Закавказье, доходит до Гандзака, где, сломив сопротивление защитников, начинает грабить население города и близлежащих деревень. Армяне, спасаясь, находят пристанище в Большом Сыгнаке – северном укрепленном районе Арцаха. Карабах направляет послание турецкому паше с требованием освободить пленных ар-

мян. Интересно, но Ибрагим паша удовлетворил требование армян Карабаха⁴³. В какой-то степени это было сделано для того, чтобы склонить Карабах на свою сторону. Турецкий паша послал делегацию для ведения переговоров с Карабахом относительно совместных действий. При этом он обещал гарантии того, что все требования армян будут удовлетворены, но Аван юзбаши отвергает данное предложение, желая видеть Карабах под покровительством России и надеясь на помощь последней⁴⁴. В то же самое время в составе русской армии был сформирован армянский эскадрон, который действовал в каспийских провинциях Персии против персидских войск. Постепенно у армян закрывались все пути для отхода и политического маневра. Они окончательно начинали восприниматься в качестве врагов и орудия в чужих руках.

Армия Ибрагим-паши затем неожиданно возвращается в Тифлис и расформируется. Но это не означало отказа Турции от захвата Закавказья. Просто, перегруппировавшись, турки предприняли новую волну вторжения. Основной целью османских войск был выход к Каспийскому морю и недопущение закрепления русских на Каспийском побережье. Действия Турции в свою очередь понуждали Россию к спешному захвату каспийских провинций, особенно на фоне того, что Сефевидская Персия была не в состоянии защитить эти области от турок. В одном из своих указов Петр I писал: «Нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже турок тут допустить нам неможно»⁴⁵.

Для России выход к Каспию и контроль над его берегами представлял ключевое геостратегическое значение. На тот момент Петр не был заинтересован в присоединении Карабаха и Зангезура к России или создания там независимого армянского государства. Россия была заинтересована в укреплении своих позиций на всем Ближнем Востоке и в Индии, и этого она рассчитывала добиться взятием под свой контроль берегов Каспийского моря.

Дело в том, что тогда торговля, особенно шелком, между Индией и Европой проходила мимо Каспийского моря. Но этот путь не проходил через Россию. Он пролегал через Ширван, Шеки, северный берег Куры и Грузию к черноморскому побережью, а оттуда через Турцию товары вывозились в Европу. Россия еще со времен Ивана Грозного начала восстанавливать альтернативный торговый путь – Волга–Великий Новгород–берега Балтийского мо-

ря. После захвата Иваном Грозным начала этого пути, Новгорода, сразу на очереди стал захват Казани, а за ним – Астрахани. Вслед за восстановлением этого, так называемого арабского торгового пути, Россия была намерена повернуть поток товаров через данный путь. С выходом России к Балтийскому морю Петр I начал строительство канала, соединяющего Каспийское море с Балтийским посредством реки Волга. Понятно, что данный канал при контроле русских над Каспием стал бы основной магистралью потока товаров из Индии в Европу, минуя Турцию. Намерение русских осуществить указанный план подтверждается и рядом документов, таким, например, как донесение французского посла в Петербурге де Кампредона кардиналу Дюбуа от 20 марта 1722 года⁴⁶.

Кстати, и персы предпринимали подобного рода действия относительно маршрута перевозки товаров из Индии в Европу в обход Турции и, как это ни парадоксально, жертвой данной акции стали армяне. Известно, что вывоз шелка из Персии традиционно находился в руках армян, а центром этой торговли была Джуга (Джюльфа) на Араксе, через которую армяне вывозили шелк по территории Турции в Европу. Разрушив Джугу на Араксе, шах Аббас основал новую Джугу около Исфахана и начал вывозить шелк в Европу, огибая Африку. Конечно, все эти искусственные мероприятия оказались нежизнеспособными, и после смерти шаха Аббаса вся указанная система развалилась сама собой. Действительно, было бессмысленно отправлять товары в Европу, огибая Африку, когда был ближний путь.

Но, в отличие от персидского подхода к направлению потока товаров в обход Турции, российский сценарий действительно имел все шансы стать жизнеспособным, хотя этому начали противиться европейские державы, в первую очередь Англия. Поэтому они и были заинтересованы в войне между Турцией и Россией. Однако последняя не хотела непосредственно ввязываться в войну с Турцией – едва закончив войну со Швецией, Россия не могла вступить в новую войну с Османской империей, которая тогда была все еще сильной страной, несмотря на уже начавшийся упадок. Но Россия не могла допустить того, чтобы турки вышли к Каспию, и поэтому сделала ставку на армян Карабаха, которые и должны были задержать турков, не дав им прорваться к Каспийскому морю. В данном контексте русские войска, прибыв-

шие на помощь Карабаху, могли спровоцировать войну между Российской и Османской империями. Поэтому Петр и всячески обнадеживал армян, призывал их сражаться, но даже и не намеревался приходить им на помощь.

Руководители армянского национально-освободительного движения, к сожалению, этого понять тогда не могли. Россия даже не оказывала технической помощи сигналам Карабаха. К примеру, у Карабаха вообще не было артиллерийских орудий, и карабахцы просили у России пушек или же специалистов-литейщиков, которые могли бы отлить их на месте⁴⁷. Однако и этого не было получено. Но даже в такой ситуации Карабах полностью сковал продвижение турецких войск к Каспийскому морю. При этом не было проиграно ни одного сражения. В любом крупном сражении османские войска терпели поражения от сигналов Арцаха. Петр продолжал обнадеживать армян, однако 12 июня 1724 года в Стамбуле между Россией и Османской империей был заключен мирный договор, по которой Россия добилась подтверждения условий петербургского договора от 12 сентября 1723 года. Иными словами, турки признали за Россией прикаспийские провинции Персии, а Россия взамен дала Высокой Порте полномочия поступать по всему Закавказью вплоть до Шемахи так, как ей заблагорассудится. Закавказье, фактически, разделялось между Россией, Турцией и лезгинами под предводительством Дауд-бека – вассала турецкого султана. Более того, Россия обязалась надавить на шаха Тахмаспа с тем, чтобы Персия признала за Османской империей все те территории, которые были заняты турецкими войсками, а в случае, если Персия не признает это, то Россия и Турция обязались совместно выступить против нее⁴⁸.

Карабах попал в весьма сложную ситуацию. Де-юре он практически оказался в составе Турции, но де-факто был независимым и продолжал борьбу с Османской империей. При этом руководители сигналов по-прежнему отклоняли предложения османских посланников о сотрудничестве и надеялись на помощь России. Данная ситуация была в целом на руку последней, так как Карабах и Зангезур не давали туркам укрепиться в Закавказье. При этом Карабах также не сумел наладить дружеские отношения с Персией. В отличие от него, Зангезур под предводительством Давид-бека проявил более гибкую тактику и сумел противостоять османам, наладив связи с персами. Очередная

османская армия, вторгшаяся в пределы Карабаха, была наголову разбита армянскими войсками. Двое из трех пашей были убиты, а один взят в плен. По словам этого пленного пашы, сам султан отдал приказ об истреблении армян по той причине, что именно они пригласили русских на Кавказ⁴⁹. Для борьбы с Карабахом и армянами в целом турки начали использовать и лезгин, которым было дано «законное» основание грабить и брать в плен армян⁵⁰.

Интересно, но именно в данный период времени Петр I начал склоняться к мысли о переселении армян из Карабаха и других мест в бывшие прикаспийские провинции Персии. Среди причин было, в частности, то, что во время персидской кампании обнаружилась одна очень неприятная сторона похода – русские войска начали гибнуть от климатических условий. Почти 90% армии постоянно болело, 50-60% заболевших погибло, в то время как потери от боев составили 1-2%. Более того, направленные для заселения этих областей татары, чуваша и другие народности также почти полностью погибли⁵¹. Единственную возможность для закрепления русского владычества в прикаспийских областях Петр I видел в удалении отсюда нехристиан и заселении этих областей армянами. Вот что писал он генералу Матюшкину: «Стараться всячески, чтобы армян призывать и других христиан, если есть, в Гилян и Мазандаран отселять, а бусурман zelo тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять»⁵². Петр I посылает Карабаху грамоту, в которой призывает переселяться в прикаспийские провинции Гилян, Мазандаран, Дербенд и другие места и гарантирует им все необходимое⁵³. В то же самое время российский самодержец, посылая указания своему послу в Константинополе Румянцеву, наставляет следующее: «Если турки спросят о наших связях с армянами, то необходимо будет сказать, что не мы их вызывали, а они сами по близости веры попросили нас взять их под свое покровительство. Для Порты будет выгодно, чтобы армяне переселились, ведь в данном случае они сумеют получить их земли безо всякого сопротивления. Если же султан захочет переселить к себе бусурман из приобретенных русскими бывших персидских провинций, то нам это не будет противно»⁵⁴.

В этих условиях Карабах действительно оказался в весьма тяжелых условиях. Если бы на нашем месте оказался какой-нибудь другой народ, то, вероятнее всего, он попросту покинул бы свою родину. В данном контексте хо-

телось бы привести один пример. Когда в 1809 году внушительная армия наследника персидского престола Аббас-Мирзы еще готовилась к вторжению в Тальшское ханство, население последнего вынуждено было бежать почти со всей территории ханства и найти приют на небольшом полуострове Сара (ныне остров) под защитой артиллерии русских кораблей⁵⁵. Но Карабах избрал иную стратегию и не стал переселяться, продолжая сопротивление с еще большей ожесточенностью.

После смерти Петра в 1725 году в России наступает весьма сложный внутривосточный период, известный в истории под названием эпохи дворцовых переворотов. Преемницей Петра становится императрица Екатерина I, которая в своем послании от 22 февраля 1726 года просит Карабах продолжать сопротивление и обещает помощь⁵⁶. В это же самое время в Карабах вторгается 40-тысячная османская армия под командованием Сары Муштафа-паши. К османам присоединяются и лезгинцы под командованием брата Дауд-бека Гаджи. Данная кампания продлилась в целом 80 дней и после кровопролитнейших сражений карабахские войска наголову разбили османско-лезгинскую армию. Но этим война не заканчивается – армяно-османские кровопролитные стычки имели место практически каждый день⁵⁷. При этом османы, видя бесперспективность вооруженной борьбы с Карабахом, предлагали всякого рода условия и льготы сыгнахам, но карабахцы все эти предложения отклоняли⁵⁸.

В ответ османы еще более ужесточались по отношению к армянам. Многие были истреблены, происходило насильственное обращение христиан в ислам. В Ширване и Шеки турецкие власти приказали христианам носить на груди отличительный желтый значок⁵⁹. Таков был режим, установленный Турцией в завоеванных ею областях⁶⁰. И это имело место за более чем двести лет до аналогичных действий в нацистских концлагерях.

Для давления на армян турки прибегали также к услугам суннитов-горцев Дагестана. И горцы участвовали в этом во многом из идеологических соображений, видя в армянах врагов веры. В этой связи хотелось бы вспомнить события 1721 года, когда горцы Дагестана, воспользовавшись тяжелым положением иранского правительства в связи с восстанием афганцев, пошли против Персии. Под предводительством Дауд-бека и Сурхай-хана они в июле

1721 года подошли к Шемахе и вскоре взяли город. Это событие известно также тем, что именно тогда в Шемахе были разграблены русские купцы. В Шемахе жило также много армян. Но они практически не пострадали от бесчинств горцев. Как пишет Есаи каталикос «народ армянский – христиане, как жители города, так и селений, за исключением немногих, особенно не потерпели от резни, ибо милостью Христа, они были пощажены»⁶¹. Этот факт лишней раз показывает как изменилось отношение к армянам за какие-нибудь несколько лет. Причем негативно относились не только к карабахцам или зангезурцам, а ко всем армянам. К примеру, безнадежно было положение армян, живущих к северу от озера Севан. Имея в тылу озеро и непроходимые горы, они были оторваны от основного ядра Карабаха и ниоткуда не могли получить помощи. Тогда была уничтожена большая часть христианского населения окрестностей Гандзака, те же, кто остался в живых, были или уведены в плен, или должны были принять ислам, как в Нухинском районе⁶², где до 10 тыс. армян принуждены были принять ислам; сопротивлявшихся калечили и умерщвляли⁶³.

Войска дагестанских горцев намеревались развить свое наступление и попытались перейти реку Куру с тем, чтобы затем взять Гянджу. Однако этому воспрепятствовали войска арцахских меликов. В этой связи хотелось бы привести выдержки из одного документа того времени. «Сего де 1723-го году июня в последних числах приехали в Шемаху Даудбек и Усмеев сын и Шамхалов сын, а турок приехало ж с Капычи пашею от ирзрумского паши 200 человек к Даудбеку и с письмами и с подарками... И хотел итти с ними он, Даудбек, по другой стороне Куры для взятия Генджи и армянское войско до Генджи онаго Даудбека не допустили и ныне стоит он на Куру с войском своим з двумя тысячами человеки»⁶⁴. Это свидетельствует о том, что войска меликов Архаца контролировали территорию вплоть до реки Куры, восстановив таким образом исторические границы Армении на данном участке.

Таким образом, Карабах продолжал отчаянно и весьма успешно воевать с османами, и это подтверждали многие, в том числе и неармянские источники. Например, посланник грузинского царя Вахтанга VI Давид Назарашвили по возвращении из Персии и Закавказья докладывал следующее: «Армяне еще крепко себя держат и турецкое войско на них нападали и оных турков ар-

мяне побили много число»⁶⁵. А в одном из секретных донесений русских, написанном в августе 1726 года, говорится следующее: «Турки с великими турами неоднократно на армян ходили, но четвертократно баталии проиграли и дальше армяне туркам сопротивляются»⁶⁶.

Тем не менее, сопротивление имело очень высокую цену. Изрядно поредело население и в самом Карабахе. Нет нужды объяснять, что такое ведение ожесточенной и широкомасштабной войны на несколько фронтов с двумя империями, а также с горцами Кавказа. Несмотря на победы Карабах терпел колоссальные потери. Только в Карабахе до начала широкомасштабной войны армянское население составляло около 100 тыс. домов⁶⁷. Учитывая большие размеры семей в те времена, общая численность армянского населения составляла по крайней мере 500-700 тыс. человек. Для сравнения, на 1916 год армянское население Елисаветпольской губернии (в основном сконцентрированное в Казахском и Елисаветопольском (Гянджинском) уездах и в Карабахе) составляло около 230 тыс. человек⁶⁸. Таким образом потери армян в войне с Османской и Персидскими империями были настолько велики, что оно не восстановилось даже по прошествии почти двух столетий. Особенно поредело население западного Нагорного Карабаха. Практически лишились своего населения Кашатаг и Вайкуник (Карвачар). Много людей погибло, многие стали беженцами и были вынуждены покинуть родные края. Некоторые осели в отошедших к России прикаспийских областях Персии, другие – в Грузии и на Северном Кавказе. Например, армяне Цара нашли пристанище в Грузии. Известно, что армяне села Чиркин переселились в Тифлис, села Яшнах обосновались в селе Тбахмелик (ныне Табахмела Гардабанского района), часть жителей села Хутаван поселилась в Шулавере⁶⁹. Достаточно большой поток армянских переселенцев из бассейна реки Акера направился в Моздок и Кизляр. Но особым потрясением для Карабаха и Зангезура стала смерть Давид-бека (1728), кончина гандзасарского католикоса Есаи (1728) и смерть Мхитара спарапета (1730).

Национально-освободительному движению был нанесен и ряд других ударов внутреннего характера. Тяжелейшим и, можно сказать, сокрушительным ударом по национально-освободительному движению стало то, что выдающийся полководец и, выражаясь современным языком, главнокомандую-

щий вооруженными силами Карабаха Аван юзбаша в 1729 году покинул пределы родины и обосновался в подконтрольных России прикаспийских областях. Это стало сильнейшим моральным ударом для населения Карабаха. Бывший главком уехал не один, а взял с собой пять сотников и более 230 воинов⁷⁰. Ему было назначено жалование в 1000 рублей в год⁷¹. Для сравнения: в 1720-е годы прожиточный минимум составлял 18 рублей в год,⁷² а на содержание одного солдата российская казна в то время выделяла 28,5 рубля в год⁷³. Он стал служить в армянском эскадроне и тем самым еще более обозлил и настроил против армян персов, которые лишний раз увидели в Карабахе и армянах первопричину своих бедствий. Уход Авана и расформирование ввиду этого сыгнаков, породили новую волну миграции из Карабаха в места дислокации армянского эскадрона на подконтрольных российским войскам территориях. Там было основано 9 новых поселений⁷⁴.

Через несколько лет после своего ухода бывший герой нанес очередной сильнейший морально-психологический удар собственному народу. В 1734 году Аван юзбаша попросил царское правительство передать себе в собственность основанные карабахцами поселения, вместе с крестьянами в качестве крепостных. Затем бывший предводитель национально-освободительного движения делал все возможное, чтобы освободившиеся от турецкого, персидского и лезгинского плена и осевшие в России армяне не возвращались в родные места, а обосновывались в его владениях⁷⁵.

Что же оставалось делать в данной ситуации Карабаху? Вооруженная фаза национально-освободительной борьбы была завершена. Но самое страшное было то, что нависла серьезная угроза вырождения национально-освободительного духа. А это было уже чревато потерей последнего оплота армянской государственности – Карабаха, что, без преувеличения, отразилось бы на судьбе всего армянства. Особо усугубляло ситуацию, как уже отмечалось, ненавистное отношение соседей, в первую очередь персов, к армянскому народу. Этому, как говорилось выше, в немалой степени способствовало то обстоятельство, что армянский эскадрон проходил службу в бывших персидских провинциях Гилян и Мазандаран на южном побережье Каспийского моря.

Вот как описывает отношение к армянам в Персии известный деятель

национально-освободительного движения того периода и крупный купец Петрос ди Саргис Гиланенц: «Если бы среди нас не было бы армян, если бы они не были свидетелями наших действий и не знали бы нашего языка, то мы давно бы победили русских»⁷⁶. В другом своем письме Гиланенц указывает, что в Персии армяне более жить не могут, так как, если они попадут в руки персов, то последние их растерзают⁷⁷. И это при том, что персидские власти предлагали армянам высокие должности и даже целые провинции в управление, ставя лишь условие не действовать против персов в интересах русских, но все эти предложения систематически отклонялись⁷⁸. Естественно, это приводило к оттоку армянского населения из Персии в Россию, в основном на Северный Кавказ. Данный процесс с экономической точки зрения был достаточно выгоден и России, так как на вновь присоединенных и стратегически важных территориях обосновывалось трудолюбивое и полностью лояльное население. Но тогда этот процесс происходил спонтанно, и со стороны России не велась соответствующая политика. Достаточно слаженная и хорошо продуманная политика по переселению армян и других христианских народов с целью ослабления государства, где они проживали, проводилась Россией в отношении Крымского ханства в последней трети XVIII века. В Крымском ханстве почти все ремесла и торговля находились в руках армян и греков. Подати, собиравшиеся с них, составляли значительную часть поступлений ханской казны и, ставя вопрос о переселении христианского населения, царское правительство стремилось прежде всего к тому, чтобы экономически ослабить Крымское ханство и поставить его в еще большую зависимость от России⁷⁹.

Глава III

Период, предшествовавший появлению Панах-хана в Карабахе

В начале 30-х годов XVIII века геополитическая ситуация в Закавказье и на Ближнем Востоке в целом начала меняться. Постепенно оправлялась после турецких и российских кампаний Персидская империя, где свой путь к власти начал будущий шах Надир. Персия сумела вскоре вернуть потерянные территории и изгнать османов. По Рештскому договору 1732 года Россия возвратила Персии Гилян и Мазандаран, оставив из бывших персидских прикаспийских провинций под своим контролем лишь Баку и Дербент. А в 1735 году по условиям Гянджинского трактата были возвращены также Баку и Дербент. Вместе с русскими из каспийских областей на Северный Кавказ ушли и армяне, в том числе и переселенцы из Нагорного Карабаха. Оставшиеся же в Карабахе армяне должны были оказаться в весьма тяжелой ситуации. В некоторой степени их положение было облегчено тем, что Надир высоко оценил действия карабахцев и зангезурцев в борьбе против османов. Как уже отмечалось, Давид-бек заключил союз с персидским шахом против османов. Карабахцы, несмотря на менее гибкую дипломатию, в последние годы борьбы, особенно когда стало ясно, что Россия не в состоянии оказать им военную помощь, также начали устанавливать связи с персами против турок. И это не было забыто новым персидским шахом – Надиром, который возродил империю и включил в его состав территории от Большого Кавказа до Индии. В 1736 году в Муганской степи прошла торжественная коронация Надир шаха, причем самая главная часть церемонии – завязывание меча, была доверена католикосу всех армян – Абраму⁸⁰. Проведение церемонии в Мугане имело символическое значение и означало, что Надир придает Закавказью ключевую роль, а возложение на духовного лидера армянского народа важнейшей части церемонии означало примирение между Персией и армянским народом. Надир также предоставил пятерым меликам Карабаха статус полугосударственности, они подчинялись только самому Надиру. Так появились меликства Хамсы.

Однако в последние годы правления Надир-шаха стало ясно, что Пер-

сидскую империю ждут новые потрясения. Причем становилось очевидным, что на этот раз империя будет не в состоянии выйти из кризиса без колоссальных потерь, в том числе и территориальных. Была весьма высокой и вероятность того, что после новых потрясений Персия более не будет играть ведущей роли в регионе. Ослабление и начало процесса распада такой державы, как Персия, не могло происходить бескровно. Более того, ослабление империи автоматически подстегивает соперничающие с ней державы воспользоваться данной ситуацией и, по крайней мере, оторвать от распадающей державы определенные территории. Такая ситуация уже имела место всего два десятилетия назад, и все еще свежа была память об этом. Но Карабах также прекрасно осознавал, что на этот раз при подобном развитии событий над ним может нависнуть смертельная угроза. Было ясно, что Россия рано или поздно должна инкорпорировать Закавказье, а наиболее благоприятная ситуация для этого сложится тогда, когда вместе с усилением самой России ослабнет Персия. Однако не было никаких гарантий повторения того, что имело место в 20-х годах XVIII века, или же попросту запоздания помощи со стороны России. К тому же отношение персов к армянам, особенно к карабахским, как уже неоднократно отмечалось выше, было достаточно негативным и, в случае повторного проявления прорусской ориентации, было весьма вероятно ожидать со стороны магометан более активной, более массовой и организованной агрессии по отношению к армянам. Но в данном случае прекрасно осознавалось и то, что возможности Карабаха организовать эффективное и длительное сопротивление на порядок уменьшились. Население края не только заметно поредело, но и в определенной степени ставило под сомнение целесообразность повторного прохождения через все тяготы осадного положения, тем более, что «дух» национально-освободительного движения, как уже отмечалось выше, был в определенной степени подорван, особенно после того, как Арцах покинул Аван юзбаша.

Что же следовало делать, чтобы не только выстоять в грядущем хаосе, но и остаться в стороне от происходящих событий и, более того, накапливать силы. Складывалась в полном смысле слова уникальная ситуация, при которой на повестке были два вопроса: выбор неправильной стратегии грозил полной потерей исторической родины и невозможностью возрождения наци-

ональной государственности, правильная же стратегия привела бы к возрождению «духа» национально-освободительного движения, избавлению от иноверного ига и даже воссозданию независимой государственности. При этом необходимо было разработать достаточно неординарную стратегию, которая не вызывала бы подозрения и опасения потенциальных противников. И было принято действительно феноменальное решение, которое ввиду своей рискованности, тщательной секретности и гениальности до сих пор кажется невероятным.

Глава IV

Воцарение и правление Панах-хана в Карабахе

4.1 Фигура Панах-хана и стратегические соображения его выбора

Но каким же образом можно было добиться всего этого на практике? Наилучшим вариантом было приведение к власти в Карабахе человека, который соответствовал бы таким критериям, как принадлежность к кочевому племени мусульманского вероисповедания, известность в Персии и Османской империи, особенно в персидском и османском дворах, а также обладал неординарными личностными качествами, был бы лично предан и обязан армянам. Принадлежность к кочевому племени означала, что у человека нет национальной принадлежности и для него, в случае прихода к власти, основным императивом станет удержание собственной власти и улучшение материального положения своего племени. В данном случае ориентация на персов или турок попросту исключалась.

Принадлежность к мусульманской вере давала возможность отвлечь внимание персов, турок и горцев Кавказа, успокоить их относительно того, что Карабах более не представляет угрозы мусульманскому миру ввиду ориентации на христианские державы, в первую очередь Россию. Известность в персидском и османском дворах, неординарные личные качества также были своего рода маневром, отвлекающим от мысли, что данный человек может быть просто ставленником. Наконец, личная обязанность также играла важную роль, особенно в те времена. Надо было просто найти такого человека. И он был найден в лице предводителя одного из кочевых тюркских племен.

Панах Али-бек Джеваншир, сын Ибрагима Джеваншира⁸¹, был действительно неординарной личностью. Он занимал при дворе Надир-шаха высокое положение, проявил себя в войне с османами и, наконец, был лично обязан армянам Карабаха. Панах не был азербайджанцем, как бы усиленно это не пытались представить в соседнем нам государстве. В самом начале данной монографии уже отмечалось, что этноним «азербайджанцы» впервые появился лишь в 1936 году и вплоть до этого времени для азербайджанцев основной базой групповой идентичности было племя или род, а нередко поня-

тие родины ограничивалось своим городом или магалом⁸². Панах происходил от кочевого племени джеваншир, глава которого считался главою племенного объединения отузики (тюркск. «тридцать два»), в составе которого были объединены тюркские и курдские племена⁸³. Таким образом, у Панаха не было национальной принадлежности, так как само племя джеваншир не было моноэтническим. Данное племя не причислялось также и к кызылбашским племенам⁸⁴, которые фактически правили Сефевидским Ираном. Племя Панаха было переселено из равнинного Карабаха в Хорасан во время правления Надир-шаха. Они возвратились в места своих бывших кочевков под предводительством Панаха уже после смерти Надира-шаха.

«Работа» с Панахом, по всей видимости, началась еще в то время, когда он все еще был в ближайшем окружении Надир-шаха. И не случайно, когда Панах вынужден был покинуть Персию ради собственной безопасности, то он нашел убежище не где-нибудь, а у мелика Джраберда – Аллах-кули-султана, хотя это и противоречит официально принятой версии о появлении Панаха в Закавказье. За проявленную в войне с османами храбрость этот мелик получил титул султана от самого Надир-шаха. Персидское правительство многократно обращалось к мелику Джраберда о выдаче беглеца, но мелик не только не возвратил Панаха персидским властям, но и назначил его главным сборщиком налогов в своем меликстве⁸⁵. Панах оставался в Джраберде вплоть до смерти Надира. Это было задолго до «союза» Шахназара с Панахом. Здесь не может не возникнуть естественный вопрос. Зачем же Джрабертскому мелику защищать Панаха и из-за какого-то кочевника и преступника, который разыскивался самим Надир-шахом, ставить под угрозу как свою личную жизнь, так и Карабах в целом, особенно учитывая то, что антиперсидская политика Карабаха все еще была свежа в памяти персов? Разве можно было идти на такой супер рискованный шаг, если того не требовали более долгосрочные интересы? Только стратегические интересы оправдали бы политику Джрабертского мелика.

Более того, зачем Панах обосновался именно в Арцахе, у христианского правителя, а не в мусульманских образованиях? Это также очень странно. В любом случае в Арцахе Панах был окончательно «протестирован», а после смерти Надира, когда Персия погрузилась в такой хаос, от которого она суме-

ла оправиться лишь через многие десятилетия, потеряв при этом достаточно обширные территории, в том числе и Закавказье, началось осуществление тщательно спланированного плана.

Подобные случаи в истории известны. Многие государства старались поставить во главе своих потенциальных соперников «своих» людей и при их помощи достигнуть тех или иных целей. Кстати, в том же XVIII веке англичане сумели поставить на троне Нидерландов – своего главного в то время соперника – человека, всецело выполнявшего волю Британии. Наиболее ярко пробританское поведение короля Нидерландов Вильгельма V проявилось во время англо-голландской войны. К примеру, когда во время морского сражения на Доггер-банке 5 августа 1781 года нидерландский флот одержал первую и единственную в ходе войны победу, то голландский монарх выразил свою нескрываемую досаду⁸⁶. Но такого, чтобы возвести на трон собственно государства «инородный» элемент в качестве отвлекающего маневра, в мировой истории, пожалуй, было впервые.

4.2 Начало практического осуществления задуманного плана: создание буферного варианта Карабахского ханства и подготовка перевода Панаха в Арцах

Для достижения главной цели – удержания Арцаха в стороне от основных театров борьбы наступающего хаоса – необходимо было на первом этапе создать новое отдельное образование и поставить во главе его своего человека. Данное образование, как уже отмечалось выше, было создано Панахом и стало своего рода буфером между Арцахом и мусульманскими ханствами, Шекинским и Шемахинским ханствами и другими маленькими образованиями. Оно стало называться Карабахским ханством и первоначально включало в себя лишь территории, прилегающие к правобережью реки Куры. Если использовать современные ориентиры, то Карабахское ханство первоначально было расположено практически между Верхнекарабахским каналом и Курой от г.Евлаха до г.Агджебеды. С первого дня основания Карабахского ханства Панах начал вести войны с соседними мусульманскими ханствами. Так продолжалось на протяжении практически всего времени правления Панаха. Он постоянно воевал с мусульманскими ханствами и Персией.

После того, как буферное Карабахское ханство показало свою жизнеспособность, а Панах проявил себя в качестве правителя, было решено «перевести» его в Карабах. Но чтобы осуществить это, не вызвав подозрения потенциальных противников, необходимо было придумать «легенду», состоящую из двух частей: придание естественности реализуемому плану и осуществление целого ряда стратегических задач. Для того, чтобы придать естественность переводу Панаха в Арцах, необходимо было найти подходящую фигуру, причем очень высокопоставленную, посредством которой и должен был быть осуществлен данный план. Из всех меликов наиболее подходящей фигурой оказался мелик Варанды Шахназар. Во-первых, он был сыном Зохранум, дочери хана Нахичевана, турчанки по происхождению, которую отец Шахназара мелик Хусейн привез как пленницу из Нахичевана и затем женился на ней⁸⁷. Это означало, что теоретически Шахназар вполне мог пойти против остальных меликов на союз с Панахом, имея в своих жилах мусульманскую кровь. С другой стороны, как уже отмечалось выше, при восхождении Шахназара на престол Варанды уже был случай убийства узурпатора, претендовавшего на трон мелика, и надо было попросту несколько иначе интерпретировать это событие, придав ему соответствующий окрас.

Основной стратегической задачей «воцарения» Панаха в Арцахе было создание независимого армянского государства, где власть де-факто была бы сконцентрирована в руках армян, хотя де-юре правителем явился бы мусульманин. Подобный подход был наиболее эффективным в сложившейся тогда ситуации. Уже в конце правления Надир-шаха ситуация в Персидской империи начала ухудшаться. После его смерти положение в Персии еще более осложнилось, началась ожесточенная борьба за власть. Понятно, что в подобно-го рода ситуациях в империях начинают проявляться центробежные тенденции, а соседние державы пытаются воспользоваться моментом и расширить свои границы за счет распадающейся империи. И здесь вполне мог бы повториться сценарий 1722-1228 гг., когда Арцах был вовлечен в битву великих держав и, не получив помощи, вынужден был вести борьбу лишь своими собственными силами. Нужно было сделать все возможное для недопущения аналогичной ситуации, тем более, что на этот раз соседние мусульманские народы и административные образования были намного более бдительны и

чувствительны к возможным действиям со стороны армян. Поэтому, в случае повторения ситуации двадцатилетней давности, армянский народ, возможно, заплатил бы гораздо большую цену.

В то же самое время не воспользоваться ослаблением Персии для создания своего фактически независимого государства также было бы неправильно. Относительно безболезненным методом осуществления этого представлял именно вышеуказанный сценарий, когда высший пост в государстве занимал мусульманин, который не мог решать абсолютно никаких ключевых вопросов без соответствующей санкции армянских меликов и полностью зависел от последних. Анализируя политику Карабахского ханства, особенно периода правления Панаха, можно достаточно ясно заметить, что данное государственное образование рассматривалось в качестве ядра армянской государственности, которая должна была быть воссоздана в будущем. Кстати, в XVIII веке не раз рассматривался вопрос о восстановлении армянской государственности под протекторатом России. При этом в качестве ядра рассматривался именно Карабах. Предполагалось, что царем Армении станет один из меликов Карабаха⁸⁸. Однако в отличие от других планов воссоздания армянской государственности, которые рассматривались и разрабатывались за пределами исторической родины как армянскими, так и иностранными деятелями, воссоздание армянской государственности на базе Карабахского ханства было идеей, которая была разработана и осуществлена непосредственно на исторической родине.

4.3 Основные стратегические императивы создания Карабахского ханства

4.3.1 Объединение Карабаха и Зангезура в рамках единого государственного образования

Но для этого необходимо было решить целый ряд задач стратегического значения, без которых создание в будущем армянского государства было бы попросту невозможно. Во-первых, необходимо было объединить и одновременно уберечь от грядущего хаоса два оставшихся осколка армянской государственности – Карабах и Зангезур. Только объединив их в рамках единого государства можно было реально создать дееспособное ядро будущего ар-

мянского государства. После объединения необходимо было вести весьма деликатную и тонкую внутреннюю политику и ждать в будущем подходящего момента для возрождения национальной государственности. Именно в рамках Карабахского ханства и были объединены Зангезур и Карабах. Создание армянского образования де-юре и де-факто было бы воспринято соседними мусульманскими образованиями, а также Турцией и Персией как серьезная угроза. Более того, весьма негативно к этому отнеслась бы и Грузия, которая, имея многочисленное армянское население на своей территории, опасалась бы того, оно начнет тяготеть к независимому армянскому государству. К тому же Грузия сама хотела усилить в христианских районах Закавказья свое влияние. А под властью Панах-хана Карабахское ханство было де-факто армянским государственным образованием, но де-юре им управлял мусульманин Панах, что не давало воспринимать это объединение как проводник интересов христианских стран, в частности Российской империи.

Подтверждением сказанного является то, что уже после того, как Панах объявил себя правителем Карабаха, сердар персидской провинции Азербайджан Амир Аслан хан, назначенный на этот пост преемником Надир-шаха Адиль-шахом, отправил Панаху коня, саблю и подарки⁸⁹, что в то время означало признание Панаха и Карабахского ханства. А в 1748 году, т.е. через год после создания Карабахского ханства, правитель Персии Адиль-шах издал указ о присвоении Панаху звания хана и назначении его правителем Карабаха⁹⁰. Получается, что уже через год после начала «операции» во вояцарению Панаха в Карабахе, формальная сторона вопроса была решена. На своем посту Панах вел политику, которая практически не выдавала глубинных процессов, стоявших за его вояцарением в Карабахе. Кстати, в вышеуказанный период во многих официальных документах Панах еще и не упоминался в качестве карабахского хана. Например, в одном из донесений российскому двору относительно похода Панаха на Гянджу в 1750 году он упоминается в качестве хана ширванского⁹¹. Панах периодически вел войны с соседними ханствами и расширял свои владения. К примеру, как только дошла весть об убийстве Адиль-шаха и дестабилизации ситуации в Персии, Панах начал боевые действия с Гянджинским, Эриванским, Нахичеванским и Ардебильскими ханствами в целях расширения границ Карабахского ханства⁹².

Но это были войны иного характера, чем войны Карабаха и Зангезура во время национально-освободительной борьбы и не воспринимались окружающими мусульманскими государственными образованиями в качестве религиозного или межнационального конфликта. Данное обстоятельство было весьма важным для успешного завершения объединения осколков армянской государственности без какого-либо шума и негативной реакции соседних образований. Только таким образом можно было объединить Карабах и Зангезур в рамках единого образования, ведя войны с отдельными соседями. В противном случае наличие религиозной составляющей в этой борьбе стало бы катализатором создания коалиции мусульманских образований, куда вошли бы не только ханства Закавказья, но и Персия, Османская империя, горцы Кавказа и т.д. Карабаху пришлось бы бороться со всей этой коалицией в одиночку, а перспективы осуществления его замыслов оказались бы весьма призрачными.

4.3.2 Основание единого крупного армянского центра власти и управления

Второй важнейшей стратегической целью было создание единого центра управления Карабахом и Зангезуром, т.е. крупного и хорошо укрепленного города. Понятно, что без существования подобного города невозможно было бы иметь жизнеспособное и эффективно управляемое государство. Меликства Хамсы и Зангезур не имели единого крупного административного и политического центра управления, что во многом способствовало раздробленности армянских государственных образований и препятствовало эффективной координации их действий. Во многом от выбора столицы зависел будущий успех всей этой беспрецедентной операции по созданию Карабахского ханства.

На территории Карабахского ханства наиболее известным городом был Барда (Партав), который в средние века являлся весьма крупным центром. В окрестностях Барды кочевало племенное объединение Панаха – отузники. Сам город Барда в XVIII веке был во владении объединения 24 кочевых тюркских и курдских племен, известного под названием игирмидорд⁹³. Здесь возникает вопрос, почему Панах-хан не сделал столицей своего государства Барду, тем

более, что ко времени создания Карабахского ханства район этого города был во владении кочевых тюркских и курдских племен, весьма близких к племенному образованию джеваншир? Выбор в качестве столицы древнего и известного во всем регионе города создал бы дополнительную ауру как вокруг самого Панаха, так и вокруг нового государственного образования.

Но этого не было сделано, и Панах решил построить крепость Баят и сделать ее своей столицей. Эта крепость находилась в Мильской степи, на территории нынешнего Агджебединского района Азербайджана. Крепость была сооружена в 1748 году, но так и не стала городом, даже несмотря на то, что Панах привел туда людей различных профессий из разных мест, в том числе ремесленников из Тебризского вилайета и Ардебиля⁹⁴. Тогда Карабахское ханство существовало, как уже отмечалось, в своем «буферном» варианте и Панаха еще не пригласили в Арцах. Кстати, основание крепости Баят Панахом было в интересах арцахской дипломатии в том смысле, что, дав ему возможность попытаться самому основать город, те, кто планировал перевод Панаха в Арцах, наглядно продемонстрировали неспособность вождя кочевого племени построить крупный город и развивать его без поддержки армян.

По прошествии нескольких лет Панах решил перенести столицу в другое место. В 1751/52 гг. Панах вместе с жителями крепости Баят переселился в новопостроенную крепость Тарнакут или Тернау⁹⁵, располагавшийся практически на месте развалин арцахского Тигранакерта на границе Джрабердского и Хаченского меликств. Эта крепость больше известна под названием Шахбулаг.

Особый интерес представляет столь быстрая смена столиц. Мирза Джамал Джеваншир дает следующее объяснение переноса столицы из Баята в Тарнакут: «По истечении пятилетнего срока пребывания в крепости Баят было решено, что, поскольку последняя находится в окружении многочисленных врагов, оставаться в ней и строить тут постоянные город и крепость несовместимо с правилами предосторожности. Поэтому крепость необходимо соорудить на таком месте, которое было бы связано с карабахскими горами, с тем, чтобы во время столкновения с врагами карабахские илаты (кочевые племена – Д.Б.) могли сохранить свой скот и имущество от посягательства врагов в неприступных горах Карабаха»⁹⁶.

Однако данное объяснение не только не раскрывает истинные причины переноса столицы, но и порождает целый ряд новых вопросов. Начнем с того, что в силу специфики кочевого хозяйства кочевники находятся в постоянном движении, и в случае опасности они могли бы и без переноса столицы пойти в горы. Тем более, что с учетом климатических и географических особенностей нагорной и низменных частей Карабаха животноводство обеих частей данного региона было тесно связано между собой и скот перегонялся из низин в горы и наоборот. Причем подобный порядок действовал задолго до основания крепости Баят Панах-ханом. Интересно, но проходя по землям армян, кочевники-тюрки надевали на головы своего скота так называемый себет, т.е. корзину, чтобы скот не делал потравы⁹⁷. Более того, уйдя из Баята, Панах основал новую резиденцию в месте, геостратегическое положение которого мало чем отличалось от прежней резиденции. Как пишет другой историк – Ахмед Бек Джеваншир, «по знойности климата, а более всего по неудобству местности, как стратегического пункта и административного центра ханств, он (Панах – Д.Б.) также нашел неудобным оставаться здесь навсегда»⁹⁸.

Не слишком ли странно ошибаться два раза подряд в таком важном вопросе, как выбор столицы? Какой логикой должны были руководствоваться Панах и его советники, чтобы основать первую столицу в неудобном и опасном месте, а затем перенести ее в практически аналогичное место? Если правитель не в состоянии выбрать подходящее место для своей столицы, то в состоянии ли он вообще руководить государством? Более того, в ряде источников указано, что из-за слишком стремительного усиления Панах-хана, еще когда Карабахское ханство существовало в своем буферном варианте, была создана антипанаховская коалиция, в которую вошли мелики Хамсы, ханы Ширвана и Шеки и даже ряд племен, входивших в состав племенного образования джеваншир и отузики⁹⁹. Войска ширванского и шекинского ханов более одного месяца штурмовали крепость Баят, но так и не сумели ее взять. Именно после неудачного штурма Баята шекинсий хан Хаджи Челеби сказал следующее: «Панах хан был ханом. Мы пришли, воевали с ним и, не преуспев ни в чем, возвращаемся обратно, сделав его шахом»¹⁰⁰. Среди меликств Хамсы особую враждебность к Панаху проявлял Хачен. Мирза Джамал Дже-

ваншир в своем труде приводит следующую весьма интересную информацию:¹⁰¹

«Так как жители Хачинского магала, т.е. Тарнакута, расположенного у Шахбулагы, постоянно шли по пути ненависти и вражды с Панах-ханом, то он поставил себе задачей сначала подавить их смуту и со своим конным и пешим войском пошел на них войной... Жители Хачинского магала, численностью около 2 тыс. стрелков, укрывшись со своими семьями в труднодоступном месте, у Баллыгая, стали сопротивляться... На третий день штурма Панах-хан захватил укрепление, и после такого события население Хачена было охвачено невообразимым ужасом и страхом и то враждовало с ханом, то вступало с ним в мирные отношения... Несколько раз имели место стычки с меликом Джраберда Хатамом и меликом Талыша Усубом, которые располагали множеством людей. Наконец, не имея возможности более оставаться на своих местах, они вынуждены были ютиться в труднодоступных местах – глубоких ущельях и на вершинах высоких гор. Когда они увидели, что их посева, сады и скот подвергаются уничтожению и истреблению со стороны подданных и войск Панах-хана, подобная жизнь стала им в тягость. Не имея иного выхода, они бросили свой край, дома, посева и сады и убежали в Гянджу. Когда Панах избавился от вражды и смут жителей Хачена, он назначил отдельного мелика в Хачинский магал. Оставшиеся на месте жители покорились. Затем он приступил к постройке крепости Тарнакут».

Вышеприведенное описание ясно показывает несостоятельность классической интерпретации событий, связанных с выбором новой резиденции Панаха и его борьбой с Хаченом. Во-первых, вряд ли Панах-хан был в состоянии так разбить войска Хаченского меликства, особенно учитывая тот факт, что у Панаха было слишком мало войск, а тогда меликства Хамсы выступали единым фронтом против врага. К тому же арцахцы всегда выделялись своей воинственностью и противостояли несравненно более сильным противникам, чем Панах. Это ярко проявилось в том же самом XVIII веке во время уже упомянутой национально-освободительной войны. Во-вторых, если основной причиной переноса столицы из Баята в Тарнакут было то, что первая находилась в окружении многочисленных врагов, то чем в таком случае было отличие Тарнакута, тем более, что население, понесшее столько лишений из-

за Панаха, вряд ли забыло бы обиду на него и в любой подходящий момент отомстило бы ему. Чтобы избежать этого необходимо было либо полностью уничтожить данное население, либо депортировать его. Но, прибегнув к указанным сценариям, Панах должен был полностью забыть о перспективах воцарения в Карабахе – ведь в таком случае борьба с Панахом приняла бы совершенно иной окрас. В-третьих, совершенно странным в данном контексте предстает тот факт, что через какие-то 5-6 лет после хаченских событий, когда в пределы Карабаха вторглась многочисленная армия Мухаммед Хасанхан Каджара, отца будущего персидского шаха Ага Мухаммеда, а немногим позже и войска претендента на персидский престол одного из сардаров Надир-шаха Фатали-хан Афшара, то армянское население ожесточенно сопротивлялось захватчикам, причем особо отличились именно войска Хачена¹⁰². Не странно ли? Почему же они не перешли на сторону персов для того, чтобы отомстить Панаху, особенно учитывая то обстоятельство, что вторгшиеся персидские войска преследовали цель свержения Панаха? Разве можно было пренебречь данной возможностью?

Действительно, если руководствоваться классической интерпретацией данных событий, то ответить на эти вопросы попросту невозможно. Но если посмотреть на события с того ракурса, который представлен в нашем исследовании, то картина в корне меняется. Создание армянского государства при использовании Панаха в качестве отвлекающего маневра просто не могло не предполагать основание столицы такого государства в пределах сугубо армянской среды. Наиболее подходящим для этого было именно месторасположение Шуши. Но основание столицы в Шуши с самого начала было нецелесообразным. Как уже отмечалось выше, для отвлечения внимания от самой сути осуществляемой политики необходимо было создать Карабахское ханство, первоначально в буферном варианте. Это и было сделано. Понятно, что Шуши не могло быть столицей данного образования ни географически, ни политически, так как с самого начала это выдало бы истинную суть происходящих событий. Поэтому перенос столицы в Шуши должен был осуществляться постепенно, причем этот процесс должен был выглядеть максимально естественным. Именно поэтому через несколько лет столица была переведена в Тарнакут, т.е. на территорию Хаченского меликства, и наконец оттуда – в

Шуши.

Этому процессу, особенно переводу столицы в Шуши, был дан действительно естественный характер. Причем ключевую роль здесь сыграла именно легенда о предательстве Шахназара. К примеру, в своем масштабном труде по армянской истории один из классиков армянской историографии Лео дает следующее объяснение проникновению Панаха в Шуши: «После того, как в 1749 году Панах закрепился в Тарнакуте..., он начал столкновения с меликами Джраберда и Гюлистана... Но вскоре он понял, что невозможно покорить пять объединенных армянских провинций исключительно силой. Поэтому будучи весьма проницательным властителем с тонким складом ума, Панах начал дожидаться подходящего стечения обстоятельств, с помощью которых можно было бы разгромить меликов по одиночке. И наиболее реальную и благоприятную возможность для тюркского хана предоставляет внутренняя вражда между меликами, связанная с имевшим место в Аветараноце (столица меликства Варанда – Д.Б.) братоубийством»¹⁰³.

Таким образом, если следовать классической интерпретации, то братоубийство, совершенное меликом Шахназаром, имело место между 1749 и 1756/57 гг., когда столицей Карабаха стал Шуши. Между тем, как уже отмечалось в первой главе нашего исследования, в 1742/43 гг. с просьбой назначить Шахназара меликом Варанды обратился к самому Надир-шаху мелик Дизака Еган. Подобная погрешность в 7-12 лет в ином случае, возможно, не играла бы роли, однако, учитывая кардинально изменившуюся за эти годы ситуацию, становится совершенно ясно, что такого рода погрешность весьма существенна и не может быть случайной ошибкой. Здесь также мы имеем дело с целенаправленной подтасовкой фактов, являющейся результатом внедренного в наше сознание восприятия происходивших тогда событий.

Таким образом в 1756/57 гг. Шуши стал столицей Карабахского ханства. Месторасположение новой столицы было выбрано меликом Шахназаром. Как указано в исторических хрониках, вопрос о постройке Шушинской крепости был решен по совету и указанию мелика Шахназара¹⁰⁴. Кстати, то, что Панах и его приближенные не знали о столь стратегическом месторасположении Шуши, является наглядным подтверждением того, что они попросту не были знакомы с Арцахом. Более того, и выбор Тарнакута в качестве столицы

также свидетельствует об этом. Эти специфические детали лишний раз показывают, что Панах и его окружение просто исполняли заранее подготовленный план.

Выбор Шуши в качестве столицы не был случайным. Помимо стратегического положения, на месте Шуши уже существовал населенный пункт, а во времена национально-освободительного движения в 20-х годах XVIII века здесь находился весьма укрепленный военный пункт. То, что Шуши существовал до того, как туда переселился Панах, является известным фактом. Укрепление здесь было основано Аваном юзбаши в 1724 году или даже ранее. Об этом пишут различные, в том числе и неармянские источники¹⁰⁵. А известный исследователь надгробных памятников Шуши Г.Арутюнян нашел в городе кладбища, датируемые 1751 годом, т.е. до обоснования там Панах-хана¹⁰⁶. Совершенно очевидно, что наличие надгробия, датируемого 1751 годом, предполагает, что до своей смерти этот человек жил здесь в течение многих лет. Таким образом, основание столицы в Шуши имело весьма важное психологическое значение для армян Карабаха и Зангезура, связывая нынешнюю столицу с укрепленным сигнаком (укрепрайон – Д.Б.), что было очень важным компонентом восприятия столицы собственным населением.

В данном контексте особый интерес представляет также название столицы. Как известно, Панах-хан решил назвать новую столицу Панахабадом. Однако данное название не привилось. Как пишет Ахмед Бек Джеваншир, город стал называться Шуши-каласы, т.е. Шушинской крепостью – от армянской деревни Шушикенд (Шушинская деревня)¹⁰⁷. Имеется и ряд других объяснений тому, как название деревни перешло на название города. Как уже отмечалось выше, упоминания о наличии крепости в Шуши до Панах-хана встречаются в целом ряде источников. В данном контексте хотелось бы привести весьма интересный факт. В письме Авана юзбаши, посланном в Петербург посредством кехвы Чалаби (кехва – сельский староста – Д.Б.), было указано, что село Шуши окружено высокими горами¹⁰⁸. Село Шушикенд или Шош не окружено такими горами, у него совершенно иной рельеф. К данному описанию подходит сам город Шуши. Таким образом, совершенно обоснованным представляется утверждение о том, что именно село, находящееся по соседству с крепостью, получило свое название от крепости, а не наоборот.

рот¹⁰⁹.

Но шушинское укрепление тогда не трансформировалось в крупный столичный город, а таковой играет ключевое значение, становясь центром эффективного и централизованного управления страной. Ослабевший от затяжной и крупномасштабной войны Карабах в первой трети XVIII века не мог довести до конца создание столичного города, тем более, что основание такого города могло бы также вызвать весьма негативную реакцию Персии, Османской империи и соседних мусульманских ханств. Не случайно, что во многом именно из-за того, что Панах обосновался в Шуши и заново укрепил крепость, войска соседей организовали вторжение в Карабах, в первую очередь с целью захвата столицы. Так, спустя всего год после основания крепости, Мухаммед Хасан хан Каджар, как уже отмечалось выше, переправился с войсками из Ирака и Азербайджана через Аракс и разбил лагерь в непосредственной близости от города.

Штурм продолжался около месяца, но персы, имея большую армию, даже не сумели приблизиться к окрестностям крепости. Ключевую роль в этом сыграли армянские войска и ополчение. Как явно, так и тайно, карабахцы захватывали коней, мулов и прочий вьючный скот армии и наносили большой урон войскам Мухаммед Хасан хана¹¹⁰. Практически сразу после неудачи Мухаммед Хасан хана, на Шуши повел свои войска один из претендентов на персидский престол – Фатали-хан Афшар. Шесть месяцев войска Фатали-хана находились у крепости, и стычки происходили практически каждый день. В день главного сражения карабахские войска разбивают войско Фатали-хана и берут в плен более 2 тыс. человек¹¹¹.

Но вернемся к названию города. Как ни парадоксально, но даже объяснение относительно названия Шуши, приводимое Ахмед Бек Джеванширом, позволяет сделать определенные выводы относительно того, почему название Панахабад не привилось. В истории, особенно на Востоке, нет случаев, когда город, не говоря уже о столице, основанный обладавшим всей полнотой власти правителем и названный им в свою честь, менял данное название еще при жизни этого правителя. При чем изменение названия произошло не в результате покорения этого города другим правителем или свержения действующего правителя, а как-то естественно. Более того, новое название столица

получила от ничем не примечательной деревушки, расположенной недалеко от столицы. Понятно, что подобное развитие ситуации весьма негативно отразилось бы на имидже этого правителя как в самом государстве, так и за его пределами. Почему же в таком случае Панах-хан позволил событиям развиваться по подобному сценарию? Более того, почему именно Шош, а не какая-нибудь другая близлежащая деревня, дал название городу? Классическая историография не дает ответов на эти вопросы. В данном контексте единственным вразумительным объяснением предстает тот довод, что Панах-хан не обладал полнотой власти, и следовательно, вопрос о названии столицы решал не он, а те, кто фактически управлял Карабахом. Назвать столицу Шуши планировалось изначально, причем здесь совпали как географические, так и политические мотивы. Как уже отмечалось, Шуши имел стратегическое географическое положение и располагался на месте бывшего сыгнака.

Что касается попытки назвать город Панахабадом, то здесь наиболее логическими представляются следующие объяснения. Во-первых, это могло быть очередным звеном отвлекающего маневра: название Панахабад придавало определенную естественность воцарению Панаха в Карабахе. Не исключено также и то, что здесь Панах попытался сыграть свою собственную игру. Однако, с учетом того, что название Панахабад не привилось, можно сделать вывод о пресечении предполагаемой самодеятельности Панаха. В обоих случаях наличие поблизости деревни Шош представляло весьма удобную возможность для обоснования названия Шуши. Именно этой логикой и руководствовались мусульманские историки, освещавшие данные события.

Столица, будучи средоточием власти, весьма наглядно отражает реальную политическую ситуацию в данном государстве. Столица Карабахского ханства начала достаточно динамично развиваться, население города стало расти. Причем рост армянского населения был весьма высоким. С самого начала функционирования Шуши в качестве столицы большая часть населения города всегда была армянской. В Шуши на постоянное место жительства начали переселяться люди из разных уголков Арцаха, в основном из Варанды. При Панахе в Шуши переселилась часть жителей Казанчи, Агулиса и Мегри. Там они построили известные всем церкви и кварталы Казанчеоц, Агулеоц и Мегреоц. Понятно, что переселение в Шуши армян из разных мест Арца-

ха и Зангезура входило в стратегические планы по укреплению города, который действительно с полным основанием можно было назвать общеармянской столицей. Возникает естественный вопрос – стал бы Панах, будучи полновластным правителем Карабаха, увеличивать численность армянского населения в своей столице, вместо того, чтобы превратить ее в преимущественно мусульманский город? Даже месторасположение дворцов Панаха и Шахназара отражало реальную политическую ситуацию в ханстве. Замок мелика Шахназара находился в центре города, на самом высоком месте, а замок Панаха – в нижней мусульманской части, ближе к краю шущинского плато, обрывающегося в глубокий каньон¹¹². Там же располагалось и племя Панаха, которое вместе с другим мусульманским элементом прибыло в Шуши из Тарнакута. Понятно, что сам факт расположения замка и племени Панаха ниже замка Шахназара и его подданных также отражал политическую конфигурацию внутри Карабахского ханства.

Таким образом, Карабахское ханство было армянским государственным образованием, причем единственным образованием на территории исторической Армении, которое реально контролировалось армянскими силами. Именно это образование и должно было стать ядром будущего объединенного армянского государства. Но для достижения данной цели необходимо было на практике осуществить политическую мимикрию, одним из наиболее наглядных проявлений которой было то, что во главе государства по геостратегическим соображениям был поставлен представитель кочевого племени. Благодаря этому Карабах не воспринимался как угроза мусульманскому миру, ведь события 1720-х годов не раз заставляли заклятых врагов – Персию и Османскую империю – объединяться на религиозной основе против армян. Не удивительно, что при вторжении внешних сил в Карабах армяне абсолютно не принимали в расчет то, что во главе их государства стоит человек неармянского происхождения и яростно защищали свою страну, особо отличаясь при отражении штурмов столицы – г.Шуши.

Аналогичным образом, кстати, поступали и армяне Зангезура. В данном контексте хотелось бы привести события, которые развернулись в Татевском монастыре, когда к нему подошли отступавшие из Шуши войска уже упомянутого Фатали-хан Авшара. Подступив с войсками к Татевскому монастырю,

Фатали-хан Авшар узнал, что в монастыре собралось большое количество армян, которые по приказу Панах-хана не хотели признавать власть Фатали-хана. Во избежание кровопролития Фатали-хан потребовал, чтобы армяне прекратили оборону и вышли к нему¹¹³. Но обороняющиеся не приняли эти условия, в результате чего начался штурм монастыря. Продолжительный приступ заставил защитников снова вести переговоры с Фатали-ханом, который обещал не наказывать их в случае, если они сдадутся. В конце концов сопротивление было прекращено, но Фатали-хан не сдержал своего слова и удалился после ограбления монастыря и пленения многих людей. Опять-таки в этой истории с Татевским монастырем возникает тот же самый вопрос: почему армяне исполнили приказ какого-то Панах-хана, заранее зная, что могут поплатиться за это? В чем для них была разница между Фатали-ханом и Панах-ханом? Почему они, даже исходя из собственных интересов текущего момента, не покорились? Если руководствоваться классической интерпретацией, то понять логику вышеуказанных действий будет невозможно. Единственным объяснением здесь может быть то, что фигура Панаха не играла в данном случае решающей роли и основным лейтмотивом выступала именно преданность интересам армянского народа и государства, олицетворением которого являлось Карабахское ханство.

Процесс перевода Панаха в Карабах и создание Карабахского ханства были осуществлены достаточно успешно и это не вызвало подозрения не только у Персии, Османской империи, соседних мусульманских стран, но и в таких странах, как Грузия. В данном контексте особого внимания заслуживает работа грузинского царя Ираклия II «Описании областей и городов, соседних с Грузией», датированную 1769 годом. В данной работе дается следующая информация: «Хамс составляет владение и во оных сем воеводских правлений, народ весь армянского закона, в том владении находится армянский патриарх; когдаж персидского шаха не стало, то с их же стороны один человек (имеется в виду Панах-хан – Д.Б.), закону магеметанскому и от народа жеванширского, принял силу: среди того правления, Хамсы, состоит старинная крепость (имеется в виду Шуши – Д.Б.), которая им обманом взята и многократно з жеванширами война с нашей стороны происходила, но Божия помощьюи завсегда от нас побеждаемы были и разорены, единственно оные же-

ванширы, а не армянского закона, а в нынешнее время по некоторым обстоятельствам со обеих сторон заключен мир. Армяне имеют большую крепость, места гористые, лесные, а притом поля плодovitые; жеванширскому народу выступить на воину 2500 человек, а армян 4500, и состоит посреде Ширвана, Нахчевана, Генжи и Карабаги, и армяне хамские к воинству весьма храбры; а как в показанных семи частях воеводы между собой несогласны, то по такому ох не согласию жеванширами под свою власть приведены»¹¹⁴.

Данные грузинского царя представляют особый интерес и здесь имеется ряд достаточно интересных данных. Первое, что бросается в глаза – это название Хамс. Ко времени написания данного труда Карабахское ханство существовало уже более 20 лет, а данное государство все еще называлось Хамс или Хамса, под которым, как известно, понимались пять меликств Арцаха. Но здесь указываются не пять, а семь армянских образований. Остальными двумя были армянские княжества Капана (Зангезура), которые создали единое государство с пятью меликствами Арцаха именно в рамках Карабахского ханства. Это лишний раз доказывает, что под Хамсом, т.е. под армянским государственным образованием, понималось Карабахское ханство. Из объяснения видно, что нахождение во главе государства Панах-хана воспринималось как следствия обмана. Хотя приводимые им данные о вооруженных силах армян и джеванширов ставят под сомнение возможность контроля пришлого элемента над коренным.

Таким образом, стратегический план карабахских меликов остался незамечанным. В этом же самом предложении имеется и другая весьма интересная деталь. Грузинский царь не указывает факта предательства со стороны мелика Шахназара и предоставления им Шуши Панаху. Таким образом, можно предположить, что первоначально, по крайней мере ко времени написания данной работы, т.е. по прошествии более 20 лет с этих событий, официальной легендой появления Панаха в Арцахе был именно обман, а не предательство. Не исключено, что данная версия появилась в результате каких-то внутренних или даже внешних процессов. Кроме того, грузинский царь подтверждает факт существования крепости задолго до обоснования там Панаха.

4.4 Политический расклад сил в Карабахском ханстве

В период правления Панах-хана в Карабахском ханстве сложился весьма интересный политический расклад сил. В данном контексте было бы целесообразно рассмотреть внешнеполитические и внутривнутриполитические аспекты этого вопроса.

4.4.1 Внешняя политика Карабахского ханства

Основной внешнеполитической доктриной Карабахского ханства выступало поддержание фактической независимости этого государственного образования и расширение его границ. Причем, как уже отмечалось выше, в Карабахском ханстве в первую очередь необходимо было инкорпорировать Арцах и Зангезур, что и было сделано. В результате два основных фундамента будущей общеармянской государственности оказались в рамках единого государственного образования с общей столицей. Независимость ханства была достигнута, и это государственное образование всегда оставалось самостоятельным и независимым от внешних сил¹¹⁵ вплоть до его присоединения к Российской империи. При этом для арцахской дипломатии расширение территории Карабахского ханства представляло стратегическую важность, ведь подобным образом в состав де-факто армянского государства постепенно входили исторические армянские земли.

В предыдущих главах данной монографии вскользь уже упоминались некоторые военные кампании Панаха. Как уже отмечалось выше, с момента провозглашения Карабахского ханства, когда оно существовало еще в своем буферном состоянии, против него начали вести боевые действия ханы Шеки, Ширвана, а также мелики Хамсы. Что касается участия меликов Хамсы в антипанаховской коалиции, то это выглядит весьма сомнительным. В данном контексте хотелось бы привести информацию из грузинских источников того времени. Особого внимания заслуживают данные видного представителя грузинской историографии XVIII века и непосредственного участника походов грузинских войск против Панах-хана Папуны Орбелиани. Говоря о походах Панаха на Гянджу в 1750 году, Орбелиани указывает, что армянские мелики обратились за помощью к Грузии и грузинские войска освободив Гянджу начали теснить Панаха на юг, заставив его в конечном счете с небольшим отря-

дом перейти реку Аракс и укрыться в Карадаге (область на правобережье реки Аракс), понеся при этом огромные потери¹¹⁶. К грузинским войскам присоединились и войска Шекинского ханства. По оценке Папуны Обрелиани, подобных побед грузинские цари в Иране никогда не одерживали¹¹⁷. Странным здесь выглядит не победа грузинских войск, а то, как потом Панах, будучи поностью разгромленным и вытесненным из Карабаха, сумел не только вернуться обратно, но и стать руководителем страны. По всей видимости, имевшие место события имели несколько иную направленность. Не исключено, что в какой-то момент Панах попытался играть собственную игру и из-за этого правящие армянские круги Карабаха его проучили и не выступили против грузинских войск, а затем вернули Панаха обратно, да тес самым знать, кто на самом деле обладает реальной властью.

Данный сценарий кажется наиболее вероятным, В противном случае судьба Панаха была бы предрешена, разумеется, не в пользу последнего. Вряд ли человек с небольшим войском, находящийся к тому же в сомкнутом кольце окружения, был бы в состоянии противостоять достаточно многочисленным войскам. Тем не менее это не означает, что мелики Хамсы не объявили войну Панаху и формально не вступили в нее. Подобное развитие событий не было исключено, тем более, что ряд источников указывает на то, что мелики направили письмо нухинскому хану Хаджи Челеби, который, кстати, имел армянское происхождение¹¹⁸, с предложением о ведении совместной борьбы с Панахом¹¹⁹. Данное действие было вполне закономерным, ведь оно также служило своего рода отвлекающим маневром и, как уже много раз отмечалось, придавало естественность как процессу создания Карабахского ханства, так и воцарению Панаха. Однако формальное участие в антипанаховской коалиции не означает ведения реальных боевых действий. Более того, не исключено, что мелики оказывали даже скрытую поддержку Панаху в борьбе с шекинским и ширванским ханами, а также с другими силами. При этом Панах-хан в своей борьбе с соседними ханствами особого милосердия к мусульманскому населению не проявлял. Так, после похода Панаха на Гянджу в 1750 году город и его окрестности так пострадали, что за крепостными стенами не осталось ни одного целого здания, были разрушены даже мечети¹²⁰.

Как уже отмечалось, коалиция шекинского и ширванского ханов во главе с Хаджи Челеби нухинским потерпела неудачу в войне с Панахом. В борьбе с соседними ханствами принималась во внимание и внутривосточная ситуация в Персии – ухудшение внутреннего положения здесь непременно использовалось Карабахским ханством для расширения своих территорий. Так, когда в Азербайджане, Ираке и Хорасане начались беспорядки, связанные с тем, что сын покойного Надир-шаха Шахрух мирза убил Адиль-шаха (того самого, от которого Панах получил саблю и указ о назначении ханом и правителем Карабаха) и таким образом вступил на персидский престол, Карабахское ханство начало военную кампанию против Гянджинского, Эриванского, Нахичеванского, Карадагского и Ардебильского ханств. Кампания оказалась весьма успешной. От Карадагского ханства к Карабаху перешли Мегри и близлежащие магалы до Баргушата, от Нахичеванского ханства – Татевский и Сисианский магалы, от Тавризского бегларбекства – Капан и Зангезур, от Эриванского ханства – территория исторического гавара Вайкуник¹²¹ (большая часть нынешнего Карвачарского района НКР – Д.Б.). Расширение территории и сферы влияния Карабахского ханства не всегда происходило силовым путем. В ряде случаев это достигалось дипломатическим путем и даже посредством заключения родственных уз. Правителем города Ардебиль Панах назначил Даргяхкули-бека сарыджалинского. Некоторые из покоренных ханов отдали Панаху своих сыновей в качестве заложников.

Основным внешнеполитическим девизом, которым руководствовался в этот период Карабах, была формула «никаких постоянных друзей, только постоянные интересы». Такой подход был нужен, но, к сожалению, отсутствовал во время национально-освободительного движения 20-х годов XVIII века. Этим постоянным интересом было сохранение, укрепление и расширение армянского карабахского государства. Поэтому нередко в достаточно короткий промежуток времени бывшие враги становились союзниками. Так произошло, в частности, в начале 1750-х годов, когда между Карабахским, Шекинским, Гянджинским, Нахичеванским и Карадагским ханствами был заключен союз против Грузии. В результате войска грузинского царя Ираклия были разбиты и преследовались союзниками вплоть до Тифлиса¹²².

Очередным внешнеполитическим испытанием стало появление на по-

литической арене Ирана уже упомянутого Мухаммед Хасан-хан Каджара. Тогда Персия была погружена во внутрисобную борьбу, и имелось множество претендентов на шахский престол, одним из которых стал некий узбек Азиз-хан, который с достаточно многочисленной армией вторгся в Персию из Туркестана и завоевал Тавриз. Подобное развитие событий представляло серьезную угрозу для интересов Карабаха, так как в случае прихода к власти в Персии суннитов, последние для укрепления своей власти и борьбы с другими претендентами могли бы пойти на союз с Османской империей. Поэтому в данной ситуации Карабах присоединяется к коалиции, созданной рядом шиитских ханов во главе с Мухаммед Хасан-хан Каджаром. Войскам данной коалиции, численность которых достигала 18 тыс. человек, из коих 3 тыс. воинов было выставлено Карабахом, удается одержать победу над узбеками¹²³.

Однако как только этот человек взял власть в Мазандаране, Ираке и Азербайджане стало ясно, что вооруженного столкновения с ним не избежать. Классическая историография не дает четкого ответа относительно того, почему Мухаммед Хасан-хан Каджар решил напасть на Карабахское ханство, особенно учитывая тот факт, что еще совсем недавно Карабах оказал ему весьма существенную помощь в борьбе с узбеками. Не исключено, что основной целью Каджара было уничтожение этого армянского государственного образования. В какой-то степени этому способствовало то обстоятельство, что столицей Карабахского ханства в то время уже был Шуши. Вооруженное столкновение между войсками Карабаха и Мухаммед Хасан-хан Каджара закончилось поражением последнего. Одну из ключевых ролей в победе Карабаха сыграл своевременный перенос столицы в Шуши, не говоря уже о самоотверженности армянского населения. Во время карабахского похода Мухаммед Хасан-хан Каджара на политической арене Ирана появился новый сильный игрок – Керим-хан Зенд, который, собрав большое войско, намеревался овладеть Мазандараном и Ираком. Из-за этого Мухаммед Хасан-хан Каджар покинул Восточное Закавказье и двинулся навстречу Зенду. Однако в пути он был убит своими приближенными.

Но этим борьба за власть в Иране не завершилась. В борьбу с Керим-ханом Зендом вступил уже упоминавшийся в предыдущем разделе Фатали-хан Авшар, который также пошел на Шуши, но не сумел покорить его, понеся

при этом большие потери. Однако победы в военных кампаниях не гарантировали безопасности Карабаху. Горький опыт показывал, что несмотря на блестящие военные победы в 20-х годах XVIII века, негибкая дипломатия привела к тяжелейшим последствиям. Более того, складывалась весьма опасная тенденция: для претендентов на персидский престол стало своего рода нормой при восхождении к власти совершать походы на Карабах. Поэтому было решено наладить отношения с Фатали-ханом, что представляло собой весьма сильный политический ход. Налаживание связей с одним из претендентов на персидский престол и создание ему безопасного тыла сулило дополнительную эскалацию внутривосточной борьбы в Персии, что в свою очередь ослабляло эту империю. Дальнейшее ослабление Персии, естественно, укрепляло самостоятельность Карабахского ханства.

Начались переговоры с Фатали-ханом. Было достигнуто соглашение, в соответствии с которым взятые в плен карабахцами кызылбашские солдаты возвращались, взамен Фатали-хан выдавал свою дочь за старшего сына Панах-хана – Ибрагим Халил-агу. Ибрагим должен был посетить лагерь Фатали-хана, побыть там определенное время и затем вернуться обратно, взяв собой дочь хана. Для того, чтобы Панах-хан был спокоен за судьбу своего сына, Фатали-хан отправил ему троих своих сыновей и родственников, которые должны были до возвращения Ибрагим Халила оставаться при Панах-хане в качестве заложников²⁴.

Тем временем внутривосточная борьба в Иране обострилась. В районе Исфагана произошло сражение между войсками Керим-хана Зенда и Фатали-хана, в котором победа досталась последнему. Но этим сражением борьба между двумя претендентами на персидский престол не завершилась. Вскоре Керим-хан Зенд оправился от данного удара. В сложившейся ситуации в конце 50-х годов XVIII века Карабах начал поддерживать Керим-хана Зенда. Поводом к этому послужило то, что Фатали-хан не отправил Ибрагим Халила и сопровождавших его лиц обратно в Карабах, а взял их с собой в Урмийскую крепость.

Тем не менее, вряд ли решение о поддержке Кирима-хана было продиктовано лишь данным обстоятельством. Как уже отмечалось выше, между ослаблением Персии и укреплением самостоятельности Карабахского ханства

существовала прямая зависимость. Поэтому дипломатическая игра, заключающаяся в оказании помощи претенденту на персидский престол, тем более в самый подходящий момент, сулила в случае успеха хорошие перспективы для дальнейшего укрепления самостоятельности Карабаха. Кстати, участие Карабаха в той или иной коалиции практически всегда оканчивались победой данной коалиции. Достаточно указать успех борьбы уже упомянутого Мухаммед Хасан-хан Каджара в его борьбе с узбеками, антигрузинской коалицией и т.д. В некоторой степени первоначальный успех Фатали-хана также стал результатом того, что был достигнут мир с Карабахом, и с тыла Фатали-хану не угрожала опасность. Развязка противостояния между Керим-ханом и Фатали ханом произошла во время совместного штурма войсками Керим-хана и Карабаха Урмийской крепости, где находился Фатали-хан. Последний не сумел противостоять силам коалиции и капитулировал.

Победой Керим-хана над Фатали-ханом фактически заканчивается и правление Панах-хана. После этой победы Карабах сохранил и даже укрепил свою самостоятельность. Но Керим-хан не отпустил Панах-хана обратно в Карабах, взяв его с собой в Шираз фактически в качестве заложника. Там Панах-хан вскоре и скончался. Это произошло в 1759/1760 году. В новой политической ситуации Карабах, безусловно, оказался в выигрышном положении, и здесь не играл абсолютно никакой роли тот факт, что Панах-хан был взят в заложники правителем Персии, ведь реальная власть в Карабахском ханстве была не в его руках.

4.4.2 Внутривосточный расклад сил в ханстве

Внешнеполитические успехи Карабахского ханства были результатом существовавшего в этом государственном образовании внутривосточного расклада сил. Данный расклад имел два уровня: взаимоотношения с ханом, т.е. местного и пришлого элементов, и взаимоотношения между арцахскими меликами, т.е. внутри коренного элемента. При этом между двумя указанными уровнями существовала прямая зависимость.

В предыдущих разделах уже не раз говорилось о том, что Панах-хан имел номинальную власть в Карабахском ханстве, реальная же власть находилась в руках коренного элемента. Естественно, что подобного рода конфи-

гурация не могла держаться лишь на честном слове, поэтому для ее поддержания необходимо было создать соответствующую структуру. Одной из основных составляющих в данной структуре была военная составляющая. В предыдущих разделах не раз говорилось о роли армянских вооруженных сил и ополчения в защите Карабаха и его столицы. Вооруженные силы Карабахского ханства состояли в основном из армян, сам же Панах-хан имел при себе лишь маленькое войско, состоящее в основном из наемных лезгин. Численность постоянного войска Карабахского ханства составляла около 7 тыс. человек, из коих 4,5 тыс. воинов были армянами, а 2,5 тыс. – мусульманами¹²⁵. Более того, расходы на содержание армии, в том числе и наемников Панаха, оплачивались армянами, в частности меликом Шахназаром.

В одном из источников указано, что еще в начале правления Панах-хана Шахназар, обратившись к хану, спросил его, зачем тот впал в уныние, ведь на протяжении последних семи лет Шахназар обеспечивает армию отменным фуражом?¹²⁶. Данный факт, кстати, также подтверждает то, что действительно существовал тщательно подготовленный план создания Карабахского ханства, где номинальным главой должен был стать Панах Джеваншир. Известно, что в общей сложности правление Панаха с момента провозглашения его ханом Карабаха длилось всего 12 лет. Получается, что если армию Панаха обеспечивали фуражом в течение семи лет, и об этом говорится в самом начале его правления, то процесс начался еще до того, как Панах перешел на территорию Арцаха. Если бы правление Панаха длилось 30 лет, то можно было бы поставить под сомнение эти семь лет или же поспорить относительно того, какой отрезок времени надо считать начальным периодом правления Панаха. Но то, что период в семь лет составляет более половины всего срока нахождения Панаха у власти, само по себе подтверждает факт проведения вышеуказанной тщательно спланированной политики. Но одной только армией финансовая помощь меликов Панаху не ограничивалась. Мелик Варанды Шахназар часто помогал Панаху деньгами¹²⁷. Проводя подобного рода политику, арцахские мелики постоянно держали Панаха в зависимом положении, поддерживая таким образом главенство коренного армянского элемента в Карабахском ханстве.

Система сдерживаний и противовесов весьма эффективно действовала и

в системе принятия решений. В Карабахском ханстве функционировал Диван, т.е. совет при хане, являющийся совещательным органом и собиравшийся по мере надобности. Здесь обсуждались вопросы войны и мира, раскладки и взимания податей, рассматривались особо важные и иные вопросы, имевшие государственное значение¹²⁸. Диван играл весьма важную роль в политической жизни карабахского государства, и, в отличие от других государственных образований Восточного Закавказья, Карабахское ханство не было абсолютной монархией. Это естественно, ведь Панах-хан был номинальным главой государства. В Диване также решающую роль играли мелики. Панах-хан не имел права вмешиваться в дела меликов и их подданных. Решения о войнах с внешними врагами принимались при всеобщем согласии, Панах не имел права самостоятельно вступать в войну с кем бы то ни было. Налоги, собираемые в армянских меликствах, употреблялись для нужд самих меликств. Панах не имел даже права расширять свои владения в Карабахе¹²⁹. Некоторые мелики, к примеру, мелик Хачена Мирзахан, чеканили свои собственные монеты¹³⁰. Мелики Карабаха также имели свои гербы. На печати меликов Варанды имеются армянские монограммы «ՉՄԵ-Ս», а также орел, над головой которого был изображен купол церкви с крестом¹³¹.

В предыдущем разделе уже отмечалось, что в столице государства – Шуши, Панах-хан и его соплеменники располагались ниже резиденции мелика Шахназара и домов его подданных. Это также ярко демонстрирует существовавшую тогда систему взаимоотношений между коренным и пришлым элементами. Панах-хан, да и его преемник Ибрагим-хан, практически не имели земельных участков в столице государства. В данном контексте весьма интересным предстает тот факт, что Панаха похоронили не в столице Шуши, что было бы естественным, а в районе современного Агдама. Эти земельные участки ханы выкупили у меликов Хачена - Хасан-Джалалянов. И тогда, в последствии именно в районе Агдама и даже еще дальше – в окрестностях г.Барды, отпрыски ханской фамилии и их окружение хоронили своих умерших. Это относилось и к простому люду мусульманского вероисповедования, которые также не имели права хоронить своих умерших в Шуши. Самые ранние надгробные плиты похороненных в городе мусульман датируются лишь второй половиной XIX века¹³². Лишь после присоединения к России послед-

ний из ханов – Мехтикули – приобрел право на распределение земель Карабахской провинции и за несколько лет раздал достаточно обширные территории своим приближенным и простым жителям мусульманского вероисповедания¹³³.

Одной из весьма важных и имеющих стратегическое значение для поддержания баланса между коренным и пришлым элементом в пользу первого было, как ни странно, поселение в столице Шуши кочевого мусульманского населения, чему в определенной степени содействовали правящие армянские круги, в частности, мелик Шахназар. На первый взгляд данное утверждение может показаться странным. Тем не менее, поселение кочевников на постоянное место жительства в городе одновременно решало две важнейшие и взаимосвязанные друг с другом задачи. Во-первых, в Карабахском ханстве, да и практически во всем регионе в то время было два основных метода хозяйствования: оседлое и кочевое, которые были производными от соответствующих укладов жизни. В пределах Карабахского ханства оседлым хозяйством занимались практически исключительно армяне, а кочевым – разного рода тюркские и курдские племена. Нередко между этими двумя формами хозяйствования возникали конфликты, которые несмотря на чисто экономические причины, время от времени принимали этнорелигиозный характер. Посредством же переселения этих кочевников в Шуши, где они меняли свой образ жизни, становясь оседлыми, данные противоречия, по крайней мере с переселенными группами, фактически исчезали.

Во-вторых, переселение кочевого мусульманского населения в Шуши ставило его в зависимость от оседлого армянского. Дело в том, что кочевники, поселившись в Шуши, были оторваны от своего привычного уклада жизни, но не сумели быстро приспособиться к оседлому хозяйствованию. В Шуши они не имели достаточно крупных земельных участков, да к тому же и климатические особенности этого города и его окрестностей не подходят для ведения земледелия. Получается, что бывшие кочевники из своего образа жизни поменяли лишь его бытовую часть, не сумев сделать этого в экономической составляющей. В результате они попали в зависимость от коренного оседлого армянского населения, которое обеспечивало их всем необходимым и таким образом содержало их.

Тем не менее, во взаимоотношениях коренного и пришлого элементов, а также номинальных и реальных носителей власти, не всегда все было идеально, и между Панахом и меликами нередко возникали вражда и конфликты. Однако во времена правления Панаха не было ни одного случая, когда в такого рода конфликтах имело бы место четкое разделение враждующих лагерей по этноконфессиональному признаку. Основной же причиной было то, что по своей сути конфликты внутривластного характера в Карабахском ханстве были внутриармянскими, и участие Панаха в этих процессах, в сущности, имело второстепенное значение. Именно данные конфликты и представляли ключевой элемент взаимоотношений внутри коренного элемента. Глубинной сутью данного противостояния были разные и противоположные методы достижения двух основных конечных целей. Первой целью было создание де-юре независимого армянского государства, полностью самостоятельного или же находящегося под покровительством России. Ядром данного государства, естественно, должен был стать Карабах. Второй целью было вхождение армянских земель в состав Российской империи.

Механизмов достижения данных целей также было два – уже упомянутый и на практике осуществленный сценарий, когда в целях геополитического маневра номинальным главой государства сделали представителя мусульманского кочевого племени, сохранив в своих руках реальную власть. Данный вариант давал возможность на практике создать де-факто армянское государство и постепенно расширять его территорию, дожидаясь создания такой геополитической ситуации, при которой представится возможность трансформировать де-факто армянское государство в де-юре или же, на крайний случай, если по каким-то причинам это будет невозможно, войти в состав Российской империи. В данном контексте силы, приверженные указанному подходу, всячески поддерживали существовавший в Карабахе расклад сил и выступали в качестве центростремительных. Второй механизм был по своей сути центробежным и фактически предполагал немедленное создание де-юре независимого армянского государства или же присоединение карабахских земель к России. Соперничество и конфликты между этими центробежными и центростремительными силами происходили практически за весь период существования Карабахского ханства. В самом начале, как уже отмечалось вы-

ше, был выработан более или менее единый и консолидированный подход, когда общими усилиями было создано Карабахское ханство и назначен его номинальный глава – Панах. Изначально был выбран именно центростремительный подход, хотя затем между армянскими меликами имели место разногласия. Тем не менее, в период правления Панаха и вплоть до конца XVIII века центростремительные силы доминировали во внутривосточной жизни Карабаха. Нередко причиной конфликтов между армянскими меликами были и личные амбиции, для прикрытия которых, к сожалению, зачастую использовался лозунг национально-освободительной борьбы.

Первым соперничеством между центростремительными и центробежными силами стал конфликт с хаченским меликом Аллахверди. После поражения мелика Аллахверди, новым меликом Хачена в 1755 году был назначен уже упомянутый мелик Мирзахан. Следующим столкновением между центробежными и центростремительными силами стал конфликт с меликом Джраберда Аллахкули-султаном. Когда данный конфликт уже был близок к разрешению, и джрабердский мелик пошел в Шуши, его вероломно убивает Панах-хан. Некоторые классики армянской историографии представили это событие так, что к данному убийству приложил руку мелик Шахназар, который подтолкнул Панаха к убийству, якобы сказав, что мелик Джраберда слишком знатен и богат и вряд ли будет ему подчиняться¹³⁴. На самом деле к убийству джрабердского мелика приложил руку правитель Нахичеванского ханства Гейдаркули-хан¹³⁵.

Этот факт лежал уже в совершенно иной плоскости, и здесь была налицо попытка Панаха сыграть в свою игру, причем скоординировав свои действия не с армянскими, а с мусульманскими кругами, находящимися за пределами Карабаха. Если сегодня таковым предстал хан Нахичевана, то завтра на его месте мог быть кто-то другой. Именно поэтому после смерти Аллахкули-султана меликом стал его брат Атам, который также весьма негативно относился к Панаху. Если бы Панах решал кому быть меликом, а кому нет, то он вряд ли поддержал Атама, а меликство вряд ли было бы передано в его управление. Передача меликства в управление другого человека, не являющегося законным наследником, произошла в Хачене с уже упомянутым меликом Мирзаханом, который был танутером (главой – Д.Б.) села Хднзристан, входя-

щим в состав Хаченского меликства. Но в данном случае это решение принимал не Панах, а армянские мелики. В случае с Джрабердским меликом самостоятельность Панаха надо было пресечь, что и было сделано назначением Атама меликом Джраберда. В данном контексте проблема уже не лежала в плоскости соперничества центробежных и центростремительных сил. Это уже был вопрос поддержания баланса между коренным и пришлым элементом в пользу первого.

Однако после того, как Атам стал владельцем Джраберда, он, руководствуясь, скорее, эмоциями, нежели хладнокровным политическим расчетом, начал активно поддерживать центробежные силы и столкнулся с центростремительным лагерем, борьбу с которым проиграл, несмотря на то, что к нему примкнул убивший в это время своего дядю – мелика Тамраза и взявший власть в Гюлистанском меликстве мелик Овсеп. Мелики вынуждены были уйти в Гянджинское ханство, которое враждовало с Карабахским ханством. В данном контексте это уже была борьба между центробежными и центростремительными силами, а не борьба между Панахом и армянскими меликами, где Панах играл практически номинальную роль. В 1761 году вышеуказанные мелики присоединились к уже упомянутому Фатали-хану и пошли на штурм столицы Шуши. Этот эпизод уже трансформировал центробежные стремления вышеуказанных меликов в серьезную опасность для существования самого Карабаха. Определенная напряженность была и во взаимоотношениях с меликом Дизака, но по прошествии определенного времени был достигнут мир.

То, что в борьбе центростремительных и центробежных тенденций Панах играл номинальную роль, несмотря на отдельные попытки играть свою независимую игру, подтверждается тем, что после проигрыша того или иного мелика, проводившего центробежную политику, на его место назначался обязательно армянин, будь то родственник побежденного мелика, или кто-нибудь другой¹³⁶. Никогда еще ни при Панахе, ни при его преемнике на место того или иного мелика не назначался магометанин.

Рассматривая вопрос о борьбе центростремительных и центробежных сил, нельзя обойти и эмоциональную составляющую этого вопроса, которая зачастую весьма затрудняла объективный анализ происходящих событий. Но

если при анализе ситуации и перспектив ее развития отказаться от эмоций, станет очевидно, что для выживания последних осколков армянской государственности и воссоздания на их основе объединенного армянского государства был более целесообразен выбор стратегии, при которой номинальным главой государства был представитель кочевого племени, а реальная власть находилась в руках коренного армянского элемента. Одно консолидированное и сильное государственное образование, которое строит и укрепляет свою самостоятельность и государственность, не надеясь на какие-то обещания извне, естественно, намного предпочтительнее нескольких маленьких и разрозненных княжеств, которые постоянно связывали свое спасение с внешними силами. Поэтому, несмотря на всю эмоциональность имевших место тогда конфликтов, в которых друг другу противостояли армянские силы, данные столкновения необходимо рассматривать с позиции абсолютной или даже относительной предпочтительности для национальных интересов. С этой точки зрения центристские тенденции были намного предпочтительнее, ведь интересы и судьба народа, несомненно, важнее интересов и судеб конкретных людей.

Глава V

Правление Ибрагим-хана

5.1 Борьба за передачу трона Карабахского ханства Ибрагим Халилу

После того, как Панах-хан скончался в Хорасане у Керим-хана Зенда, началась довольно серьезная борьба за то, кто будет главой Карабахского ханства. В большинстве источников указано, что сразу после Панаха ханом Карабаха стал его старший сын Ибрагим Халил-ага¹³⁷. Однако в реальности дело обстояло несколько иначе и намного сложнее: началась настоящая борьба за карабахское наследство с непосредственным вовлечением внешних сил. Еще при жизни Панаха, когда последний находился у Керим-хана Зенда в Ширазе, владыка Ирана издал фирман, в соответствии с которым правителем Карабахского ханства был назначен второй сын Панаха – Мехрали¹³⁸. Панах-хан не был против такого назначения и даже дал определенные инструкции сыну относительно управления ханством¹³⁹. Подобным шагом, Панах попытался сыграть собственную игру, основной целью которой было достижение независимости будущего хана Карабаха от правящих армянских кругов. Подобное развитие ситуации могло полностью изменить ситуацию в Карабахском ханстве и представляло серьезную угрозу интересам реально правящего в стране армянского элемента.

Получалось так, что тщательно подготовленная программа по назначению номинальным главой Карабаха представителя кочевого племени и поддерживаемая с таким трудом и пролитой междуусобной кровью структура одним росчерком пера могла перейти в руки инородного элемента. Здесь может возникнуть ряд вопросов. Например, в чем же разница между Панахом и Мехрали? Почему Мехрали не мог с аналогичным успехом выполнять те же функции, что и Панах? Коренное отличие между этими двумя личностями заключалось в том, что Панаха ханом Карабаха сделали армянские круги, которым он был лично обязан как за это, так и за то, что в свое время именно мелики Арцаха спасли ему жизнь. В случае же с Мехрали был замешан Иран, при непосредственной поддержке которого он и должен был стать главой Ка-

рабаха. Понятно, что, не имея даже права стать ханом по первородству, Мехрали должен был всячески зависеть от Ирана. Но самое опасное заключалось в том, что главным препятствием для удержания власти в Карабахе для него становился именно коренной армянский элемент, против которого новый хан и должен будет направить свой основной удар. Ясно, что подобного сценария развития ситуации необходимо было избежать. Сделать это нужно было весьма тонко, так, чтобы ключевую роль в данном процессе, как и в случае с Панахом, играл армянский элемент, но в то же самое время это не должно было бросаться в глаза.

Соответствующая тактика была разработана и применена на практике. При этом полностью сохранялась уже отработанная структура, где номинальным главой государства должен был быть представитель кочевого мусульманского племени, а реальной властью должен был обладать коренной армянский элемент. В данном контексте наиболее целесообразным было инициирование борьбы за ханский престол между сыновьями Панаха, основной целью которой должно было стать отстранение от власти ставленника Ирана – Мехрали-хана – руками его же ближайшего единокровного родственника. Наиболее подходящей кандидатурой здесь представлял старший сын Панаха – Ибрагим Халил.

Между братьями начался конфликт за трон. И в данной борьбе Ибрагим Халил мог стать ханом исключительно при поддержке армянских кругов, что и имело место на практике. По-всей видимости, ставка на Ибрагима в качестве преемника Панаха была сделана еще при жизни последнего. Подтверждением этому является тот факт, что мелик Шахназар выдал свою дочь Хуризат-ханум за Ибрагима, когда тот еще не был ханом. По некоторым данным это произошло еще в начале правления Панах-хана¹⁴⁰. Хуризат-ханум была к тому же внучкой мелика Дизака Есаи, и таким образом Ибрагим попадал под влияние одновременно двух армянских меликов. Кстати, этот брак был первым для Ибрагима¹⁴¹, что еще больше усиливало влияние тестя на него. То, что Шахназар пошел на столь непопулярный шаг из-за геополитических соображений подтверждается тем, что впоследствии во искупление этого греха он отреставрировал Амарасский монастырь¹⁴². К сожалению, данный дипломатический шаг был воспринят старым меликом Дизака Есаи весьма эмоци-

онально и даже вызвал стычки между вооруженными силами двух меликств. Были ли эти стычки действительно результатом выдачи за Ибрагима дочери Шахназара, или они происходили вследствие иных процессов, до сих пор не ясно. Тем не менее, вышеуказанные обстоятельства имели ключевое значение и закрепляли зависимое положение Ибрагима по отношению к армянским правящим кругам Арцаха.

Борьба между братьями, а в реальности между арцахской и иранской дипломатиями, приняла достаточно затяжной характер. По прошествии некоторого времени Ибрагим начал постепенно теснить брата. Мехали-хан был оттеснен из нагорной части Карабаха и из столицы Шуши в низменные районы ханства. Он снова обратился за помощью к правителю Ирана и своему патрону Керим-хан Зенду. Последний своим фирманом на имя Гидаят-хана Ардебильского снова подтвердил права Мехрали-хана, но данное распоряжение так и осталось на бумаге ввиду смерти Керим-хана в 1779 году¹⁴³. После этого Мехрали наладил связи с Фатали-ханом Кубинским с целью совместной борьбы. Для того, чтобы противостоять Кубинскому ханству более широким фронтом, между Ибрагим Халилом и правителем Аварии были установлены союзнические отношения, и последний отдал в жены Ибрагиму свою сестру. Между тем, собрав верные ему части, Мехрали дождался прихода правителя Кубы, который планировал до этого взять Гянджу, чтобы затем совместными силами идти на столицу – Шуши. Однако после взятия Гянджи Фатали-хан Кубинский скорострительно скончался, а Мехрали-хан был предательски убит, как указывает в своем труде Ахмед Бек Джеваншир, Агаси-ханом Ширванским с сыновьями, изгнанными из Шемахи Фатали-ханом и ведшими, подобно бродягам, скитальческую жизнь¹⁴⁴.

Сам факт убийства Мехрали-хана не вызывает никаких сомнений, но возникают сомнения относительно непосредственных исполнителей. Выглядит весьма странно, что Мехрали-хан, ожидавший с верными ему войсками прихода Фатали-хана, от которого на тот момент фактически зависело его собственное будущее, пригласил бы к себе людей, питавших к кубинскому правителю личную и непримиримую вражду. Этот поступок не поддается никакому логическому объяснению. Более того, он должен был пригласить их к себе в ставку, иначе они не могли совершить убийство, тем более, что вели

бродяжный образ жизни и не имели армии, чтобы одолеть Мехрали-хана в бою. Приглашение в ставку самого хана не могло быть дано каким-то бродягам. Если бы Мехрали действительно пригласил их, то это означало бы признание важности этих людей и их притязаний на свое потерянное положение. Вряд ли Фатали-хану данный поступок Мехрали-хана понравился бы. Более логичным представляется то, что убийцы были подосланы противоположным лагерем, т.е. Ибрагим Халилом. Наиболее подходящими людьми, на которых можно было переложить ответственность за убийство Мехрали-хана, были ведущие бродяжный образ жизни представители бывшей правящей в Шемахи фамилии.

Таким образом, лишь в конце 1779 – начале 1780 гг. Ибрагим Халил при помощи армянских правящих кругов окончательно стал ханом Карабаха. Это было весьма важно, ведь номинальный глава ханства должен был занять этот пост исключительно при поддержке коренного элемента. Иначе вся конструкция и философия построения армянского Карабахского ханства столкнулись бы с весьма сложными проблемами внешнеполитического характера. После победы в противостоянии с Мехрали-ханом на территории Карабахского ханства было запрещено титуловать его ханом, вместо этого в случае необходимости его называли Мехрали-беком¹⁴⁵. Кроме того, практически ни один автор XIX века, как мусульманский, так и армянский, кроме Ахмед Бек Джеваншира, не упоминает о периоде борьбы с Мехрали-ханом. Даже Джеваншир говорит об этом весьма коротко. Между тем, противостояние длилось достаточно долго – около 18 лет. Подобное молчание выглядит весьма странным. Мусульманские историки, по всей видимости, пытались скрыть братоубийственную борьбу и решающую роль армянских кругов в воцарении Ибрагима. Что касается армянских источников, то ранние источники не могли этого сделать по той причине, что подобного рода данные, как и в случае с Панахом, всячески скрывались. У поздних же источников, по-видимому, были две основные причины обходить эту тему. Первое – отсутствие каких-либо данных об этих событиях по уже озвученной причине. И второе – критический подход к данным событиям, даже на основе дошедших до нас источников, ставил под сомнение классическую интерпретацию имевших место событий, к чему наши историографы не были готовы даже психологически.

5.2. Первый период правления Ибрагим-хана (1779-1795)

Правление Ибрагим-хана можно назвать одним из наиболее активных и в тоже самое время трагических периодов в истории Карабаха. Период его правления можно условно разделить на два этапа. Первый этап, который будет рассматриваться в данном подразделе, характеризовался в основном доминированием центростремительных тенденций над центробежными и поддержанием достаточно жестких рамок в отношении действий Ибрагим-хана. Данный этап завершился после окончания первого похода правителя Персии Ага Мухаммед-шаха в Карабах (1795 год).

5.2.1 Политический расклад сил в Карабахском ханстве и восстановление единства в армянской политической среде

В первый период правления Ибрагим-хана созданная в самом начале формирования Карабахского ханства система сдерживаний и противовесов все еще весьма эффективно действовала. Ибрагим, как и его отец, не имел права вмешиваться во внутренние дела меликств, решать в одиночку вопросы войны и мира и т.д. Войско ханства также по преимуществу было армянским, особенно если вставал вопрос народного ополчения. Для поддержания действенного контроля над Ибрагимом регулярные вооруженные силы арцахских меликов были существенно увеличены. В одном из рапортов российского полководца А.Суворова князю Г.А. Потемкину от 15 февраля 1780 года указано, что джрабердский мелик имеет 1000 воинов, голистанский – 1000 человек, дизакский – более 2000 человек, варадийский Шахназар – 1000 человек, хаченский – 1000 человек¹⁴⁶. К тому же армяне Сисиана и Капана также посылали войско численностью в 1000 человек для служения карабахскому хану¹⁴⁷. Получается, что на постоянной основе в Карабахском ханстве содержалось армянское войско из более 7 тыс. человек. Для сравнения: у Ибрагим-хана постоянное войско состояло исключительно из наемных лезгин численностью около 3 тыс. человек¹⁴⁸.

Имеется ряд весьма интересных исторических фактов, наглядно демонстрирующих взаимоотношения меликов и хана. Особый интерес в данном контексте представляет донесение Габриэла Караханова П.С.Потемкину о

своем пребывании в Карабахе в первой половине 1780-х годов. Автор донесения, в частности, сообщает о следующем интересном факте. «Шушинский Ибраим хан, собравший народ, своего брата и родственников, а при том призван был и тесть его армянской нации мелик Шахназар, объявил им, что желает он укрепить Шушинскую крепость для незапной безопасности, почему и требовал их для того вспоможения, на что отвечал ему брат его и родственники, что крепость Шушинская в порядке и укреплять ее более и делать народу изнурение не для чего, но тесть Ибраима хана Шахназар, назвав их бессмысленными, настоял о ее укреплении. Почему и хан, на то склонившись, призывал ее укреплять, но брат и родственники ханские единогласно с народом сказали хану, что когда не приемлет он их совета, а склоняется на согласие своего тестя, то и они в том его, хана, не послушают, а когда приемлет их совет, то б укрепление крепости оставил, и Шахназара, которого они, естли отдан им будет, истребить должны, не слушал. Но хан, склонившись на совет Шахназаров и собравши с пяти Меликов по сту человек, да также и з другого там обитаемого народу по несколькому числу и набравши всего до тысячи человек, начал помянутую крепость укреплять. Чрез то и происходит ныне у хана с родственниками своими ссора и так, будучи хан опасен, выпрося у шурина своего аварского Ум хана 300 человек лезгин, содержит их для охранения своего при себе»¹⁴⁹.

На первый взгляд может показаться странным, что всеильный хан ссорится с родственниками, защищая при этом позицию своего вассала и представителя другой религии и народа мелика Шахназара (который вдобавок обзывает этих самых родственников «бессмысленными»), а затем, под угрозой смерти со стороны родственников, нанимает охрану и исполняет предложение Шахназара. Классическая историография не в состоянии прояснить данный феномен. Это объясняется лишь логикой рассмотрения внутривнутриполитической ситуации, которой руководствуется настоящая монография. В данном контексте хотелось бы привести и весьма интересные данные известного армянского политического деятеля того времени Овсепя Эмина, который посетил Карабах и написал о своих впечатлениях в заметках, датированных приблизительно 1771-72 годами и опубликованных в 1772 году¹⁵⁰. В соответствии приводимыми им данными, в Карабахе, в отличие от других частей истори-

ческой Армении, все еще имеется возможность воссоздать армянскую государственность. В качестве доказательства Эмин приводит тот факт, что хотя персиянин (Ибрагим-хан – Д.Б.) является главой Карабаха, но он всецело зависит от армян и ни шагу не может предпринять без меликов. Его войско в подавляющем своем большинстве является армянским, все посты и должности находятся в руках армян, налоги и пошлины получает от армян. Даже охранники в его палатах составляют армяне.

В этой ситуации Эмин заключает, что устранить и выгнать хана из Карабаха не составит абсолютно никакого труда. Конечно, это не составило бы никакого труда, но стратегические императивы требовали сохранения именно такого положения дел, при которых власть хана носила номинальный характер, реальная же власть была сосредоточена в руках армянских правящих кругов.

Данные факты являются достаточно показательными. Во-первых, они отражают реальный расклад сил в политической жизни Карабахского ханства и номинальный характер власти хана. В укреплении Шуши прежде всего был заинтересован коренной армянский элемент, для которого Шуши была и столицей, и единым центром управления армянскими землями. Отказ бывших кочевников укреплять город полностью оправдан. Они знали, что Шуши – именно армянский центр. К тому же, как отмечалось в одном из предыдущих разделов, кочевники, переселившись в Шуши, более не в состоянии были вести свой привычный образ жизни и из-за географических и климатических особенностей города и его окрестностей не сумели перейти к ведению оседлого хозяйства, попав таким образом в полную зависимость от оседлого армянского населения. Понятно, что в дальнейшем укреплении города они видели в какой-то степени и дальнейшее усиление своей зависимости от коренного элемента. Не исключено также и то, что мусульманский сегмент карабахской столицы не видел смысла защищать такой город от своих единоверцев из Ирана или соседних ханств, от возможного нашествия которых и укрепляли Шуши. Во-вторых, эти факты показывают, что в то время имел место консолидированный подход всех пяти меликов Арцаха к общей цели.

При Ибрагиме армянские правящие круги предприняли ряд весьма важных шагов по предотвращению внутренних трений и междоусобиц. Еще в

начале 1760-х годов, когда противостояние с Мехрали-ханом было в самом разгаре, Ибрагим обратился к опальным меликам Джаберта и Гюлистана – Атаму и Овсепу, с предложением вернуться на родину, гарантируя при этом возвращение всех былых владений и привилегий¹⁵¹. Интересно, но практически в то же самое время началась и другая весьма важная дипломатическая кампания, связанная с вопросом престолонаследия в Агванском (Гандзасарском) католикосате. В 1763 году, будучи прикованным к постели и в предсмертном состоянии в г.Гянджа, 120-летний католикос Агванка Нерсес заявил народу и меликам, что назначает своим преемником собственного племянника Исраэля, который после смерти Нерсеса и был посвящен в католикосы. В этот период Эчмиадзинский католикос пытался упразднить традицию наследственной передачи титула Агванского католикоса. До своей смерти Нерсес пообещал не передавать трон своему родственнику, но в последний момент не сдержал своего слова. В деле передачи престола Агванского католикоса Исраэлю ключевую роль сыграл гянджинский хан Шахверди¹⁵². Оставалось получить соответствующее согласие Эчмиадзина. Католикос Симеон потребовал, чтобы Исраэль направился в Эчмиадзин и там был рукоположен в католикосы, после чего возвратился бы в свою епархию.

Однако такое положение дел не удовлетворяло народ и власти Карабаха, и они потребовали, чтобы Исраэль в качестве католикоса Агванка возвратился бы в Гандзасарский монастырь. Гандзасарский монастырь с конца XIII века был резиденцией Агванского католикоса, а этот титул стал наследственным для рода меликов Асан-Джалалянов. Для Карабахского ханства, которое фактически было ядром для воссоздания армянской государственности в более широких границах, было попросту неприемлемо, чтобы Агванский католикосат, власть которого распространялась почти на все Восточное Закавказье, не имел свою практически самостоятельную церковь. Здесь необходимо четко понять, что данный подход отнюдь не означал раскола Армянской Апостольской церкви. Просто по объективным причинам тогда Эчмиадзин находился под влиянием эриванского хана и Персии, а Исраэля проталкивал гянджинский хан, и в случае избрания новый католикос был бы обязан Шахверди-хану и попал бы под его влияние. Поэтому правящие круги Карабаха не хотели, чтобы и Агванский католикосат попал под влияние внешних сил.

Однако, подстрекаемый властями Гянджинского ханства, Исраэль отказался прийти в Гандзасар. В ответ на это в 1763 году все пять меликств Арцаха всенародно сформировали делегацию, численностью в 50 человек, которые взяли с собой епископа Ованеса из рода Асан-Джалалянов и направились в Эчмиадзин для того, чтобы католикос Симеон рукоприложил его в католикосы Агванка. У делегации было письмо с многочисленными подписями и обращение Ибрагим-хана, в котором высказывалось требование удовлетворить просьбу народа. Католикос Симеон отказывает карабахской делегации, мотивируя это тем, что у Агванка уже есть католикос. По возвращении из Эчмиадзина Ованес, как и Исраэль, избирается католикосом без согласия Эчмиадзина. После этого между Карабахским и Гянджинским ханствами начинается борьба, где обе стороны прибегают к давлению как друг на друга, так и на Эчмиадзин и Эриванское ханство. Карабахское ханство даже стягивает войска к границе Эриванского ханства в районе Зангезура. Опальные мелики Гюлистана и Джаберда в этой борьбе поддерживали Гянджинское ханство.

В 1765 году в Эчмиадзин направляется очередная карабахская делегация во главе с католикосом Ованесом. На этот раз мелики и Ибрагим-хан предлагали католикосу Симеону выбрать одного из двух претендентов, но с условием, что тот, кто окончательно станет католикосом Агванка, обязательно восседал бы в Гандзасарском монастыре. Гянджа никак не хотела уступать и даже заявила, что Агванский католикосат преобладает над Эчмиадином, а католикосом Агванка может быть лишь Исраэль. Окончательный вердикт католикоса Симеона был в пользу Ованеса, и Эчмиадзин разослал циркуляры с подтверждением, что католикосом Агванка является Ованес, а также требованием не признавать Исраэля в качестве католикоса.

После успешного для Карабаха разрешения ситуации с Агванским католикосом снова начались переговоры о возвращении опальных меликов в Арцах. Сами мелики склонялись к тому, чтобы вернуться обратно, но гянджинский Шахверди-хан, заинтересованный в том, чтобы они оставались на подвластной ему территории, препятствовал этому. На этой почве между меликами и гянджинским ханом возникли трения. С мелик Атамом у гянджинского хана были дружеские отношения и трения были улажены, но с меликом Овсепом личные отношения не сложились. Овсеп сперва ушел в Грузию, а за-

тем вернулся и обосновался в Геташене. В декабре 1766 года Шахверди-хан послал против мелика Овсеп войска под командованием своего старшего сына Магомет-Гасан-хана. Гянджинские войска не сумели пленить гюлистанского мелика, и военная кампания потерпела неудачу¹⁵³. Интересно, но здесь на стороне гянджинского хана выступил мелик Атам, который прибыл в Геташен вместе с приближенными Магомет-хана и передал Овсепу требование последнего вернуться в Шамхор и вновь признать себя подданным Шахверди-хана, но мелик отказался выполнить это. Через некоторое время мелик Атам вернулся вновь, предлагая на этот раз мир без всяких условий, на что мелик Овсеп согласился. Войска Магомет-хана отправились обратно, взяв в качестве временного заложника младшего сына мелика Овсеп - Абова, вскоре вернувшегося обратно¹⁵⁴. Однако вскоре после этих событий мелик Овсеп вернулся в свое меликство и по заранее достигнутой договоренности ему были возвращены все права и привилегии. Немногим позже в Карабах вернулся и мелик Атам.

Вышеуказанные эпизоды лишний раз показывают, кто реально управлял Карабахским ханством. Иначе зачем должен был Ибрагим всячески содействовать меликам и армянскому населению в данном вопросе? Особенно учитывая то, что в это время Мехрали-хан все еще не был побежден, и подобного рода действия могли стать весьма действенным оружием в руках последнего для дискредитации брата перед мусульманским элементом ханства и поднятия на этом фоне своего собственного рейтинга. Понятно, что за всеми этими процессами стояли правящие армянские круги. Таким образом, к середине 60-х годов XVIII века внутренние раздоры среди армянских меликов Арцаха были предотвращены. Во многом благодаря данной консолидации стало возможным окончательно избавиться от внешних угроз, в частности, от иранской в лице Мехрали-хана. Положение Карабахского ханства на международной арене также заметно окрепло. Карабах вел самостоятельную внешнюю политику и не зависел от какого-либо государства¹⁵⁵. Как и при Панахе, Карабахское ханство вело войны с соседними ханствами для расширения сферы своего влияния. Весьма высоко было влияние Карабаха в Эриванском, Шекинском, Гянджинском, Ардебильском, Карадагском и ряде других ханств.

Таким образом, уже к середине 60-х годов XVIII века центростремительные силы в Карабахе одержали убедительную победу. Одним из ключевых аспектов здесь было то, что эта победа была не только силовой. К примеру, добровольное возвращение мелика Овсеп было весьма важным аспектом поддержания согласия и исключения в будущем реваншистских действий. Таким образом, удалось укрепить территорию де-факто армянского государственного образования, превышающую 23 тыс. км². Причем с экономической точки зрения эта территория, особенно учитывая доминирующую роль сельского хозяйства, была практически самодостаточной. Естественно, что такого рода образование служило наилучшим ядром для воссоздания армянской государственности, в состав которой вошли бы и другие исторические армянские территории. Именно поэтому в данном контексте первоочередную роль играло поддержание целостности страны и всяческое пресечение каких-либо центробежных тенденций.

Однако в борьбе за внутреннюю консолидацию армянского элемента приходилось сталкиваться не только с центробежными тенденциями, возникающими непосредственно в пределах самого Карабахского ханства, но и с внешними силами, которые своими действиями фактически инициировали центробежные тенденции в Карабахе. Эти силы имели армянское и неармянское происхождение. В первом случае представители указанных сил были в основном теоретиками-мечтателями, которые, по большому счету, не имея всестороннего представления о реальной ситуации на исторической родине, ставили перед собой цель воссоздать армянскую государственность. Неармянскими силами в основном были государства, которые преследовали свои собственные цели и для их достижения нередко поддерживали центробежные силы в Карабахе. Но и в этом случае данные силы использовали как вышеуказанных мечтателей, так и тех или иных представителей правящих армянских кругов Карабахского ханства.

Во второй половине 60-х годов XVIII века в пределах Карабаха появился такого рода мечтатель – Овсеп Эмин, у которого было свое видение освобождения армянских земель, сводившееся, по сути, к созданию армяно-грузинского государства, где грузинский царь одновременно стал бы и армянским царем, а Россия установила бы протекторат над этим образованием.

Подобного рода мечты, естественно, были нереальны в то время, тем более, что и сама Грузия видела в этом лишь возможность расширения своей территории. Более того, как уже не раз отмечалось, Карабахское ханство было уже де-факто существующим армянским государством и необходимо было вести очень взвешенную политику для поддержания сформировавшейся структуры, чтобы затем постепенно расширять границы и превратить государство из де-факто в де-юре армянское. Эмин, по всей видимости, этого не понял и предлагал заведомо опасные сценарии. В планах Эмина непосредственно были заинтересованы англичане, которые испытывали серьезную конкуренцию армянских купцов в Индии и на Ближнем Востоке. Начало широкомасштабных боевых действий с участием армян сулило им серьезный подрыв доверия к армянам в странах региона и разрыв налаженной ими торговой сети. Однако миссия Овсепя Эмина в Карабахе оказалась бесплодной. Все арцахские мелики единодушно отклонили предложения Эмина, в результате чего ему пришлось попросту покинуть пределы Карабаха¹⁵⁶.

5.2.2. Борьба центробежных и центростремительных сил

Следующим вызовом для Карабаха стала русско-турецкая война 1768-1774 гг. В это время для ослабления Османской империи Россия заявила, что одной из основных целей данной войны является освобождение христианских народов из-под османского ига. В Закавказье начали распространяться слухи о том, что русские войска совместно с грузинскими войсками начнут военную кампанию против Османской империи. Перспектива развития событий по данному сценарию вдохновила армян России, которые надеялись восстановить армянскую государственность под протекторатом Российской империи. Среди самых активных деятелей, ратовавших за образование армянского государства под российским протекторатом, был один из самых богатых армян России Мовсес Сарафян, который подготовил свою программу освобождения Армении и в июне 1769 года представил ее коллегии иностранных дел России. В соответствии с данным планом, после создания армянского государства царем Армении должен был стать один из меликов Карабаха¹⁵⁷.

Хотя данная идея и была весьма соблазнительной, но в Карабахе к ней

не проявили практически никакого интереса и, как показало дальнейшее развитие событий, это было единственно правильным решением, особенно с учетом опыта национально-освободительной борьбы в 20-х годах того же века. Не было никакой гарантии, что широкомасштабная антиосманская кампания увенчается успехом, тем более, что в то время Россия сама не намеревалась начинать широкомасштабные военные действия с Турцией в Закавказье. Русские лишь хотели использовать грузинские войска, чтобы из-за этого Османская империя перебросила из европейского на азиатский театр часть своих подразделений¹⁵⁸. Понятно, что в данном контексте питать надежды на создание армянского государства было попросту наивно. Таким образом, «внутренний фильтр» Карабаха по отношению к подобного рода мечтам сработал весьма эффективно, не допустив даже возникновения каких-либо центробежных тенденций, порожденных этими идеями.

Однако испытания, с которыми пришлось столкнуться Карабаху, не ограничивались лишь наличием мечтателей из армянской среды. В 70-е годы XVIII века началась также подача центробежных идей внешними неармянскими силами. В немалой степени эти процессы стали результатом борьбы между великими державами. В это время усилилась борьба между Великобританией и Францией в Индии, ввиду чего поток товаров водным путем из этого региона в Европу и обратно был перекрыт. В данной ситуации товары стали перевозиться сухопутным путем по двум маршрутам. Первый был из Индии в Персию и через южный берег Каспийского моря в Россию, а оттуда - в Европу. Второй поток из южного берега Каспийского моря попадал в Европу через Османскую империю. Вышеуказанное развитие событий заново актуализировало в России планы Петра I о создании бесперебойного пути из южного берега Каспия в Россию, а оттуда - в Европу. В свете этого ключевую роль опять стала играть идея завоевания побережья Каспия, включая его южную оконечность, что позволило бы перенаправить поток товаров в Европу именно через территорию России. В конце 1779 году по приказу императрицы Екатерины II военная составляющая кампании по осуществлению этого замысла была возложена на великого русского полководца А.В.Суворова, а общее руководство осуществлял фаворит императрицы князь Г.Потемкин, которого называли вторым императором России¹⁵⁹.

В данном контексте заново актуализировался вопрос о христианах Закавказья, где одна из ключевых ролей отводилась армянам. Снова стала озвучиваться идея создания под протекторатом Российской империи армянского государства, и к этому плану с особым участием относились как князь Потемкин, так и полководец Суворов¹⁶⁰. Активное участие в этом принимали и представители армянской общины России. В 1779 году с участием известного армянского мецената Ивана Лазарева и будущего армянского католикоса архиепископа Овсеп Аргутяна (Аргутинского) был разработан очередной план создания независимого армянского государства. Уже в начале 1780 года в Петербурге начались интенсивные консультации с различными представителями российских правящих кругов и представителями армянской общины во главе с И.Лазаревым и О.Аргутяном¹⁶¹. Во время данных консультаций обсуждался и вопрос Карабаха. Аргутян подготовил справку, в которой представил ситуацию в Карабахе. Интересно, но справка содержала много ошибок и неточностей и показывала, что Аргутян попросту не был в курсе внутриполитической ситуации в Карабахе. Кстати, то же самое имело место и в другой справке, которую Аргутян представил Потемкину в 1790 году¹⁶².

Однако консультации не ограничивались лишь контактами между армянской общиной и российским двором. Идеи о создании армянского государства при помощи России начали активно муссироваться на исторических армянских землях, особенно в Карабахе, и здесь они начали находить поддержку. Этому во многом способствовал ряд тяжелых утрат в правящих армянских кругах ханства. В 1781 году скончался мелик Дизака Есан, а в 1783 году – мелики Джраберда и Гюлистана – Атам и Овсеп. Новым владельцем Дизака стал мелик Бахтам, Джраберда – мелик Межлум, а Гюлистана – мелик Абов. Все эти мелики были еще юношами и, будучи наделенными природной храбростью, не имели солидного опыта во внутренней и особенно во внешней политике.

В начале 1783 года молодые мелики созывают совет в Гандзасарском монастыре, на котором присутствуют представители духовенства, предводители народа и простой люд, заявляют о своей верности Российской империи и назначают архиепископа Аргутяна представителем Карабаха в России. Отдельное письмо направляется меликами князю Потемкину, в котором ему выра-

жается благодарность и содержится просьба ускорить обещанный русскими поход. При этом выражается полная готовность Карабаха оказать всевозможную помощь русским войскам. Вся эта переписка ведется через Аргутяна. 5 марта 1783 года со стороны Гандзасарского собора за подписью агванского католикоса Ованеса, шести епископов и шести меликов направляется слезное прошение российскому двору, в котором сообщается, что к Карабаху присоединяется также и Карадаг. Среди этих шести меликов лишь трое являлись главами меликств, остальные были ниже их по рангу. Мелики Варанды и Хачена не подписали данное прошение. После этого князь Г.А.Потемкин направляет директиву своему родственнику и командующему русскими войсками на Кавказе генералу П.С.Потемкину о том, что необходимо сбросить Ибрагим-хана с трона ввиду того, что отныне Карабах должен стать отдельным, не зависящим ни от кого, кроме России, государством, к которому будут стремиться присоединиться и другие армянские земли, и таким образом будет создано христианское государство в соответствии с планом российской императрицы Екатерины II¹⁶³.

Казалось, наконец настало время, которого так долго ждал армянский народ, и осталось сделать лишь самую малость – убрать Ибрагима и воссоздать армянскую государственность. Соблазн усиливался и тем обстоятельством, что правящие российские круги всерьез рассматривали и возможность расчленения Османской империи, что среди прочего предусматривало и создание греческого государства со столицей в Константинополе, во главе которого должен был стать один из представителей Романовых. Поэтому, когда в 1779 году у императрицы Екатерины II родился второй внук, его назвали Константином, потому что именно его планировалось сделать греческим царем¹⁶⁴. Такого рода детали не могли не быть известны в Карабахе, ведь и Лазарев, и Аргутян были вхожи в российские коридоры власти и для подбодрения юных меликов должны были поведать им об этом. Получалось, что создавалась реальная возможность присоединения западноармянских земель к возрожденному армянскому государству, во главе которого должен был стать один из этих меликов.

В свете вышесказанного может показаться, что мелики Варанды и Хачена, не поддержав столь патриотическое начинание, действительно являлись

предателями и в немалой степени именно они несут ответственность за провал исторического предприятия. Но если оставить в стороне эмоции и подойти к данному вопросу со всесторонним и трезвым анализом, то увидим, что решимость юных меликов войти в данные процессы, действительно, было весьма опасным предприятием с крайне непредсказуемыми последствиями. Во-первых, практически те же самые ожидания были у армян Карабаха в 20-х годах XVIII века и результаты этого было бы попросту неправильно игнорировать. Кстати, в свое время и Петр I, как уже отмечалось в самом начале данной монографии, лелеял надежду о воссоздании греческого царства и видел на его троне самого себя. Во-вторых, при принятии решений о вовлечении в такого рода процессы необходимо также рассчитать разноплановые последствия, особенно возможные контрмеры других игроков, в частности, других великих держав – Османской империи, Персии, соседних ханств, а также различных сил в самом Карабахе. В решении меликов этого не наблюдалось. Молодых меликов, по всей видимости, охватила эйфория, и они были уверены, что если такая сильная держава, как Россия, дала обещание, то ничто уже не сможет помешать осуществлению плана.

У противоположного лагеря было свое, совершенно иное видение развития ситуации. Существовали серьезные опасения относительно того, что под воздействием целого ряда факторов может повториться ситуация 20-х годов, но с той лишь разницей, что на этот раз положением может воспользоваться Ибрагим-хан, попытавшись из номинального главы превратиться в фактического владыку Карабаха, а это означало бы уже конец Арцаху и планам возрождения армянской государственности. Дилемма, с которой столкнулись центростремительные силы, возглавляемые меликами Варанды и Хачена, заключалась в следующем: поставить под угрозу существование де-факто армянского карабахского государства и пойти на сверхрискованное предприятие с весьма призрачными перспективами. Понятно, что слишком многое ставилось на карту и было решено воздержаться от каких-либо активных действий. Необходимо было выдержать весьма долгую и обдуманную паузу. Никто не был против воссоздания объединенного армянского государства под покровительством России, но к этой идее надо было тщательно подготовиться и начать действовать лишь тогда, когда события приняли бы необратимый ха-

рактический. Как показало время, это было единственно верной стратегией. Но для того, чтобы не допустить нежелательного развития событий, необходимо было действовать решительно и жестко. Такие действия именно со стороны центростремительных армянских сил были весьма важны для того, чтобы не допустить перерастания этой борьбы из внутриармянской в армяно-мусульманскую, а затем и в христианско-мусульманскую, чем, естественно, мог бы воспользоваться Ибрагим, пригласив в Карабах войска соседних мусульманских государств для избавления от своего номинального положения. Интересно, но уже в 1784 году турецкие правящие круги начали активные действия среди закавказских и кавказских образований и народов под лозунгами общеисламской солидарности¹⁶⁵. Кстати, Ибрагим-хану было известно о планах князя Г.Потемкина убрать его и создать в Азии христианское государство с активным вовлечением в данный проект меликов Карабаха¹⁶⁶.

Но контроперация центростремительных сил также должна была быть весьма взвешенной и продуманной. Поэтому было решено наладить контакт с русским двором. Правящие круги Карабахского ханства установили контакты с правящими кругами Российской империи, в частности, с князем Г.Потемкиным. Но при этом была выбрана тактика, в соответствии с которой в сношениях с российским командованием говорилось о желании вступить в российское подданство, но каких-либо конкретных шагов не предпринималось, мотивируя это необходимостью договориться об условиях.. Данная стратегия давала возможность одновременно достигнуть двух важнейших целей. Во-первых, выиграть время, а во-вторых, протестировать реальные намерения российских властей. Второй аспект имел более важное значение, так как давал возможность получить реальную картину происходящих событий и действовать соответственно. С этой целью в начале 1784 года в Россию был направлен посланец с письмом, в котором содержалась просьба о покровительстве и одновременно о невмешательстве во внутренние дела Карабахского ханства¹⁶⁷.

Как только посланник Карабахского ханства был принят князем Г.Потемкиным, последний заявил, что еще не было ни одного случая, чтобы Россия отказывала кому-либо в просьбе о покровительстве, добавив, что российское покровительство является наилучшим способом сохранения всех власт-

ных полномочий. В качестве примера Потемкин привел Крымское ханство¹⁶⁸. Таким образом, вышеуказанная стратегия сработала практически сразу и показала реальное положение дел. Не случайно, что именно в этот период императрица Екатерина II все больше заинтересовывалась Ибрагим-ханом. В мае 1784 года в собственноручном письме князю Г.А.Потемкину она давала ему задание узнать побольше об этом правителе¹⁶⁹. В другой своей директиве князю Екатерина дает указание принять в подданство России Карабахское ханство посредством заключения соответствующего договора, если не будет никаких на то препятствий, что побудит соседние с Карабахским ханством государственные образования последовать примеру Карабаха¹⁷⁰.

Судя по всему, опасения центростремительных сил постепенно материализовывались. Более того, сам Ибрагим-хан также уже не был заинтересован в подобном развитии событий ввиду того, что в таком случае он мог потерять даже имеющуюся у него номинальную власть. Проблема заключалась в том, что даже принятие подданства России не гарантировало поддержание самостоятельности Карабахского ханства. Хотя князь Г.Потемкин и привел в качестве примера Крымское ханство, но известно, что всего в течение года после присоединения Крымского ханства к России (1783) оно было упразднено и стало частью Таврической области (1784). Более того, Карабах надеялся прибрать к своим рукам и грузинский царь – в соответствии с положением Георгиевского трактата, гласящим: «...Ея Величество дает Императорское свое ручательство на сохранение целостности настоящих владений Его Светлости Царя Ираклия Теймуразовича, предполагая распространить такое ручательство и на такие владения, кои в течение времени по обстоятельствам приобретены и прочным образом за ним утверждены будут»¹⁷¹. Именно поэтому Ираклий так настойчиво поддалкивал Ибрагима принять российское покровительство. А в это время центробежные силы Карабаха продолжали засыпать просьбами российских военачальников о необходимости организовать поход в Закавказье.

В сложившейся ситуации следующим шагом центростремительных сил было оперативное подавление всяких центробежных сил и активная внешняя политика в Закавказье. Были достигнуты договоренности о совместных действиях с Нухинским, Хойским и Бакинскими ханствами. Кроме того, для

противодействия грузинским поползновениям, Карабахское ханство снова заявляет о желании принять российское покровительство, прося взамен не только сохранения своей самостоятельности и территориальной целостности, но и территорию Гянджинского ханства, на которую претендовала и Грузия. После отстранения от трона гянджинского хана и грузинский царь, и хан Карабаха назначают своих представителей на этот трон, а вскоре после этого Карабаху удается вывести Гянджинское ханство из-под влияния Грузии и, посадив на трон Джавад-хана, поставить Гянджу в зависимое от себя положение¹⁷². Однако этим действия, направленные против Грузии, не ограничились. Учитывая то, что одной из жен Ибрагима была дочь аварского хана, между Карабахом и Аварией было достигнуто соглашение, в соответствии с которым Авария начала походы против Грузии. Аварский Омар-хан стал устраивать набеги на Грузию, нанося достаточно ощутимый ущерб¹⁷³.

После этих мер было решено предпринять решительные шаги и против центробежных сил в самом Карабахе. В первую очередь были осуществлены меры по укреплению столицы государства – города Шуши для отражения возможных атак со стороны опальных меликов и поддерживающих их сил. Мелики Джраберта, Гюлистана и Дизака, а также католикос Ованнес были приглашены в Шуши и взяты под стражу. В 1787 году меликам Межлуму и Абову удалось бежать из шушинской тюрьмы в Грузию, а мелик Бахтам и католикос Ованнес погибли. Межлум и Абов явились к грузинскому царю Ираклию и командующему русскими войсками в Тифлисе полковнику Бурнашеву. Они просили войска для борьбы с Ибрагим-ханом и уверяли, что если им удастся справиться с ханом, то они образуют христианское государство в Карабахе и подчинят его России¹⁷⁴. Меликам обещали дать отряд в 4000 солдат, которыми должен был командовать грузинский князь Орбелиани.

Интересно, но и правящие грузинские круги начали разыгрывать свою армянскую карту, суть которой сводилась к тому, чтобы армяне с разных концов региона переехали бы в подконтрольный Грузии Лори. С этой целью в 1786 году грузинский царь Ираклий пожаловал видному армянскому общественному деятелю и весьма преуспевающему индийскому купцу Шаамиру Шаамиряну титул грузинского князя. В сентябре 1787 года грузинские войска, подкрепленные русскими частями, двинулись к Гяндже. Поход, в кото-

ром участвовали также опальные мелики, ставил перед собой цель восстановления там грузинского влияния и переселения подданных двух указанных меликов в пределы Грузии¹⁷⁵. После этого планировалось начать боевые действия против Карабахского ханства. Но как раз в это время начинается русско-турецкая война, и командующий русской армией полковник С.Бурнашев получает приказ о возвращении на Северный Кавказ. Как бы мелики и грузинский царь ни просили российского командующего отложить возвращение хотя-бы на несколько дней, он был непоколебим и в точности исполнил отданный ему приказ. После того, как русские части покинули Грузию, грузинский царь изменил внешнеполитический курс своего государства и установил дружественные отношения с Османской империей¹⁷⁶.

Мелики Абов и Межлум, находясь у грузинского царя Ираклия, просили его выступить против Карабахского ханства. Карабах же потребовал у Ираклия, чтобы он выдал ему меликов, обещая взамен вернуть 3 тысячи семейств мусульман, бежавших в прошлые годы из Борчалы в Карабах. Ираклий согласился на такой обмен, но мелики, узнав об этом, бежали в пределы Гянджинского ханства¹⁷⁷, которое после похода русских войск снова оказалось самостоятельным. Гянджинский хан Джават принял их радушно и даже отвел им возле Шамхора место для тех крестьян, которые будут прибывать к ним из Карабаха. История в точности повторилась. Но из подданных меликов Абова и Межлума, общая численность которых составляла 7 тыс. домов, лишь около 500 домов или 7% последовали примеру своих меликов и переехали из Карабахского ханства в пределы соседнего Гянджинского ханства. Среди прочего это означает, что даже подданные опальных меликов не поддерживали центробежные тенденции и воспринимали Карабахское ханство именно в качестве армянского государственного образования.

Интересно, но тогда на повестку дня снова встал вопрос о католикосе Агванка. После того, как католикос Ованес, являвшийся одним из лидеров центробежных сил, погиб, необходимо было избрать нового католикоса. Правящие круги Гянджинского ханства, используя опальных меликов Гюлистана и Джраберда, снова предприняли попытки назначить на этот пост своего выдвиженца. В 1791 году в Гяндже брат покойного католикоса Ованеса епископ Саркис был помазан в католикосы. После этого опальные мелики и их сто-

ронники опять обратились в Эчмиадзин с просьбой признать Саркиса агванским католикосом. Естественно, что такое развитие ситуации не отвечало интересам Карабаха и были предприняты необходимые контрмеры. На этот раз обошлось без силовых угроз, и вопрос разрешился предпринятыми эффективными шагами с далеко идущим политическим подтекстом. Ключевым здесь стало то, что Карабах избрал католикосом Агванка того самого Исраэля, который до этого был соперником Ованеса. Таким образом Эчмиадзин, который поддерживал Исраэля во время противостояния с Ованесом, на этот раз без каких-либо возражений поддержал Исраэля в качестве законного католикоса Агванка.

Что касается меликов Межлума и Абова, то они продолжали надеяться на помощь России и посредством архиепископа Аргутяна поддерживали контакты с российскими правящими кругами. Сам же Аргутян принимал весьма активное участие в процессе переселения армян из Бессарабии и Молдавии в Россию. И вот практически аналогичный проект этот человек разработал и для Карабаха. В январе 1790 года он представил князю Г.Потемкину рапорт об Армянском вопросе и ситуации в Карабахе. Среди прочего он представил историю контактов между меликами и русским двором. Аргутян также представил новый план решения «карабахского вопроса», где ссылался на предложения вышеуказанных опальных меликов¹⁷⁸. Аргутян просил Потемкина оказать меликам поддержку войсками, что дало бы им возможность взять власть в Карабахе в свои руки. После этого Аргутян предлагал сделать царем Карабаха внука грузинского царя Ираклия - принца Давида. Если же это будет невозможным, то Аргутян, передавая пожелание меликов, просил князя Потемкина дать возможность меликам поселиться со своими подданными на берегу Каспийского моря в районе Дербента с сохранением всех дворянских привилегий¹⁷⁹.

Однако требования меликов не были удовлетворены. Вскоре опальные мелики Межлум и Абов перессорились и отделились друг от друга. Мелик Абов перешел в Грузию и получил от царя Ираклия во владение земли в Болниси, а мелик Межлум остался в пределах Гянджинского ханства и продолжал вылазки против Карабахского ханства. Судьба меликов, действительно, сложилась трагически. Но столь трагически могла бы сложиться и судьба Ка-

рабаха в случае, если бы центробежные тенденции, основными проводниками которых и выступали эти мелики, взяли бы вверх. Не только судьба Арцаха, но и перспективы воссоздания единого армянского государства могли бы принять трагический оборот. Что же было более предпочтительным? Было ли оправданным вовлечение в непредсказуемую игру со многими неизвестными, или же целесообразнее было дожидаться такого момента, когда перспективы воссоздания единой армянской государственности стали бы необратимыми? Не оправдано ли насилие над некоторыми людьми во благо целого народа? Бросая ретроспективный взгляд, становится понятно, что центристские тенденции были несравненно более предпочтительными для национальных интересов Карабаха. Таким образом, и данный виток борьбы между центристскими и центробежными силами закончился полной победой первых. Таким образом иммунитет Карабаха оказался весьма эффективным и сумел нейтрализовать соблазн вовлечения в непредсказуемые политические игры.

5.2.3 Первое нашествие Ага-Мухаммед-шаха в Карабах

Во многом благодаря вышесказанному и восстановлению единства стало возможным противостоять нашествию правителя Персии Ага-Мухаммед-шаха. Уже к концу 1794 года Ага-Мухаммед-шах Каджару удалось установить свою власть почти над всей территорией Персидской империи. Этот правитель мечтал восстановить былое величие Сефевидской державы. Многие ханства, отколовшиеся от империи, перед столь серьезной угрозой признали верховенство Персии. Но были и те, которые не захотели терять свою независимость. В такое ответственное и сложное время инициатором создания антикаджарской коалиции выступил Карабах¹⁸⁰. Столь принципиальная позиция Карабаха была следствием того, что персидское нашествие в первую очередь представляло угрозу для армянской государственности. Если бы Ибрагим-хан обладал всей полнотой власти, то война не приняла бы столь масштабного характера, тем более, что впоследствии, как мы увидим, Ибрагим-хан все же принял сторону персов, за что и поплатился жизнью. Более того, к карабахскому хану было направлено шахское посольство, которое он наотрез отказался принять¹⁸¹.

В 1795 году персидский шах предпринял попытку восстановления в Закавказье персидского владычества и вторгся в пределы региона с огромной армией. Сам шах возглавил удар по Карабаху, подойдя со своей 100-тысячной армией к столице Шуши. Персидские войска состояли из отборных частей, а иранскими воинами командовали французские офицеры¹⁸². К захватчикам присоединяется и мелик Межлум, который надеялся после смещения Ибрагим-хана стать правителем Карабаха.

Во избежание ночного налета войск Карабаха, войска шаха соорудили вокруг своего лагеря весьма крепкие башни. Перед лицом столь серьезной опасности в самом Карабахе была объявлена народная война, на которую поднялось все население¹⁸³. Только таким образом можно было одолеть и изгнать персов из Карабаха. Ключевую роль в обороне Шуши сыграли армянские войска, особенно ополчение. Количество войска внутри шушинской крепости составляло около 15 тыс. человек, из коих 3 тыс. были наемными лезгинами. Войска в основном состояли из армян и отчасти из тюрков. Однако кроме регулярной армии активное участие в борьбе с персидскими войсками принимало и народное ополчение. Из соседних с Шуши населенных пунктов 12 тыс. армянских семей укрепились в ущельях, примыкающих к городу, и начали оказывать ожесточенное сопротивление захватчикам¹⁸⁴. Это, как минимум, 40-50 тыс. людей, умеющих носить оружие.

Войска Ага-Мухаммед-шаха сильно страдали от действий карабахских войск. Особо отличился в обороне столицы дизакский мелик Абас, который в отместку за жестокость, проявленную персидским владыкой, разбил под самым его носом один из двух персидских редутов¹⁸⁵. А однажды ночью пешие воины Варанды большой группой захватили одну из башен, охранявшуюся личными стрелками Ага-Мухаммед-шаха. Перебив в течение одного часа почти всю охрану, они захватили с собой несколько оставшихся в живых стрелков и на рассвете доставили их в столицу страны. Ни днем, ни ночью карабахцы не давали покоя кысылбашским войскам. Шах три-четыре раза решался подойти вплотную к крепости, но сталкивался с ожесточенным сопротивлением и возвращался обратно¹⁸⁶. Карабахские войска также систематически отбивали транспорты противника с рисом, маслом, пшеницей и прочим товаром, практически ежедневно отгоняли иранские табуны, что лишило

Ага-Мухаммед-шаха перевозочных средств для своей армии. Для персидских войск урон был очень ощутимым, а в Карабахе в результате этого резко снизились цены. Например, по тогдашним ценам одного мула продавали за 4 рубля, верблюда – за 6 рублей, а хорошего коня – за 10 рублей¹⁸⁷.

Осада столицы Карабаха длилась больше месяца и окончилась полным провалом для войск Ага-Мухаммед-шаха и присоединившихся к нему соседних ханов. Подобный героизм карабахцы проявляли и во время национально-освободительной войны в 20-х годах того же века и в целом ряде других случаев. Понятно, что если бы армяне Карабаха, как уже неоднократно отмечалось, не воспринимали Карабахское ханство и Шуши в качестве своего собственного государства и столицы, то вряд ли они самоотверженно защищали бы резиденцию чужака. Все прекрасно понимали, что Ага-Мухаммед-шах представляет угрозу в первую очередь для Архаца.

После провала Ага-Мухаммед-шах бросил осаду Шуши и решил идти на Тифлис. Персидский шах, по словам историка Мирза-Адигезаль бека, убедился в том, что лучше уйти от половины вреда и увести войска из этого опасного и полного горя места, что в этом ключ к сокровищнице спасения¹⁸⁸. Но прежде нужно было обеспечить провиантом войско, найти перевозочные средства для обозов, пополнить убыль в людях. Джавад-хан гянджинский и Мухаммед-хасан-хан шекинский соединились с войсками Ага-Мухаммед-шаха. Они доставляли продовольствие и перевозочные средства. На сторону персидского шаха перешли также и мелики Абов и Межлум.

5.3. Второй период правления Ибрагим-хана (1796-1806)

5.3.1. Внутриполитическая ситуация в Карабахе и поход русских войск в Закавказье

Второй период правления Ибрагим-хана отличается тем, что центробежные силы, используя внутриполитические и внешнеполитические факторы, одержали верх, а Ибрагим-хан, воспользовавшись этим, начал расширять рамки своих полномочий и в конце концов сумел установить верховенство своей власти в пределах Карабахского ханства. Но данный период продлился недолго и закончился фактическим присоединением Карабахского ханства к Российской империи в 1805 году и последовавшим за этим убийством Ибра-

гим-хана в 1806 году. В указанный период присоединение Закавказья к Российской империи приняло уже необратимый характер, но мелики Архаца, к сожалению, не сумели проявить должной выдержки и терпения и дожидаться подходящего момента для задействования плана создания независимого армянского государства под протекторатом России, или же, в крайнем случае, вхождения в ее состав в качестве отдельной армянской единицы. Опыт прошлого не был учтен, и мелики слишком рано начали действовать.

Через некоторое время после взятия Тифлиса войска Ага-Мухаммед-шаха остановились на зимовку в Муганской степи. Но весной 1796 года вспыхнуло восстание в Фарсе, и шах вынужден был возвратиться в Персию. Персидский поход в Закавказье взволновал Россию, и она начала приготовления для вступления в регион. Но перед этим Россия поддержала Грузию в деле организации карательного похода против гянджинского хана¹⁸⁹, который поддерживал персов и участвовал во взятии и разорении грузинской столицы. Против Гянджи выступил и Карабах, а также дагестанские войска. Во время этих событий в Гяндже был убит мелик Межлум. Гянджинский хан Джавад покорился и послал в Шуши в качестве заложников своего сына и сестру¹⁹⁰.

Параллельно с этим к Закавказью стали стягиваться русские войска. Новый персидский поход стартовал 18 апреля 1796 года из Кизляра. Командующим русской армией был назначен генерал Валериан Зубов. 10 мая русские войска взяли Дербент, а затем двинулись к Баку и Шемахе. В это время к армии Зубова присоединился уже упонимавшийся в предыдущих разделах архиепископ Аргутян. С присущей ему энергией Аргутян начал усиленно пропагандировать необходимость освобождения армянских земель русскими войсками¹⁹¹. Тем временем, российская императрица Екатерина II обратилась с достаточно объемным обращением к народам Персии, в котором она заявляла, что поход русских войск нацелен лишь против Ага-Мухаммед-шаха, который нарушил союзнические обязательства. При этом императрица добавляла, что поход не причинит никому вреда. В то же самое время, для гарантированного успеха похода необходимо было также заручиться поддержкой христианских народов. Именно поэтому еще в самом начале данной военной кампании было заявлено, что основной целью похода является восстановление власти грузинского царя Ираклия в его владениях, достижение того, что-

бы карабахские мелики и народ Карабаха были в зависимости исключительно от России, а также переориентация в сторону России Католикоса всех армян¹⁹².

Действительно складывалось впечатление, что на этот раз Россия придет в Закавказье уже навсегда. Трудно было удержаться от соблазна начать активные встречные действия. Данный соблазн во многом усиливался благодаря действиям архиепископа Аргутяна.

Аргутян представляет генералу Зубову свой план продвижения войск в Закавказье и далее к Ардебилу и Тавризу. Особый интерес представляет та часть плана, которая касается Карабаха. Аргутян предлагал командующему русской армией потребовать от Ибрагим-хана его сына с 1000 всадниками и пятерых меликов с 5000 воинами для использования их в боевых действиях¹⁹³. Далее, согласно Аргутяну, в случае, если Ибрагим не выполнит требования русского командования, что станет доказательством его враждебности, можно будет сместить его посредством армянских меликов. При этом архиепископ отмечает, что Ибрагим не сумеет защитить неприступную шушинскую крепость ввиду того, что подавляющая часть войска состоит из армян, которые никогда не поднимут оружия против русских. Далее Аргутян предлагает использовать армянские войска, численность которых по мере продвижения русских на порядок увеличится, для взятия Атрпатакана (нынешний иранский Азербайджан – Д.Б.). Для того, чтобы все эти мероприятия имели успех, Аргутян предлагает тайно обнадежить армянских меликов относительно данных намерений.

Аргутян сумел убедить в необратимости перехода Закавказья к русским даже весьма осторожного Католикоса всех армян Гукаса, и они вместе написали письма карабахским меликам, убеждая их в том же самом. Эта переписка не осталась тайной и для Ибрагим-хана. В данном контексте произошел разговор между Ибрагимом и меликом Джумшудом, который стал правителем Варанды после смерти своего отца – мелика Шахназара в 1792 году. Кстати, смерть Шахназара стала переломным моментом во внешнеполитической доктрине Карабаха. Дело в том, что мелик Шахназар был сторонником ведения Карабахом собственного внешнеполитического курса и делал все, чтобы не допустить использования фактора Арцаха в интересах других

стран, а тем более соперничающих друг с другом великих держав.

После смерти Шахназара этот курс уже не был доминирующим для правящих армянских кругов Карабаха, и в свете нового этапа российской политики в Закавказье практически все влиятельные армянские государственные деятели Карабаха были едины в необходимости синхронизировать свои действия с действиями наступающей русской армии. Таким образом внешнеполитический курс принял однонаправленность. В Карабахе сложилась ситуация, не имевшая аналогов в прошлом. Если раньше в пределах карабахского государства борьба шла между центростремительными и центробежными силами, причем обе эти силы были армянскими, то сейчас карабахское политическое поле было разделено по этнорелигиозному признаку. Началась борьба между пришлым элементом во главе с Ибрагим-ханом и коренным элементом, во главе которого стояли армянские мелики.

В этой борьбе, учитывая количественное меньшинство пришлого элемента и его экономическую зависимость от коренного элемента, единственной возможностью Ибрагим-хана выйти победителем была помощь внешних сил. В данном контексте в первую очередь необходимо было наладить контакты с командованием наступавших русских войск. Это было очень важным направлением, ведь Ибрагим-хан прекрасно понимал, что российские власти весьма заинтересованы в установлении контактов с ним. Политика, которой придерживались на том этапе правящие армянские круги Карабаха, показала, что несмотря ни на что, армяне поддержат российские войска, т.е. контакты Ибрагима с русскими никоим образом не отразится на армяно-русских взаимоотношениях. Более того, это еще более усилит дрейф армян в сторону России. С другой стороны и русские, не опасаясь по уже указанным причинам переориентации армян, были заинтересованы в налаживании отношений с Ибрагимом для того, чтобы посредством Карабаха включить в зону своего влияния соседние ханства региона.

Ибрагим-хан отправил к командующему русской армией своего сына Абульфата и сыновей некоторых вельмож Карабаха с подарками и породистыми лошадьми, изъявив свою покорность России. Им было также написано прошение с выражением преданности российской императрице: «По преданности моей к России, прошу признать меня и город мой как бы своим, и не

оставить оный российским незащищением; а когда Шуша сохранена Вами будет, то можете обладать и вселенною... Прошу не замедлить присылкою сюда 12 тысяч войск, с которыми я приступил по нахичеванской границе к наказанию российских неприятелей»¹⁹⁴. Когда окрестные ханы узнали о том, что Ибрагим-хан направил своего сына к главнокомандующему русской армии, то ряд из них (Мир Мустафа хан талышский, Мустафа хан ширванский, Джавад хан гянджинский, а также ханы Эривана, Нахичевана, Хоя и Карадага) отправили своих посланников к Ибрагиму и заявили, что они последуют примеру карабахского хана, и если последний найдет целесообразным подчиниться Российской империи, то и они последуют этому¹⁹⁵. Естественно, что подобное развитие событий было для русских войск весьма кстати.

Что касается меликов, то в рядах русской армии находился джрабердский мелик Фридун, который приходился племянником мелику Адаму. Он поддерживал связь между наступавшей русской армией и армянскими меликами Карабаха. Население же готовилось к принятию русских. Продвижение русских войск было осложнено плохими погодными условиями, из-за чего дороги стали весьма труднопроходимыми, а провиант войск практически закончился. В данной ситуации неоценимую услугу российским частям оказал архиепископ Аргутинский, который начал рассылать разного рода письма и циркуляры армянским селениям с призывами оказывать всевозможную помощь русским войскам. Армяне с энтузиазмом откликаются на данные призывы и во многом благодаря этому русские войска сумели взять Гянджу¹⁹⁶. Генерал Зубов намеревался основать в Закавказье русские поселения. Командующий русскими войсками, в частности, хотел поселить в Джаваде (территория в районе слияния рек Куры и Аракс) 2000 своих солдат, которые должны были получить в жены армянок и грузинок¹⁹⁷.

На фоне этого Ага-Мухаммед-шах начал укреплять Гилян и Мазандран, готовясь к возможному продвижению русских в Персию. В то же время он не оставлял намерений снова напасть на Карабах. В августе 1796 года он выслал отряд, который должен был взять Шуши. Этот отряд не достиг никаких целей, разорив лишь два села¹⁹⁸. Но не только возможное новое вторжение представляло серьезную опасность для Карабаха. Не менее опасным было и то, что мусульманские народы снова начали видеть в армянах опасный

элемент, посредством которого «неверные» теснят мусульман.

Однако персидский поход генерала Зубова не был доведен до конца. 6 ноября 1796 года скончалась российская императрица Екатерина II, и ситуация кардинально изменилась. Командующий русскими войсками генерал Зубов с большими почестями отпустил сына Ибрагим-хана и карабахских вельмож обратно, а сам по приказу нового императора Павла возвратился в Россию. Россия опять начала пересматривать свою политику на Кавказе, и при новом императоре кавказское направление потеряло актуальность.

5.3.2 Второе нашествие Ага-Мухаммед-шаха в Карабах и его последствия

Уход русских войск и подавление восстания в Фарсе создали благоприятные условия для новой военной кампании персов против Закавказья, особенно против Карабаха. Ввиду ряда причин сам Карабах ослабел. Первый поход Ага-Мухаммед-шаха, несмотря на полный провал, все же нанес колоссальный ущерб Карабаху. Были уничтожены десятки населенных пунктов, погибло много людей. К этому добавились еще три засушливых и неурожайных года, которые вызвали сильный голод. Цены возросли настолько, что четверть пшеницы по тогдашним деньгам с трудом можно было купить за 45 рублей¹⁹⁹. Немало людей умерло, начался отток населения. Все это, естественно, непосредственно отразилось на обороноспособности Карабаха и сильно пошатнуло ее.

Весной 1797 года персидские войска под командованием Ага-Мухаммед-шаха перешли реку Аракс в районе Худаферина и вторглись в пределы Карабаха. Карабах, конечно же, оказывал упорное сопротивление, но на этот раз успех сопутствовал персидским войскам. Персидская армия предавала огню и мечу все, что вставало на ее пути. Слишком обозлен был Ага-Мухаммед-шах как на нанесенное ему два года назад поражение, так и на решимость армян перейти под покровительство России. Особому преследованию подвергались лидеры Карабаха. Например, по личному приказу персидского шаха был сожжен и разрушен дом мелика Варанды Джумшуда в столице меликства – Аветараноце. Шах все еще помнил активное участие Джумшуда в обороне Шуши во время своего первого нашествия²⁰⁰. Самому мелику с боль-

шими трудностями удалось избежать смерти и, покинув пределы Карабаха, он на первых порах обосновался в Грузии. Население, и без того голодавшее в течение трех последних лет, подверглось грабежу. Многие вынуждены были оставить пределы Карабаха и осели в Грузии, России, Шемахи и в других местах, в том числе и в Турции. Карабах погрузился в хаос, в стране вспыхнула эпидемия чумы.

В данном контексте особый интерес представляет политика Ибрагим-хана. Когда персидский шах вторгся в пределы Карабаха, Ибрагим-хан вместе со своими сыновьями, другими членами семьи и приближенными ушел из Карабаха, перебравшись в Джар²⁰¹ (ныне территория Закатальского, Белоканского и Кахского районов Азербайджана – Д.Б.). Такой поступок был продиктован рядом соображений. Первое, Ибрагим хан просто не мог перейти на сторону Ага-Мухаммед-шаха ввиду того, что этого не позволили бы мелики и армянское население. Он мог быть попросту убит за предательство. Да и сам персидский шах также не забыл действия Ибрагима во время своего первого нашествия на Карабах. Второе и самое главное соображение заключалось в том, что, уходя из Карабаха, Ибрагим надеялся вернуться туда уже полноправным правителем. Было очевидно, что Карабах, в первую очередь коренное оседлое армянское население, сильно пострадает от персидского нашествия, и обескровившийся и потерявший своих лидеров народ не сумеет воспрепятствовать возвращению хана и его правлению. Кочевники же, в силу специфики образа жизни и методов хозяйствования, всегда находились в движении и их привязанность к какой-либо определенной территории носила по преимуществу чисто экономический характер. Поэтому они легко ушли в другие места.

Что касается возможности вернуться, то Ибрагим-хан в данном контексте мог рассчитывать как на персов, так и на русских. После того, как посредством персидской армии армянство Арцаха будет раздавлено, можно будет попытаться наладить контакты с Ага-Мухаммед-шахом и, переложив вину за сопротивление во время персидского нашествия 1795 года на армян, снять с себя ответственность и попросить персидского шаха разрешить ему вернуться. В случае несрабатывания данного сценария Ибрагим-хан мог рассчитывать на русских, дожидаясь их нового похода в Закавказье. Тем более, что во

время персидского похода генерала Зубова Ибрагим-хан уже выразил преданность России и ее императрице²⁰². Таким образом, расчет карабахского хана был весьма простым и в то же самое время практически беспронгрышным с политической точки зрения.

Дальнейший ход событий сложился для Ибрагим-хана более чем удачно. Вскоре после вступления в Шуши персидский шах был убит своими же придворными. Данное событие дало возможность Ибрагиму вернуться в Карабах. Причем сделать это он должен был весьма оперативно, чтобы помешать и даже не допустить возвращения на родину меликов. Новым правителем Персии стал Фатали-шах, который приходился племянником убитому в Шуши Ага-Мухаммед-шаху. По возвращении в Карабах в качестве первоочередного шага Ибрагим-хан решил установить дружеские отношения с новым правителем Персии. Тело убитого Ага-Мухаммед-шаха с большими почестями было отправлено в Персию. Взамен этого Фатали-шах отправил Ибрагим-хану халат и саблю, передал в его распоряжение соседний Карадаг со всеми его доходами и высказал желание породниться с ним, для чего просил дочь Ибрагим-хана Ага-бегим-агу в качестве госпожи своего гарема.

Это предложение было принято, и шах отправил знатных ханов с ценными подарками за невестой, торжественно заключил брак с дочерью карабахского хана, сделав ее своей почетной супругой и главою собственного гарема. Это было весьма важным достижением для Ибрагим-хана, особенно с учетом той роли, которую играл царский гарем в истории государств Востока. Сын Ибрагим-хана Абульфат был отправлен в качестве аманата (заложника – Д.Б.) шаху, который считал его одним из своих знатных эмиров²⁰³. Кроме того в качестве знака внимания Фатали-шах периодически посылал ценные подарки Ибрагим-хану. Таким образом, уже в конце 1796 года Ибрагим-хан стал полновластным правителем Карабаха. Коренной армянский элемент, хотя и уступил власть хану, все же оставался весьма влиятельным. Мелики продолжали управлять своими меликствами и имели свои вооруженные силы²⁰⁴. Джрабердом управлял мелик Ростом, Дизакон - мелик Аббас, Хаченом - мелик Аллаверди. Тем не менее, инициатива уже была в руках хана.

5.3.3 Дипломатические усилия меликов Карабаха на чужбине

Тем временем мелики, покинувшие пределы Карабаха, направились вместе с архиепископом Аргутяном в Россию. В 1797 году они были уже в Астрахани. Там они пробыли достаточно долго и лишь в начале 1799 года направились в Петербург. Вместе с меликами в Петербург отправился также и один из подданных врандийского мелика Джумшуда – юноша по имени Арустам Мадатов, который затем стал знаменитым русским полководцем Валерианом Григорьевичем Мадатовым, отличившимся в Отечественной войне 1812 года, в боевых действиях против горцев Кавказа и персов²⁰⁵. Мелики представили российскому императору слезное прошение следующего содержания:²⁰⁶

1. Принять под российское покровительство Карабах, законными владельцами которого предстают мелики, и отстранить там от власти Ибрагима.

2. Если по тем или иным причинам это будет неприемлемым, то оказать военную помощь Карабаху и предоставить меликам 12 тыс. солдат, чтобы те сумели вывести из Карабаха своих подданных, а также армян из Ширвана и Шеки, общей численностью в 20 тыс. семей, которые дали согласие на переселение архиепископу Аргутяну. В качестве нового места жительства предоставить земли в районе Екатеринограда (нынешний Краснодар). Эти меры позволят в дальнейшем увеличить армянское население здесь и создать Малую Армению в пределах России.

3. Если и эти два предложения будут неприемлемы, то хотя бы отдать распоряжение грузинскому царю о предоставлении находящихся под его контролем пустующих земель, которые раньше назывались Гугарком, а теперь Казахом, в состав которого входит и Лори, армянским меликам для обоснования там со своими подданными. Взамен мелики и их подданные будут верны грузинскому царю и оказывать ему всяческую помощь.

Это письмо было подготовлено непосредственно архиепископом Аргутяном и, читая его, понимаешь в каком состоянии оказались владыки Карабаха, не сумевшие еще немного подождать и найти наиболее удобный случай для активных действий по воссозданию армянской государственности, ядром которой выступал бы Карабах. Мелики, реально контролировавшие власть в Карабахе и к тому же имевшие весьма удобное прикрытие в лице номиналь-

но правившего хана, поверили людям, подобным Аргутяну, и просили чужих руководителей о предоставлении им убежища, клянясь в верности и готовности защищать границы чужой страны. Это было настоящей трагедией и лишней раз показывало правоту и безальтернативность той доктрины, которая была выработана еще в самом начале создания Карабахского ханства и которая уже детально анализировалась в данной работе.

Понятно, что Россия была заинтересована в притоке трудолюбивого христианского населения на Северный Кавказ. Однако уже в конце XVIII - начале XIX веков правящие российские круги опять начали всерьез рассматривать идею присоединения Закавказья. Поэтому они были заинтересованы в присутствии в регионе многочисленного христианского элемента, в частности, показавших свою преданность России армян Карабаха, которых можно было бы использовать для укрепления своих позиций в регионе. В этот период Россия фактически уже инкорпорировала в свой состав Грузию, и после смерти царя Ираклия в январе 1798 года в Тифлис был отправлен русский полк вместе с послом Коваленским, который фактически и стал править этой страной. Данное обстоятельство было чревато осложнением ситуации в регионе и возможной негативной реакцией со стороны Османской империи и Персии. Ввиду этого усиление Грузии становилось весьма актуальным. В данном контексте российские правящие круги нашли целесообразным удовлетворить требования карабахских меликов и поселить их и их подданных в Грузии. 2 июня 1799 года соответствующая грамота императора Павла I была послана новому грузинскому царю Георгию XII²⁰⁷.

Грузинский царь выполнил поручение российского императора. Мелик Фрейдун получил во владение часть Борчалу, мелик Джумшуд – почти весь Лори, мелик Абов продолжал владеть Болнисом. Казалось, в пределах Грузии также возникают меликства Хамсы. Однако этого не случилось по ряду объективных и субъективных причин. Самым главным было то, что в подвластные Грузии земли из Карабаха перебралось ничтожное количество людей. Мелики Джумшуд и Фрейдун имели лишь по сто семей подданных и вели весьма бедный образ жизни²⁰⁸. Народ попросту не захотел покидать свою родину и проявил таким образом высокую самосознательность. Мелики не сумели вывести в свои новые владения даже карабахских беженцев, осевших

в Шеки и Ширване²⁰⁹. Кроме того, были и определенные правовые проблемы, связанные с владениями меликов. Дело в том, что еще до того, как грузинские власти передали Лори мелик Джумшуду, эта же область была передана ими во владение уже упомянутого Шаамиряна. Было поставлено условие, что варадийский мелик будет владеть Лори²¹⁰ до тех пор, пока права на данную область не предъявит кто-либо из рода Шаамирян. Интересно, но изначально Джумшуд должен был получить во владение Казах, однако 29 февраля 1800 года по указу грузинского царя Георгия XII вместо этого ему был передан Лори. Не исключено, что это было сделано специально для поддержания мелика Джумшуда в подвешенном и зависимом от грузинского двора состоянии. В отличие от Джумшуда и Фрейдуна, мелик Абов хорошо устроился на новом месте. Его войско было наиболее боеспособным во всей Грузии²¹¹ и являлось одним из ключевых компонентов безопасности этой страны. Мелик Абов совершал походы даже в Османскую империю. В Грузии мелик Абов был назначен караван-баши и в его компетенцию входило обеспечение безопасности караванных путей в этой стране²¹². Таким образом, лишь мелик Абов обрел в Грузии вторую родину, остальные два мелика сделать этого не сумели.

Тем не менее мелики, покинувшие пределы Карабаха, все еще считались весьма важным фактором, который старались использовать главные силы в регионе. Не случайно, что еще в самом начале 1799 года шах Персии Фатали послал на имя меликов Джумшуда и Фрейдуна письмо, в котором предлагал владельцу Варанды вернуться в обратном и обещал ему высочайшее покровительство²¹³. Получив данное письмо, мелик Джумшуд поставил в известность об этом российский двор и еще раз подтвердил свою пророссийскую ориентацию²¹⁴. Понятно, что возвращение меликов в Карабах под личное покровительство шаха означало более эффективный контроль одновременно над Ибрагим-ханом и над самими меликами. Мелики, возвратившись в Карабах, были бы благодарны шаху и таким образом стали бы ему обязаны. К тому же свои взаимоотношения с Ибрагимом мелики должны были согласовывать с шахом. Естественно, что и Ибрагим-хан попал бы в большую зависимость от шаха в случае развития ситуации по такому сценарию.

То, что мелик Джумшуд поставил в известность российский двор о

письме персидского шаха, уже означало, что предложение Фатали-шаха неприемлемо. Такой подход был оправданным: уже становилось ясно, что присоединение Закавказья к Российской империи обретает необратимый характер. Возможно, мелики надеялись, что наконец настал момент воссоздания армянской государственности при помощи России и любого рода отношения с персидским двором могли повредить данной перспективе. Однако после того, как в 1801 году Грузия была официально присоединена к России, стало ясно, что надежды на воссоздание армянской государственности под российским протекторатом призрачны и что Россия заинтересована в присоединении армянских земель, в том числе и Карабаха. Однако даже это было намного более приемлемым, чем существование в пределах Персии, тем более, что персидский шах и карабахский хан, как уже отмечалось выше, породнились друг с другом. В данном контексте стало также ясно, что и русские для укрепления своих позиций в Карабахском ханстве заинтересованы в эффективных внутренних рычагах давления на Ибрагим-хана, наиболее действенным из которых, конечно же, были армянские мелики. В апреле 1797 года по распоряжению императора Павла I меликам Джумшуду и Фрейдуну была назначена ежегодная персональная пенсия в размере 1400 и 1000 рублей соответственно²¹⁵. Меликам же попросту оставалось ждать подходящего момента для возвращения на родину.

5.3.4. Военная кампания русских в Закавказье и присоединение Карабаха к России

События между тем развивались достаточно динамично. В начале 1803 года началась военная кампания русских войск в Восточном Закавказье. Главнокомандующий русскими войсками граф Цицианов один из своих первых ударов направил на Джар, который стоял на пути продвижения русских вглубь региона. В начале апреля 1803 г. Джаро-Белоканская область была разорена, а Белоканы сожжены. Затем русские войска направились к Гяндже. Карабахский хан Ибрагим понимал, что после взятия Гянджи русская армия может повернуть на Карабах. Поэтому он помирился с Джавад-ханом гянджинским и даже послал ему в помощь две пушки²¹⁶. Но в начале января 1804 года граф Цицианов взял Гянджу и оттуда отправил письмо Ибрагим-хану с

предложением признать верховенство России. Карабахский хан это предложение принял. Данное письмо было написано в достаточно жесткой манере. Вот что писал Цицианов Ибрагим-хану: «Я знаю, что доколе я под Ганджею стоял, вы дрожали как лист на древе и так бы не отвечали; я знаю, что до прихода моего под Ганджу как трусливый заяц и лстивая лисица не смели вы в сем слоге говорить, как теперь, считая меня в отдалении. Верьте мне, что и Ганджинского войска довольно, чтобы вас сокрушить; верьте мне, что неприступность вашей крепости для русских будет легка; увидите то на деле в свое время, – так и Джевад-хан говорил, пока не укусил земли. Я слово свое держать умею. Слыхано ли на свете, чтобы муха с орлом переговоры вела? Сильному свойственно приказывать, а слабым родился за тем, чтобы сильному повиноваться.... Призываю вас к раскаянию, а не к подданству, – мне его не надобно и буде хотите быть живы и покойны, требуемое мною в сем письме выполните»²¹⁷.

Фатали-шах был осведомлен о политике Ибрагима по отношению к России. Он отправил сына Ибрагим-хана Абульфата с пяти тысячным войском в Карабах для оказания влияния на Ибрагим-хана и изменения его политики. Абульфат-хан был обречен действовать от имени Ибрагим-хана, оставаясь при нем до конца его жизни, с тем, чтобы в Карабахе ничего не совершалось без его ведома. Такое предложение обидело Ибрагим-хана. Он написал грубый ответ Абульфат-хану и потребовал, чтобы он, не вступая в карабахскую землю, немедленно возвращался обратно. Но Абульфат проигнорировал указания отца и двинулся вглубь Карабаха. В окрестностях столицы Дизакского меликства – Туга, при активном участии армянских воинов произошла битва, в результате которой карабахцы наголову разбили персидские войска. Абульфат-хан перешел реку Аракс и удалился вглубь Персии.

После этого Фатали-шах начал переговоры с Ибрагим-ханом и пошел на ряд существенных уступок ему с целью предотвращения перехода Карабаха под российский протекторат. В послании персидского шаха хану Карабаха говорилось, что весь Карадаг со всеми его доходами отныне передается в центральную казну, в вечное пользование Ибрагим-хану²¹⁸ и его потомкам. Вдобавок к этому шах обязался отправить двоих своих детей в Шуши в качестве заложников Ибрагим-хану. За это персидский шах предлагал разместить в

Аскеранской крепости иранские войска, а также взять под контроль участки реки Каркар неподалеку от Шушинской и Аскеранской крепостей с тем, чтобы закрыть возможный проход русских войск к Шуши. Один из сардаров с двумя-тремя тысячами всадников должен находиться в Шахбулаге (недалеко от развалин Тигранакерта, около г.Агдам – Д.Б.). При этом все должны были подчиняться распоряжениям Ибрагим-хана и ни в чем не перечить ему. Все расходы персидских войск предусматривалось оплачивать из казны шаха, и никто не должен был зариться даже на самую ничтожную вещь в пределах Карабахского ханства, а все необходимое для войска должно было приобретаться наличными деньгами²¹⁹.

Но несмотря на эти весьма выгодные условия и то, что собственная дочь, будучи главой гарема персидского шаха, фактически представляла в качестве заложника, Ибрагим-хан предпочел союз с русскими. Но данный выбор не был результатом пророссийской ориентации карабахского хана. Просто на данный момент это было наиболее целесообразной стратегией. Если присоединение Закавказья к России действительно имело необратимый характер, то действия Ибрагим-хана были бы соответствующим образом оценены российским двором. Кроме того, данная политика давала Ибрагим-хану возможность получить со стороны российского двора гарантии своего положения по отношению к меликам, которые, с учетом их пророссийской ориентации, стремились сместить хана с занимаемого поста. Он достаточно хорошо понимал, что для России имеет второстепенное значение, кто именно находится во главе Карабаха, по крайней мере на данном этапе. Гораздо более важным представляло стратегическое положение Карабаха. В одном из официальных документов того времени об этом сказано следующее: «Польза, от сего приобретения происходящая, для России состоит: 1) в том, что Карабаг по своему местоположению может быть почитаем воротами в Персию, а потому и будет держать их в страхе; 2) Карабагом сближается Грузия с г. Баку, предположенным к занятию сей осенью²²⁰». Естественно, что стратегическая важность Карабаха создавала весьма широкий спектр маневра для Ибрагим-хана. В случае же изменения ситуации он мог бы оправдаться перед персидским двором тем, что пророссийские действия были лишь тактическим отвлекающим маневром.

1 мая 1805 года Ибрагим-хан вместе с сыновьями и в сопровождении свиты прибыл к главнокомандующему русскими войсками Цицианову, в расположение его лагеря на реке Курек, находившемся в 3 милях от г.Гянджа. Был заключен договор о вступлении Карабаха в подданство Российской империи. Договор состоял из следующих основных положений или обязательств карабахского хана перед Россией²²¹:

1. Ибрагим-хан Шушинский и Карабахский отказывается навсегда от всякого вассальства и зависимости от Персии или иной державы и признает над собою одну только власть русского императора;

2. Хан обязывается не иметь никаких сношений с окрестными владельцами. Полученные от них письма с более важным содержанием хан обязывается отсылать на разрешение главнокомандующего, а о письмах с менее важным содержанием сообщать и советоваться о том, что с ними делать с уполномоченным представителем главноуправляющего в Грузии;

3. Обязательство заготавливать провиант для русских войск, находящихся во владениях хана, по ценам, утвержденным главнокомандующим;

4. Обязательство предоставить русским войскам помещения и дрова;

5. Обязательство сделать дорогу из Елизаветполя в Шуши удобною и годною для проезда обозов;

6. В залог верности дать в заложники внука от старшего сына на постоянное пребывание его в Тифлисе;

7. Платить ежегодно дань в 8 тыс. червонцев, внося его в два срока: 1 февраля и 1 сентября²²².

Взамен этого ему было обещано следующее:

1. Сохранение целостности его владений, потомственное, по старшинству колена, владение ханством с утверждением российского императора; сохранение во власти хана суда, расправы и доходов с владения.

2. Отправление в шушинскую крепость 500 человек русских войск с артиллерией для защиты владений хана.

3. Дарование знамени с русским гербом, а внуку, находящемуся в заложниках в Тифлисе, назначается жалование в 10 рублей серебром в день.

Кроме этого Ибрагим-хану присвоили воинское звание генерал-лейтенанта, двум его сыновьям – генерал-майора, а одному из сыновей – полков-

ника²²³. При подписании этого договора присутствовал и мелик Джумшуд, который после этого возвратился на родину. Возвращение на родину мелика Варанды было дополнительной гарантией исполнения Ибрагим-ханом взятых на себя обязательств. Интересно, но не всем меликам российские власти разрешили возвратиться в Карабах. Например, мелик Абов также выразил желание вернуться на родину и многократно обращался к главнокомандующему русскими войсками на Кавказе графу Гудовичу, чтобы тот разрешил мелику и его подданным вернуться на родину. Однако Гудович не давал своего согласия, мотивируя это тем, что если мелик Абов и его подданные вернутся, то лезгины и местные разбойники попросту разорят окрестные селенья г.Тифлиса²²⁴. Мелик Абов так и остался в Грузии, где был предательски отравлен представителями грузинской аристократии в 1808 году²²⁵.

На основе договора о вступлении Карабаха в подданство Российской империи в пределы Карабахского ханства, в частности, в столицу Шуши, были введены русские войска. Командующим этими силами, общей численностью в 500 человек, был назначен майор Дмитрий Лисаневич. Однако Ибрагим-хан, хотя и обязался быть верным российскому двору, все же ждал подходящего момента для изменения внешнеполитической ориентации. Карабахский хан находился в постоянной переписке с персидским двором²²⁶. В начале 1806 года армия персидского престолонаследника Аббаса-Мирзы расположилась на правом берегу реки Аракс у самой границы с Карабахом. А 8 февраля 1806 года главнокомандующий русской армией на Кавказе граф Цицианов был убит в Баку. Воспользовавшись этим, Ибрагим-хан направил своего брата к Аббас-Мирзе и попросил последнего вступить в пределы Карабаха.

Аббас-Мирза с большой армией перешел Аракс и вошел в пределы Карабаха. В начале мая его армия была уже на подступах к карабахской столице, в деревне Шош. Как только персидские войска расположились в деревне, Ибрагим-хан вместе с 24 членами своей семьи попытался тайно покинуть Шуши и перейти на сторону персов. Заметив это, мелик Варанды Джумшуд поставил в известность Лисаневича, и они в сопровождении отряда численностью в 100 человек начали преследовать хана²²⁷. В ночь с 8 на 9 мая 1806 года они настигают Ибрагим-хана и убивают его²²⁸. Кстати, Дмитрий Лисане-

вич впоследствии женился на девушке из рода Шахназаровых²²⁹. Вторгшиеся же в пределы Карабаха персидские войска через некоторое время были разбиты и покинули пределы Закавказья. В разгроме персидских войск активное участие принимали карабахские мелики и народное ополчение. Особо отличился мелик Джумшуд, проявивший исключительную храбрость в битве у реки Хонашен 13 июня 1806 года, когда была разбита 20-тысячная армия Аббас-Мирзы²³⁰. Весьма отличились и джрабердские сотники Вани и Акоп Атабековы²³¹.

После изгнания персов и ликвидации Ибрагим-хана мелики Карабаха предприняли последнюю попытку создания самоуправляемого государственного образования теперь уже в пределах Российской империи. В том же 1806 году владельцы всех пяти меликств Карабаха пишут письмо российскому двору, прося привилегий, которыми пользуется Нахичевань-на-Дону, в частности, иметь собственное право, основанное на армянских традициях, судопроизводство и внутреннее самоуправление. Взамен этого мелики обязались «организовать войско и совместно с русскими войсками не щадить себя на верность русскому правительству до последней капли крови» и сверх того ежегодно платить 4000 четвертей хлеба и 4000 золота²³². Естественно, для российского двора данное предложение было неприемлемым и поэтому никакого дальнейшего развития оно не получило. Российские круги не имели ни малейшего подозрения относительно возможной антироссийской позиции в среде армян Карабаха и их лидеров. Подозрения были в отношении мусульманского элемента и его предводителей, и для того, чтобы не давать им лишних поводов для недовольства, власти империи проводили политику задобривания этого элемента. В данном контексте было решено оставить номинальные атрибуты власти в руках хана. В декабре 1806 года ханом Карабаха царским правительством был назначен сын Ибрагим-хана Мехтикули²³³. Но его власть уже носила чисто символический характер. Кстати, Мехтикули-хан в 1822 году предал Россию и перешел в Персию, откуда в 1826 году вместе с войсками уже упомянутого престолонаследника Аббаса-Мирзы вторгся в Закавказье. Эта кампания также окончилась полным провалом для персидской стороны.

Заключение

Анализ политической истории Карабахского ханства, изложенный в данной монографии, pokзывает, что в XVIII веке арцахская дипломатия поставила перед собой действительно грандиозные планы и задачи. Основным и успешно осуществленным на практике стал амбициозный план создания Карабахского ханства, где реальная власть находился в руках армянского элемента, а номинальным главой государства был представитель одного из кочевых племен. Подобная структура власти давала возможность последним осколкам армянской государственности – Арцаху и Зангезуру – объединиться в рамках единого государственного образования, которое в будущем должно было служить ядром для возрождения независимой Армении. Понятно, что такое намерение было бы воспринято весьма негативно со стороны Персидской и Османской империй, которые опасались как воссоздания армянской государственности, так и ее возможной пророссийской ориентации. В данном контексте реакция на появление армянского карабахского государства со стороны Османской империи и Персии было весьма предсказуемым. Поставив же во главе государства иноверца, правящие армянские круги добились того, чтобы это образование не воспринималось окружающими странами в качестве серьезной угрозы. Весьма важным было и то, что номинальный глава Карабахского ханства был представителем кочевого племени, у которого вместо национальной была племенная идентичность. Это обстоятельство было весьма важным, ведь в таком случае карабахский хан не идентифицировал себя с этнической точки зрения с какой-либо сопредельной великой державой.

Следующая весьма важная особенность создания структуры, в которой реальная власть находилась в руках коренного элемента, а номинальным главой выступал инородец и иноверец, заключалась в том, что это придало дополнительный стимул для консолидации армянского народа и не давало ему расслабиться.

За весь период существования Карабахского ханства нередко возникала борьба между разными армянскими силами. В классической историографии она представляется в качестве борьбы между армянскими силами и ханом. Однако подобная постановка вопроса не отражает истинного положения

дел. Эта борьба была, скорее, столкновением между центростремительными и центробежными силами. Карабахский хан же, обладая лишь номинальной властью, естественно, был вовлечен в данную борьбу на стороне центростремительных сил. Можно сказать, что центростремительные силы всегда одерживали вверх. Следует отметить, что в данной борьбе необходимо было одновременно достичь двух основных целей – справиться с центробежными тенденциями и держать в зависимом положении пришлый кочевой элемент и имеющего номинальную власть хана, который, воспользовавшись данной борьбой, мог бы расширить свои полномочия и трансформировать номинальный характер своей власти в реальный. При этом карабахцам удавалось проводить независимую внешнюю политику и держать государство в стороне от глобальных столкновений между великими державами.

Вопрос о борьбе центростремительных и центробежных сил имеет и свою эмоциональную составляющую, которая зачастую весьма затрудняет объективный анализ происходивших событий. Но если подходить к анализу ситуации и перспектив ее развития без эмоций, то станет очевидно, что для выживания последних осколков армянской государственности и воссоздания на их основе объединенного армянского государства наиболее целесообразным было поддержание и укрепление Карабахского ханства. Одно консолидированное и сильное государственное образование, которое строит и укрепляет свою самостоятельность и государственность, не надеясь на какие-то обещания извне, естественно, намного предпочтительнее нескольких маленьких и разрозненных княжеств, которые постоянно связывали свое спасение с внешними силами. Поэтому, несмотря на всю эмоциональность имевших место тогда конфликтов, в которых друг другу противостояли армянские силы, данные столкновения необходимо рассматривать с позиции абсолютной или даже относительной предпочтительности для национальных интересов. С этой точки зрения центростремительные тенденции были намного предпочтительнее. Интересы и судьба народа, несомненно, были важнее интересов и судеб конкретных людей. Тем более, что было создано и укреплялось де-факто армянское государственное образование, территория которого превышала 23 тыс. км². Причем эта территория с экономической точки зрения, особенно учитывая доминирующую роль сельского хозяйства, была практиче-

ски самодостаточной. Естественно, что такого рода образование служило наилучшим ядром для воссоздания армянской государственности, в состав которой вошли бы и другие исторические армянские территории.

Наиболее драматическим в истории существования Карабахского ханства был период правления Ибрагим-хана. Драматичность этого периода заключается в том, что в последние годы правления Ибрагим-хану удалось трансформировать свою номинальную власть в реальную. Это случилось после второго нашествия Ага-Мухаммед-шаха в 1797 году. Воспользовавшись вторжением персов и тем, что карабахские мелики во время персидской кампании генерала Зубова 1796 года открыто поддержали русских, Ибрагим-хан покинул Карабах, который из-за трехлетней засухи и последствий первого похода вышеуказанного шаха настолько ослабел, что не сумел противостоять новой агрессии. Карабах был разорен персидскими войсками, а ряд меликов вынужден был покинуть пределы родины. После убийства Ага-Мухаммед-шаха в Шуши своими же приближенными, Ибрагим-хан возвратился обратно и, используя негативное отношение персов к армянам из-за их пророссийской ориентации, сумел получить поддержку нового персидского шаха и сконцентрировать у себя в руках реальные рычаги управления государством. Мелики же Карабаха временно обосновались в Грузии и пытались заручиться поддержкой России для возвращения обратно в Карабах. Однако данная ситуация продлилась недолго. В начале 1803 года началась новая персидская кампания русских войск. В январе 1804 года Ибрагим-хан признал верховенство России, и в мае 1805 года Карабах официально вошел в состав Российской империи. В Карабах возвратился мелик Варанды Джумшуд. Однако Ибрагим-хан нарушил свои обязательства, ввиду чего и был убит русским майором Лисаневичем и меликом Джумшудом в ночь с 8 на 9 мая 1806 года. Власть сменившего Ибрагима на посту карабахского хана Мехтикули, естественно, уже носила чисто номинальный характер.

Подытоживая политическую историю Карабахского ханства, можно сказать, что в целом создание данного государственного образования оправдало себя. Вплоть до 1797 года Арцах и Зангезур сумели консолидироваться в единое сильное государственное образование, дистанцироваться от борьбы великих держав, не вызывая при этом подозрения со стороны соседних мусуль-

манских государств. Одно это уже было большим достижением. К сожалению, не удалось воплотить в жизнь, если так можно выразиться, программу максимум – воссоздать армянское государство, ядром которого должен был стать именно Карабах. До 1792 года основной внешнеполитической доктриной Карабаха было ведение независимой и сбалансированной внешней политики и недопущение использования фактора Арцаха в интересах других стран, а тем более соперничающих друг с другом великих держав. После смерти мелика Шахназара эта доктрина более не соблюдалась, и внешнеполитический курс Карабаха принял одностороннюю направленность, чем и воспользовались как соседние государства, так и карабахский хан. Тем не менее, программа минимум, т.е. присоединение Карабаха к России, была осуществлена, что было намного предпочтительнее нахождения Карабаха в составе Персии.

Одним из основных вопросов, который не может не возникнуть в контексте данной работы, это вопрос о том, кому конкретно принадлежит авторство плана создания Карабахского ханства. Понятно, что в целях соблюдения секретности делалось все возможное, чтобы тщательно законспирировать это. Тем не менее, можно со всей уверенностью утверждать, что такое решение принималось коллективно, причем в нем участвовал достаточно узкий и преданный идеалам родины круг, состоящий из меликов и духовенства. Ясно, что одним из них выступал мелик Шахназар, на которого был возложен непосредственный контроль над карабахским ханом. В любом случае абсолютно ясно, что разработать и осуществить подобный план в состоянии лишь народ, имеющий тысячелетнюю историю государственности и глубоко укоренившееся государственное мышление.

Список использованных источников

Источники на армянском языке

Աբրահամյան Ս., Էջ Անդրկովկասի ժողովուրդների և հայ-ռուսական հարաբերությունների պատմությունից, Երևան, 1953 (Абрамян М., Страница из истории взаимоотношений закавказских народов и армян с русскими, Ереван, 1953)

ժամանակագրություն Պետրոս դի Սարգիս Գիլանեցի, Կրունկ Հայոց աշխարհ անսագիր, 1863, (Хронология Петроса ди Саргис Гиланеши, журнал Крунк Айюц Ашхари, 1863).

Լալայան Ե., Փանծակի գավառ, Ազգագրական հանդես, N1, 1899 (Лалаян Е., Гандзакский край, Этнографический вестник, N1, 1899).

Լեո, Երկերի ժողովածու տասը հատորով, Հայոց պատմություն, հ.3, մաս 2, հ.4, Երևան, Հայաստան, 1973, 1984 (Лео, История Армении, собрание сочинений в десяти томах, т. III, книга IV, т. IV, Ереван, Айастан, 1973, 1984).

Լեո, Պատմություն Ղարաբաղի հայոց բեմական հոգևոր դպրոցի, Թիֆլիս, 1914 (Лео, История армянской духовной школы Карабахской епархии, Тифлис, 1914).

Հարությունյան Ս., Հովհաննիսյան Լ., Արցախի 18-րդ դարավերջի և 19-րդ դարի երնրանդաքական պատմության մի քանի հիմնահարցերի մասին ըստ օտար աղբյուրների, Պատմագիտական ուսումնասիրություններ, հոդվածների ժողովածու, Սաս առաջին, Արցախի պետիանալսարանի հրատարակչություն, Ստեփանակերտ, 2003. (Арутюнян А., Оганесян Л., Ряд вопросов этнополитической истории Арцаха конца 18 и 19 веков по данным неармянских источников. Сборник статей по историографическим исследованиям, ч. I, Издательство Арцахского госуниверситета, Степанакерт 2003).

Հովհաննիսյան Ա., Պետրոս դի Սարգիս Գիլանեցի, Վաղարշապատ, 1916 (Оганесян А., Петрос ди Саргис Гиланеши, Вагаршапат, 1916).

Մելիքսետ-բեկ Լ., Վրաց աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, հատոր 9, Երևան, 1955 (Меликсет-бек Л., Грузинские источники об Армении и армянах, т.3, Ереван, 1955).

Միրզա Յուսուֆ Ներսեսուլ, Ճշմարտացի պատմություն, 77, զԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ, Երևան, 2000 (Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, Институт востоковедения НАН РА, Ереван, 2000).

Նոր սետրակ, որ կոչվում է հորդրակ, թարգմանությունը գրաբար բնագրից և ծանոթագրությունները Պ.Խաչատրյանի, Երևան, 1991 (Новая тетрадь, под названием наставления, перевод подлинника с грабара и примечания П.Хачатряна, Ереван, 1991).

Չորանյան Պ., Հայ-ռուս-վրացական փոխհարաբերությունները ժԸ դարի երկրորդ կեսին, Սայր Աթոռ Ս.Էջմիածնի հրատարակչություն, Էջմիածին, 2006 (Чобанян П., Армяно-русско-грузинские отношения во второй половине XVIII века, издательство Первопрестольного Св.)

миадзина, Эчмиадзин, 2006:

Չորհանգիլի Պ., Շոշ և Քարաղուրիս սղծախնեղի նոյնացման հարցի շուրջ, ՊԲՀ, N1-2, 1994 (Чобанян П., К вопросу отождествления Шошского и Караглухского сгнаков. Историко-филологический журнал, N1-2, 1994).

Պայքար, Բուստան, 1960 (Борьба, Бостон, 1960):

Источники на русском языке

Абдуллаев Г., Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией, издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1965.

Абдул-Латиф-Эфенди, История шекинских ханов. Текст и перевод, перевод с тюркского А. Дадашева, Баку, 1926.

Алекперов А., Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1960.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), т. I, II, т. III, Тифлис, 1866, 1869.

Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII век. сборник документов. т. III. Ереван, 1978.

Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, сборник документов под редакцией А. Иоаннисяна, т. II, ч. I, Ереван, 1964

Армяно-русские отношения в XVIII веке, сборник документов, издательство Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1990.

Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, Шуши, 1901.

Бакиханов Абас-Кули-Ага, Гюлистан-Ирам, Издание Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1926.

Бартольд В., Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925.

Брикнер А., История Екатерины Второй, т. II, СПб., 1885.

Бутков П., Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. ч. I, II, III, СПб., 1869

Валишевский К., Вокруг трона, Москва, 1910.

Грамоты и другие исторические документы, относящиеся к Грузии, часть I, СПб., 1891.

Документ N2523 из архива Института востоковедения Российской академии наук

Дубровин Н., Война и владычество русских на Кавказе, том I, книга II, СПб., 1871 том III, СПб. 1886.

Дубровин, Н., В. Г. Мадатов, Русский мир, N297, 1872.

Есан Каталикос, Краткая история страны Агван, перевод Т.И. Тер-Григорьяна, Эривань. 1868.

Жигарев С., Русская политика в восточном вопросе, т. I, Москва, 1898.

Жизнь генерал-лейтенанта Мадатова, СПб., 1874.

Известия А.Н. Армянской ССР, N12, 1951.

Иоаннисян А., Иосиф Эмин, Ереван, 1945.

Иоаннисян А., Иосиф Эмин, Издательство АН Армянской ССР, Ереван, 1989.

Иоаннисян А., Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947.

История Азербайджана, том I, под редакцией И.А. Гусейнова, А.С. Сумбат-заде, А.Н. Гулиева, Е.А. Токаржевского, издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку 1958.

История Европы, т. 5, «От французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны», Москва, «Наука», 2000.

История человечества, под общей редакцией Г. Гельмольта, том V, Юго-Восточная и Восточная Европа, С-Петербург, типо-литография книгоиздательского товарищества «Просвещение», 1905

Кавказская старина, N2, 1872.

Кавказский вестник, Тифлис, N10, 1901.

Каралетян С., Памятники армянской культуры в зоне Нагорного Карабаха. Ереван, «Гитутюн», 2000.

Кишмишев С., Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти, Тифлис, 1889.

Князь В. Г. Мадатов, Русская старина, N1, 1873.

Левиатов В., Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке, Издательство А.Н. Азербайджан-

ской ССР, Баку, 1948.

Маркова О., Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке, Москва, 1966.

Мелик-Шахназаров А., «О заблуждениях по поводу Мелик-Шахназара», Karabakh Open, <http://www.karabakhopen.com/src/index.php?lang=ru&nid=1121&id=2>, 8 июля 2006.

Мирза Адигезаль бек, Карабаг-наме, Баку, 1950.

Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, Баку, 1959.

Мустафаев Дж., Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII - начало XIX вв.). Баку, 1989.

Нерсисян М., А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах. Ереван. «Айастан», 1981.

Очерки истории СССР, XVIII век. Первая четверть, Москва, 1954.

Пайчадзе П., Русско-грузинские отношения в 1725-1735 гг., Тбилиси, 1965.

Петрушевский А., Генералиссимус князь Суворов, т.1, СПб., 1884.

Петрушевский И., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV – начале XIX вв., Издательство Ленинградского государственного университета, Ленинград, 1949.

Писарькова Ф., Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века, Отечественные записки, №2, 2004.

Посошков И., Книга о скудности и богатстве, Москва, 1937.

Потто В., Кавказская война, т.II. Ставрополь, 1994.

Потто В., Первые добровольцы Карабага, Тифлис, 1902.

Раффи, Меликства Хамсы 1600-1827, материалы для новой армянской истории. Ереван. «Нанри», 1991.

Российский Кавказский календарь на 1917 год, Тифлис, 1916.

Саркисян М., Из истории градостроительства Шуши, Армянский Центр стратегических и национальных исследований, Ереван, 1996.

Сборник Императорского русского исторического общества (С.И.Р.И.О.), т.27, СПб., 1895.

Сборник Русского исторического общества, т.55, СПб., 1886.

Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. II, Москва, 1838.

Соловьев О., История России с древнейших времен, т.18, Москва, 1867.

Страницы из истории Грузии, Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1965.

Тагиева Ш., Национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане в 1917-1920 гг., Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1956.

Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Кабинет Петра I, отд.2, кн.63, л.748.

Цагарели А., Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб. 1891.

Эзов, Г., Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб., 1898.

Источники на других языках

Peter G. Tsouras, Warrior's Words: A Quotation Book: From Sesostris III to Schwarzkopf, 1871 B.C. to A.D. 1991 (Тзорас Питер, Слова войнов: Книга цитат от Сесостриса III 1871 г. до н.э. до Шварцкофа 1991 год н.э.) (на англ. языке), London, Cassell Arms and Armour, 1992.

Lepsius J., Der Todestag des Armenischen Volkes. (Лепсиус, Смертный день армянского народа) (на нем. языке), Potsdam, 1919, с. XV.

Ахундов Н., Карабах-наме (на азербайджанском языке), Баку, 1950.

Информация, полученная в ходе частных бесед:

Информация относительно рода Шахназаровых на основе исследованных в г.Шуши надгробных памятников, полученная во время частной беседы с известным арцахским исследователем надгробных памятников Шуши Г.Арутюняном, Степанакерт, 26 апреля 2006.

Информация относительно армянских и мусульманских надгробных плит на основе исследованных в г.Шуши надгробных памятников, полученная во время частной беседы с известным арцахским исследователем надгробных памятников Шуши, Г.Арутюняном, Степанакерт, 10 апреля 2007.

ССЫЛКИ

1. Lepsius J., *Der Todestag des Armenischen Volkes*, (Смертный день армянского народа) (на нем. языке), Potsdam, 1919, с. XV.
2. См., Тагиева Ш., Национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане в 1917-1920 гг., Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1956, с. 27.
3. См., например, Алекперов А., Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1960, с. 71.
4. Под Хамсой (от арабского – «пять») понимали следующие пять меликств Архаца: Гюлистан, Джраберд, Хачен, Варанда и Дизак.
5. Չարուբրյան Ս., Հովհաննիսյան Լ., Արցախի 18-րդ դարավերջի և 19-րդ դարի էթնոքաղաքական պատմության մի քանի հիմնահարցերի մասին ըստ օտար աղբյուրների, Պատմագիտական ուսումնասիրություններ, հոդվածների ժողովածու, Սասնաշիրհ, Արցախի պետական լայնարանի հրատարակչություն, Ստեփանակերտ, 2003. (Арутюнян А., Оганесян Л., Ряд вопросов этнополитической истории Арцаха конца 18 и 19 веков по данным неармянских источников. Сборник статей по историко-географическим исследованиям, ч. I, Издательство Арцахского государственного университета, Степанакерт 2003, с. 29, 35.
6. Из частной беседы с известным арцахским исследователем надгробных памятников Шуши Г. Арутюняном, Степанакерт, 26 апреля 2006г.
7. Мелик-Шахназаров А., «О заблуждениях по поводу Мелик-Шахназара», Karabakh Open, <http://www.karabakhopen.com/src/index.php?lang=ru&id=1121&id=2>, 8 июля 2006.
8. Подробнее см., Ахундов Н., Карабах-наме (на азербайджанском языке), Баку, 1950.
9. Иоаннисян А., Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947, с. 16.
10. Из частной беседы с известным арцахским исследователем надгробных памятников Шуши Г. Арутюняном, Степанакерт, 26 апреля 2006.
11. См. документ N2523 из архива Института востоковедения Российской академии наук.
12. Там же.
13. См., например, Раффи, Меликства Хамсы 1600-1827, материалы для новой армянской истории, Ереван, «Наири», 1991, с. 48.
14. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г.г., Шуши, 1901, с. 5, 6.
15. Լեո, Երկրի ժողովածու տարբեր հատորով, Հայոց պատմություն, հ.3, մաս 2, Երևան, Հայաստան, 1973, էջ 24 (Лео, История Армении, собрание сочинений в десяти томах, т. III, книга IV, Ереван, Айастан, 1973, с. 24).
16. Эзов, Г., Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб., 1898, с. 333.
17. Ժամանակագրություն Պետրոսի դի Արագիսի իլանեցի, Կոուկի Հայոց աշխարհի անագիր, 1863, էջ 209 (Хронология Петроса ди Саргис Гиланеци, журнал Крунк Аиоц Анхари, 1863, с. 209).
18. Լալաշյան Ե., անձալի գալաթ, Ազգագրական հանդես, N1, 1899, էջ. 252, 253 (Лалаян Е., Гандзакский край, Этнографический вестник, N1, 1899, с. 252, 253).
19. Лео, указ соч. т. III, книга IV, с. 27.
20. Там же, с. 18.
21. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по

- 1805 годы, указ соч., с. 4, 5.
22. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, Баку, 1959, с. 66.
23. Там же.
24. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ соч., с. 5, 6.
25. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ соч., с. 66.
26. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ соч., с. 5, 6; Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ соч., с. 67.
27. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ соч., с. 6, 7.
28. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ соч., с. 67.
29. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ соч., с. 9.
30. Для получения более наглядной картины см. карту «Азербайджан в середине XVIII века (образование ханств)», Абдуллаев Г., Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией, издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1965.
31. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с. 53.
32. Левиатов В., Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке, Издательство А.Н. Азербайджанской ССР, Баку, 1948, с. 76.
33. Подробнее см. Эзов, указ соч., с. XIII-XVIII.
34. См. Алекперов А., Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1960, с. 97.
35. История человечества, под общей редакцией Г. Гельмольта, том I: Юго-Восточная и Восточная Европа, С-Петербург, типо-литография книгоиздательского товарищества «Просвещение», 1905, с. 566.
36. См. Дубровин Н., Война и владычество русских на Кавказе, СПб., 1871, том I, книга II, с. 235.
37. Жигарев С., Русская политика в восточном вопросе, Москва, 1898, т. I, с. 102.
38. Хронология Петроса ди Саргис Гиланеци, указ соч., с. 196.
39. Саловьев О., История России с древнейших времен, т. 18, Москва, 1867, с. 691, 700.
40. См., например, Бартальд В., Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, с. 115.
41. См., например, Алекперов А., Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, указ соч., с. 99.
42. См., Страницы из истории Грузии, Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1965, с. 49.
43. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с. 144.
44. Там же, с. 161.
45. Очерки истории СССР, XVIII век. Первая четверть, Москва, 1954, с. 606.
46. Сборник Русского исторического общества, т. 55, СПб., 1886, с. 126.
47. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с. 151.
48. Саловьев О., История России с древнейших времен, указ соч., т. 18, с. 73.
49. Эзов, Г., Сношения Петра Великого с армянским народом, указ соч., с. 420-421; История Азербайджана, том I, под редакцией И.А. Гусейнова, А.С. Сумбат-заде, А.Н. Гүлєва, Е.А. Токаржевского, издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку 1958, с. 307, 311, 312.

50. Алекперов А., Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, указ. соч., с.99.
51. Там же.
52. Эзов, Г., Сношения Петра Великого с армянским народом, указ. соч., с. 334.
53. Там же, с. 393, 394.
54. Соловьев О., История России с древнейших времен, указ. соч., т.18, с.74.
55. См. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), т. VI, док. 876, Тифлис, 1870.
56. Эзов, Г., Сношения Петра Великого с армянским народом, указ. соч., с. 430.
57. Там же, с. 459.
58. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 472.
59. История Азербайджана, указ. соч. том 1, с. 311.
60. Эзов Г., указ. соч., с. 415.
61. Есаи Каталикос, Краткая история страны Агван, перевод Т.И. Тер-Григорьяна, Эривань, 1868, с. 26.
62. Алекперов А., Исследования по археологии и этнографии Азербайджана, указ. соч., с. 101.
63. Эзов Г., Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб. 1998, с. 388, 389.
64. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Кабинет Петра I, отд. 2, кн. 63, л. 748.
65. Пайчадзе П., Русско-грузинские отношения в 1725-1735 гг., Тбилиси, 1965, с. 56.
66. Расшифровка тайного письменного доклада В. Левашова, адресованное царскому двору, Абрамян А., Договоры о взаимопомощи между армянами и азербайджанцами, Известия А.Н. Армянской ССР, 1951, N12, с. 60.
67. Лео, указ. соч., т. 3 кн. IV, с. 162.
68. См., Российский Кавказский календарь на 1917 год, Тифлис, 1916, с. 48, 49, 190-197.
69. Карапетян С., Памятники армянской культуры в зоне Нагорного Карабаха, Ереван. «Гитутюн», 2000, с. 12.
70. См. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 176.
71. Там же, с. 175.
72. Посошков И., Книга о скудости и богатстве, М., 1937, с. 221.
73. См., например, Писарькова Ф., Чиновник на службе в конце XVII—середине XIX века, Отечественные записки, N2, 2004.
74. Лео, указ. соч., т. III кн. IV, с. 176.
75. Там же.
76. Չոլիհանճիւյան Ա., Պետրոս դի Սարգիս Կիլանեցի, Վաղարշապատ, 1916, էջ 13 (Оганесян А., Петрос ди Саргис Гиланец, Вагаршапат, 1916, с. 13).
77. Хронология Петроса ди Саргис Гиланец, указ. соч., с. 210.
78. Оганесян А., Петрос ди Саргис Гиланец, указ. соч., с. 13.
79. Подробнее см., например, Петрушевский А., Генералиссимус князь Суворов. т. I, СПб., 1884.
80. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 221.
81. Бакиханов, указ. соч., с. 127.
82. История Азербайджана, указ. соч., том 1, с. 267.
83. Петрушевский И., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV—начале XIX вв., Издательство Ленинградского государственного университета, Ленинград, 1949, с. 96.

84. Петрушевский И., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV—начале XIX вв., указ. соч., с. 136.
85. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 264.
86. История Европы, т. 5, «От французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны», Москва, «Наука», 2000, с. 49.
87. Раффи, Меликства Хамсы, указ. соч., с. 48.
88. См., в частности, Кавказский вестник, Тифлис, 1901, N10, с. 27, Иоаннисян А., Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947, сс. 190-191, Иоаннисян А., Иосиф Эмин, Ереван, 1945, с. 269-274.
89. См. Мирза Адигезаль бек, Карабаг-наме, Баку, 1950, с. 52.
90. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с. 71.
91. См. Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII век, Сборник документов, т. III, Ереван, 1978, с. 245.
92. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с. 71.
93. Петрушевский И., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV—начале XIX вв., указ. соч., с. 135.
94. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с. 68.
95. Бакиханов, указ. соч., с. 127.
96. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с. 69.
97. Алекперов, указ. соч., с. 93.
98. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ. соч., с. 14-15.
99. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 265; Միրզա Յուսուֆ Ներսիսյոյ, Եջմարտացի ւշիկները, ԳԳ, ՍՍ Արևելագիտության ինստիտուտ, Երևան, 2000, էջ 48 (Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, Институт востоковедения ИАН РА, Ереван, 2000, с. 48).
100. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с. 68.
101. Там же, с. 69-70.
102. Там же, с. 73, 74.
103. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 265, 267.
104. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с. 72.
105. См., например, Эзов, указ. соч., с. 429; Цагарели А., Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, СПб. 1891, т. I, с. 434-435; Արրահանյան Ս., Էջ Անդրկովկասի ժողովրդների և հայ-ռուսական հարաբերությունների ւշիկները, Երևան, 1953, էջ 121 (Абрамян М., Страница из истории взаимоотношений закавказских народов и армян с русскими, Ереван, 1953, с. 121); Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, сборник документов под редакцией А. Иоаннисяна, т. II, ч. I, Ереван, 1964, с. XLI-XLII; Հրանյան Պ., Շոշ և Քարազուլիս սղնախների նույնացման հարցի շուրջ, ՊԲԳ, N1-2, 1994, էջ 183-187 (Чобанян П., К вопросу отождествления Шошского и Каразлухского сзнаков, Историко-филологический журнал, N1-2, 1994, с. 183-187).
106. Из частной беседы с известным арцахским исследователем надгробных памятников Шуши Г. Арутюняном, Степанакерт, 26 апреля 2006.
107. Ахмед Бек Джеваншир, указ. соч., с. 15.
108. Эзов, указ. соч., с. 429.
109. Լեո, Պատմություն Ղարաբաղի հայոց բնակական հոգևոր դպրոցի, Թիֆլիս, 1914, էջ

- 60 (Лео, История армянской духовной школы Карабахской епархии, Тифлис, 1914, с.60).
110. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с.73.
111. Там же, с.74.
112. Саркисян М., Из истории градостроительства Шуши, Армянский Центр стратегических и национальных исследований, Ереван, 1996, с.6.
113. Подробнее см. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с.274.
114. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, указ. соч., с.434-435.
115. См., например, Петрушевский И., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - нач. XIX вв., указ. соч., с. 137.
116. Մեխրիստ-բեկ Լ., Վրաց աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, հատոր , Երևան, 1955, էջ 131 (Меликсет-бек Л., Грузинские источники об Армении и армянах, т.3, Ереван, 1955, с.131).
117. Там же, с.132.
118. См., например, Абдул-Латиф-Эфенди, История шекинских ханов. Текст и перевод, перевод с тюркского А.Дадашева, Баку, 1926, с.5.
119. См., например, Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, указ. соч., с.48.
120. Грузинские источники об Армении и армянах, указ. соч., с.131).
121. Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, указ. соч., с.53
122. Ахмед Бек Джеваншир, указ. соч., с.14.
123. Там же, с.13.
124. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с.74-75.
125. См., например, Грамоты и другие исторические документы, относящиеся к Грузии, указ. соч., с.213.
126. Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, указ. соч., с.42.
127. Там же.
128. Абдуллаев Г., Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией, указ. соч., с. 106.
129. Раффи, Меликства Хамсы, указ. соч., с.61.
130. См. Мирза Адигезаль-бек, Карабаг-наме, издательство Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1950.
131. См. Պաշար, Քրիստոս, 1960, էջ 332-334 (Борьба, Бостон, 1960, с.332-334).
132. Из частной беседы с известным арцахским исследователем народных сказаний Шуши Г.Арутюняном, Степанакерт, 10 апреля 2007
133. См., например, Саркисян М., Из истории градостроительства Шуши, указ. соч., с.8.
134. См., Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с. 268.
135. См., Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, указ. соч., с.51.
136. См., в частности, Мирза Адигезаль-бек, Карабаг-наме, Академия наук Азербайджанской ССР, 1950, с. 59.
137. См., например, Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с. 76; Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, указ. соч., с. 63.
138. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ. соч., с. 19.
139. Там же.
140. См., например, Мирза Адигезаль-бек, указ. соч., с. 59; Раффи, Меликства Хамсы, указ. соч., с.62-63.

141. Раффи, Меликства Хамсы, указ. соч., с.64.
142. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с.370.
143. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ. соч., с. 20.
144. Там же, с. 21.
145. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ. соч., с. 19.
146. Нерсисян М., А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах, Ереван, «Айастан», 1981, с. 51, 137.
147. Там же, с.137.
148. Ахмед Бек Джеваншир, О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы, указ. соч., с. 23.
149. См. Сборник Армяно-русские отношения в XVIII веке, издательство Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1990, с. 251-252.
150. См., например, Նոր սերնակ, որ կոչվում է հորդորակ, քարգանդությունը գրառար բնագրից և անթարգմանությունները Պ.Խաչատրյանի, Երևան, 1991, էջ 103-104 (Новая тетрадь, под названием Наставления, перевод подлинника с габара и примечания П.Хачатряна, Ереван, 1991, с.103-104); Չքանյան Պ., Հայ-ռուս-վրացական փոխաբանությունները ժՐ դարի երկրորդ կեսին, Սայր Աթոռ Ս.Էջմիածնի հրատարակչություն, Էջմիածին, 2006, էջ 72,73 (Чюбянян П., Армяно-русско-грузинские отношения во второй половине XVIII века, издательство Первопрестольного Св.Эчмиадзина, Эчмиадзин, 2006, с.72-73)
151. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с.297.
152. Там же, с.298-300.
153. Иоаннисян А., Иосиф Эмин, Издательство АН Армянской ССР, Ереван, 1989, с.176
154. Там же.
155. См., например, Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, История Карабага, указ. соч., с.77; Мирза Юсуф Нерсесов, Правдивая история, указ. соч., с.63.
156. Иоаннисян А., Иосиф Эмин, указ. соч., с.180-181.
157. Подробнее см., например, Иоаннисян А., Иосиф Эмин, Ереван, 1945, с.269-274.
158. См., Маркова О., Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке, Москва, 1966, с.144.
159. Валиевский К., Вокруг трона, Москва, 1910, с.140.
160. См., например, Иоаннисян А., Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947, с. 190-191; Кавказский вестник, Тифлис, 1901, N10, с.27.
161. Подробнее см. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с.336-338.
162. Там же, с.339.
163. См. Дубровин Н., Война и владычество русских на Кавказе, указ. соч., книга II, с.29.
164. Брикнер А., История Екатерины Второй, т. II, СПб., 1885, с.390.
165. Дубровин Н., Война и владычество русских на Кавказе, указ. соч., книга II, с.25
166. Бутков П., Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., СПб., 1869, ч. I, с.115, ч. III, с.170, 176.
167. Там же, ч. II, с.144.
168. Лео, указ соч., т. III, кн. IV, с.346.
169. Подписанный императрицей Екатериной II указ ген. Г.А.Потемкину о полученных с Кавказа донесениях и о принятии в подданство Ибрагим-хана, 5 мая 1783 г., Сборник императорского русского исторического общества (С.И.Р.И.О.), т.27, СПб., 1895, с.256.

170. Дубровин Н., *Война и владычество русских на Кавказе*, указ. соч., книга II, с. 30.
171. См., Чобанян П., *Армяно-русско-грузинские отношения во второй половине XVIII века*, указ. соч., с. 150.
172. См. Иоаннисян А., *Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия*, указ. соч., с. 181-182.
173. Бутков П., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, указ. соч., ч. II, с. 180-184, 187, 189.
174. Левиатов В., *Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке*, указ. соч., с. 147.
175. Подробнее см., например, Чобанян П., *Армяно-русско-грузинские отношения во второй половине XVIII века*, указ. соч., с. 214.
176. См., Маркова О., *Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке*, указ. соч., с. 266.
177. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 370.
178. См., в частности, *Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа*, ч. II, Москва, 1838, с. 61-63.
179. Бутков П., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, указ. соч., ч. II, с. 195.
180. См., например, Мустафаев Дж., *Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII - начало XIX вв.)*, Баку, 1989, с. 73.
181. Потто В., *Кавказская война*, т. II, Ставрополь, 1994, с. 259.
182. Бутков П., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, указ. соч., ч. II, с. 251.
183. Кишимиев С., *Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти*, Тифлис, 1889, с. 255.
184. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 385.
185. Ахмед Бек Джеваншир, *О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы*, указ. соч., с. 25.
186. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, *История Карабага*, указ. соч., с. 80.
187. Там же.
188. Левиатов В., *Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке*, указ. соч., с. 171.
189. См., также Чобанян П., *Армяно-русско-грузинские отношения во второй половине XVIII века*, указ. соч., с. 218.
190. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, *История Карабага*, указ. соч., с. 81.
191. Подробнее см. Дубровин Н., *Война и владычество русских на Кавказе*, указ. соч., том III, 1886, с. 145-147.
192. Бутков П., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, указ. соч., ч. II, с. 209.
193. Подробнее см. Лео, указ. соч., т. III, кн. I, с. 395-396.
194. Бутков П., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, указ. соч., ч. II, с. 405.
195. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, *История Карабага*, указ. соч., с. 82.
196. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 400.
197. Там же, с. 401.
198. Левиатов В., *Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке*, указ. соч., с. 184.
199. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, *История Карабага*, указ. соч., с. 83.
200. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 402.

201. См. также Мирза Юсуф Нерсесов, *Правдивая история*, указ. соч., с. 73.
202. Мирза Адыгезал-бек, указ. соч., с. 83.
203. Более подробно см., Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, *История Карабага*, указ. соч., с. 88-89.
204. Подробнее см. АКАК, т. I, Тифлис, 1866, с. 129.
205. Подробнее о генерале Мадатове см., например, Дубровин, Н., В. Г. Мадатов, *Русский мир*, N297, 1872; Князь В. Г. Мадатов, *Русская старина*, N1, 1873; *Жизнь генерал-лейтенанта Мадатова*, СПб., 1874.
206. Подробнее см. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, указ. соч., т. I, с. 122.
207. Там же, с. 197.
208. Лео, указ. соч., т. III, кн. IV, с. 414.
209. Там же, с. 415.
210. См. *Кавказская старина*, N2, 1872, с. 36-37.
211. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, указ. док., т. I, N34, N47.
212. Раффи, *Меликства Хамсы*, указ. соч., с. 131.
213. АВПР, ф. СПР, оп. 77/6, 1796-1800, д. 473, л. 307, 310 в Чобанян П., *Армяно-русско-грузинские отношения во второй половине XVIII века*, указ. соч., с. 390.
214. *Армяно-русские отношения во второй половине XVIII века, сборник документов под редакцией М. Нерсисяна*, т. VI, Ереван, 1990, с. 510.
215. Там же, с. 503.
216. АКАК, указ. док., т. II, док. 1387, с. 685, док. 1170, с. 588.
217. Там же, док. 1436, с. 703.
218. См. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, *История Карабага*, указ. соч., с. 90-91.
219. Там же, с. 92.
220. АКАК, указ. док., т. II, 1436, с. 703.
221. См. Ахмед Бек Джеваншир, *О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 годы*, указ. соч., с. 73-75; АКАК, указ. соч., т. II, 1869, с. 705.
222. Ряд других авторов указывали на сумму в 10 тыс. червонцев. См., например, Бакиханов Абас-Кули-Ага, *Гюлистан-Ирам, Издание Общества обследования и изучения Азербайджана*, Баку, 1926, с. 150.
223. Там же, с. 154.
224. Раффи, *Меликства Хамсы*, указ. соч., с. 136.
225. Там же, с. 137.
226. АКАК, указ. док., т. III, 1869, док. N624.
227. Раффи, *Меликства Хамсы*, указ. соч., с. 142.
228. Мирза Юсуф Нерсесов, *Правдивая история*, указ. соч., с. 93.
229. Подробнее см. *Собрание Актов, относящихся к истории армянского народа*, т. 3, Москва, 1838, с. 311; Базелянц А., *По портретной галерее Лазаревых и Абамялек-Лазаревых*, Ереван, Айастан, 1996 г., с. 50.
230. См., например, Лео, указ. соч., т. IV, Ереван, 1984, с. 296.
231. Подробнее см. Потто В., *Первые добровольцы Карабага*, Тифлис, 1902.
232. Раффи, *Меликства Хамсы*, указ. соч., с. 146.
233. См. Мирза Джамал Джеваншир Карабагский, *История Карабага*, указ. соч., с. 98.

ДАВИД БАБАЯН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
КАРАБАХСКОГО ХАНСТВА
В КОНТЕКСТЕ
АРЦАХСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
XVIII ВЕКА

Главный научный редактор доктор исторических наук, заместитель директора Института востоковедения Национальной академии наук Республики Армения - **Павел Чобанян.**

Редактор-Ашот Бегларян

Компьютерная верстка-Артур В. Григорян

Сдано в набор 01.08. 07 г. Подписано в печать 21.08.07 г.
Размер 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага "Офсетная".

Отпечатно в издательстве "Антарес".
РА, Ереван - 0009, Маштоца 50а/1
тел.: (+ 374 10) 58 10 59, 56 15 26
тел./факс: (+ 374 10) 58 76 69
antares@antares.am
www.antares.am

Бабаян Давид Климович

Родился в 1973 году в г.Степанакерте.

Окончил Ереванский институт народного хозяйства (1994 год) по специальности государственное регулирование экономики, факультет политологии Американского университета Армении (1997 г.), факультет международных отношений Центрально-Европейского университета (1998 г., г.Будапешт).

В мае 2005 года защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблема водных ресурсов в контексте урегулирования нагорно-карабахского конфликта» в Институ-

те востоковедения НАН РА. В 1998-1999 гг. работал вторым секретарем Политического управления Министерства иностранных дел НКР, в 2000-2001 гг. - начальником отдела Политического программирования Политического управления МИД НКР, с мая по декабрь 2001 года занимал должность начальника Политического управления МИД НКР.

С декабря 2001 года по январь 2005 года работал экспертом группы планирования при Президенте НКР.

В феврале 2005 года назначен помощником Президента Нагорно-Карабахской Республики. Занимается также преподавательской деятельностью.

Читает лекции по политологии и основам дипломатии в Арцахском государственном университете и преподает международное публичное и гуманитарное право, а также историю политических и правовых учений в Степанакертском представительстве Российско-Армянской современной гуманитарной академии.

Часто представляет НКР на разного рода международных форумах, конференциях и встречах.

Имеет около 140 публикаций и статей, в том числе - более десятка научных.

Автор монографии «Проблема воды в контексте урегулирования нагорно-карабахского конфликта», вышедшей в свет в 2007 году в Степанакерте.